

ТРИШ
ДЖЕНСЕН

БЕЗ УМА ОТ ТЕБЯ

Chris Steele

Триш Дженсен

Без ума от тебя

OCR Roland; SpellCheck Elenor

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160727

Без ума от тебя: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2005

ISBN 5-17-030328-9, 5-9578-1700-7

Аннотация

Два адвоката – мужчина и женщина, – ведущие скандальное дело о разводе...

Женщина считает всех мужчин мерзавцами и не намерена менять свое мнение.

Мужчина убежден, что нет в жизни ничего более абсурдного, чем женщина-адвокат.

Для них невыносимо быть вместе – но они не могут друг без друга и часа.

Болезнь, неизвестная науке?

Или – старая как мир любовь?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	73
Глава 5	100
Глава 6	120
Глава 7	138
Глава 8	160
Глава 9	175
Глава 10	193
Глава 11	213
Глава 12	235
Глава 13	256
Глава 14	282
Глава 15	318
Глава 16	338
Глава 17	360
Глава 18	390
Эпилог	429

Триш Дженсен

Без ума от тебя

Пролог

– Ты самый настоящий змей!

– А ты – жуткая зануда!

Черт побери, она непременно бы оскорбилась, не будь в его словах изрядной доли истины.

– Твоему клиенту не видать Дудла как собственных ушей!

– А кто, по-твоему, купил пса?

– В качестве подарка для Жасмин, а ее имя стоит на всех имущественных документах!

– Но Жасмин недвусмысленно заявила, что предпочла бы драгоценности! Пес ей не нужен!

Они разошлись, причем довольно надолго. Обоим пришлось пробираться сквозь толпу репортеров. Журналистская братия столпилась на ступеньках Дворца правосудия для освещения сенсационного судебного процесса над главарем мафии Кармином Бум-Бум Карбоне. Этой клички знаменитый мафиози удостоился за свою склонность подрывать врагов самодельными бомбами.

Оставив журналистов и атакованного ими мафиози позади, они темпераментно продолжили разговор.

– Жасмин передумала, – сказала она. – Теперь она любит Дудла и не собирается отказываться от него.

– Ей что, все мало? Муж и так согласился оставить ей дом в Палм-Бич и бунгало в Мейне.

– Она этого достойна, как и многого другого. Твой клиент не смог бы заработать и цента, если бы не деньги ее отца. Кто, по-твоему, вложил свои кровные в его идиотскую компанию?

– Эта идиотская компания сегодня сделалась доходным предприятием стоимостью во многие миллиарды долларов! И все это благодаря деловой хватке моего клиента!

– Благодаря влиянию отца моей клиентки!

– О Господи, – пробормотал он, потирая затылок. – Ну почему из всех зданий суда всех городов всего мира ты выбрала именно этот! Занималась бы своими налогами и дальше! – Он презрительно фыркнул. – Ну да, конечно, твоя клиентка – она ведь еще и твоя двоюродная сестра!

– Тройродная, но это не имеет ровным счетом никакого значения!

– Верно. Зато имеет значение то, что твоя родственница совершенно не способна внимать доводам разума!

Она повернулась, открыв было рот, чтобы достойно ответить этому змею в человеческом облике, но в то же мгновение за ее спиной прогрехотал взрыв. Что-то ударило ей в висок, и она рухнула прямо на своего собеседника. Теряя сознание, она успела подумать о том, что Вселенная сыграла с

ней довольно-таки скверную шутку и теперь ей приходится отойти в мир иной в объятиях ненавистного змея.

Глава 1

Очнувшись, Пейдж Харт обнаружила, что голова раскалывается от боли. Такое впечатление, будто мозг разлетелся на мелкие кусочки.

Должно же быть какое-то научное объяснение того, почему ей на глазные яблоки, виски и основание черепа откуда-то изнутри постоянно и ритмично обрушивается безжалостный молот?

Пейдж мгновенно поняла, что сейчас визуальное восприятие мира окажется для нее просто невыносимым, и решила не открывать глаз. Лучше постепенно, деталь за деталью, постараться осознать происходящее.

Она лежит в постели. Это хорошо. Гораздо лучше, чем лежать в гробу, это точно. Хотя, может быть, и нет, если принять во внимание боль, от которой голова прямо-таки разламывается на части.

Пейдж провела рукой по нагретой ее собственным телом хлопчатобумажной простыне. И обнаружила еще один слой ткани, закрывавший верхнюю часть тела. Ага, значит, она не дома, а в каком-то другом месте пробуждается от ужасного ночного кошмара, от которого голова ее сейчас гудит как колокол. Дома Пейдж обычно спала обнаженной.

Значит, кто-то надел на нее хлопчатобумажную ночную рубашку и положил спать в чужую кровать.

Это точно не ее кровать: слишком жесткая, и подушка слишком плоская, а хлопчатобумажными простынями она вообще никогда не пользуется. Фланелевыми зимой, атласными летом.

– Отлично, мадам, – пробормотала она, – держитесь! Кто вы, где и почему здесь находитесь?

Пейдж почувствовала, что к ней вернулось обоняние. Пахло дезинфицирующими средствами и чем-то еще тошнотворно-сладковатым.

– Отлично! Все теперь ясно! Вы в больнице!

Эта мысль встревожила Пейдж. Она даже заставила себя провести пальцами по всему телу, производя инвентарный осмотр на предмет наличия всех его частей. Одновременно она пошевелила пальцами приподнятых ног. Движения вызвали новые удары безжалостного молота, раскальвавшего ей голову, однако теперь Пейдж точно знала, что конечности ее целы и невредимы.

Ага, она также не была прикована к аппаратуре жизнеобеспечения – по крайней мере присутствия такового Пейдж не обнаружила. Никакого свойственного таким штукам жужжания или ощущения иглы с трубочкой, вколотой под кожу. Все еще не открывая глаз, Пейдж сделала глубокий вдох.

«Тебя зовут Пейдж Харт. Тебе тридцать два года. Не замужем, слава Богу. Твоих родителей зовут Уильям и Лайла Харт. У тебя шесть братьев, две сестры и целая куча тетушек, дядюшек, двоюродных и троюродных братьев и сестер».

При мысли о своем многочисленном семействе Пейдж застонала: ей мгновенно вспомнилось еще кое-что. Вроде того, что по профессии она юрист и с того самого момента, как восемь лет назад она сдала экзамен в адвокатуру штата Джорджия, многочисленные родственники один за другим штурмовали ее офис, загрузив ее массой юридических проблем, решать которые, по их мнению, непременно должна она, Пейдж.

И не важно, что она всего лишь консультант по налогам. Это не помешало тетушке Лулу притащить в ее офис кузину Дуэйн, после того как блюстители закона поймали девицу, когда она баллончиком с краской начертала на краю моста надпись «Прыгать здесь!». В равной степени и для второй кузины – Бонни – было не важно, что Пейдж абсолютно не подготовлена к ведению судебных процессов о сексуальных домогательствах. Это также не помешало большинству родственников назвать ее душеприказчицей их всевозможных завещаний.

Но самым забавным стал случай, когда ее двоюродный племянник Джерри пожелал нанять Пейдж, чтобы та помогла ему оспорить завещание его матери, ее двоюродной бабушки Твилы. К счастью, кандидатуру Пейдж отклонили, потому что она была названа душеприказчицей завещания тетушки Твилы и при всем желании не смогла бы одновременно отстаивать интересы противоположных сторон. В конечном счете вся собственность тетушки Твилы – в букваль-

ном смысле до последнего цента – оказалась в распоряжении организации под названием «Народ за Америку, свободную от змей». Тетушка Твила отличалась сильнейшей антипатией к змеям. При упоминании о змеях в пульсировавшей от боли голове Пейдж всплыло имя Росса Беннета. Она долго не могла понять почему. Родственника с таким именем у нее не было и нет, однако, принимая во внимание изобилие таковых, утверждать наверняка она не осмелилась бы. Хотя это имя определенно оставляло во рту какой-то неприятный привкус.

– Думай, Пейдж, – пробормотала она. – Вспоминай! Что ты делала, перед тем как потерять сознание?!

Воспоминания обрушились на нее подобно горной лавине, и у нее перехватило дыхание. Ну конечно! Она прогуливалась по коридору Дворца правосудия округа Фултон, обсуждая детали развода своей кузины Жасмин и ее мужа Карла Пейтона. А разговаривала она с адвокатом Карла Пейтона – этим змеем Россом Беннетом.

Пейдж смутно припомнила, как ее бросило прямо на Росса и как что-то взорвалось у ее левого виска. Затем из глаз посыпались искры, и окружающий мир неожиданно померк.

Так вот, значит, почему она здесь оказалась! Ее контузило! Но за исключением неприятного ощущения в области правого бедра – скорее всего это только синяк! – она вряд ли сильно пострадала. Вот разве что голова!

Впрочем, возможно, она ошибается насчет степени полу-

ченной ею травмы.

Затем Пейдж подумала о том, что могло случиться с Россом. Он, конечно, змей, какие могут быть сомнения, но это еще не значит, что она желает ему неприятностей. Хотя, сказать по правде, она не слишком-то стала бы возражать, будь у него сломана челюсть, чтобы врачи закрепили ему перелом проволокой. Ничего более серьезного, честное слово!

Нет, вовсе ей не хочется, чтобы сломанная челюсть навсегда изуродовала коллегу по профессии, змей он или не змей. Следует признать, что челюсть у него просто восхитительная. Какую мужественность придает она его лицу – чувственным губам, крупному носу и серым глазам. Такие глаза наверняка растопили не один айсберг. Да что там говорить, Росс Беннет – чертовски привлекательный змей.

Хотя, конечно, привлекательная внешность еще не оправдывает того факта, что он зарабатывает себе на жизнь свадьбами и похоронами. В представлении Пейдж, адвокатов, занимающихся разводами, от работников скорой медицинской помощи отделяет всего один крошечный шаг. Особенно тех из них, что упрямо отказывают ее, Пейдж, родственнице даже в крохах огромного состояния бывшего мужа. Среди таких адвокатов нередко попадаются типы наподобие того варвара, с которым ей когда-то пришлось иметь дело в колледже. Он тогда сделал все, что только было в его власти, чтобы испортить ей жизнь.

Адвокаты, занимающиеся разводами, обманывают клиен-

тов. Росс Беннет был адвокатом и специализировался на разводах. Значит, он самый настоящий змей, хотя и весьма привлекательный. И отнюдь не дурак.

Пейдж гордилась собственной энергичной риторикой, способной задеть любого оппонента за живое. И в Россе ее в первую очередь раздражало, что тот, как и она сама, не лез за словом в карман.

В первый раз он застал ее врасплох, резко ответив на ее не менее резкое высказывание. И вместо того чтобы прямо у нее на глазах покорно поникнуть головой, как это делали все нормальные люди, Росс, по мере того как эта безжалостная схватка продолжалась, похоже, все больше входил в раж. Хотя Пейдж отчаянно стояла на своем, к тому времени, когда покинула его офис, она испытывала гремучую смесь злости и ревнивого завистливого восхищения.

Пейдж рывком решительно стряхнула с себя мысли о Россе Беннете и вместо этого подумала о том, что ей следует наконец открыть глаза, изучить окружающую обстановку и как можно скорее выбраться отсюда на свободу. Больница – не то место, где она согласна попусту терять время.

Пейдж медленно приоткрыла один глаз. Этого оказалось достаточно, чтобы понять – посетителей в больничной палате нет, как нет никого из числа медицинского персонала. Странно. Когда кого-нибудь из представителей многочисленного клана Хартов укладывали в больницу, все остальные самозабвенно бросались на помощь и с таким энтузиазмом

наваливались на заболевшего родственника, что тому приходилось либо выздороветь, либо отдать Богу душу.

Видимо, им еще не сообщили о взрыве.

Откуда-то слева донесся громкий стон, и Пейдж от неожиданности резко повернула голову, о чем в следующую же секунду горько пожалела. Оба виска пронзила острая боль, и на какой-то миг ей показалось, что потолок и стены сместились куда-то в сторону. Она поспешно прижала руки к вискам, опасаясь, что сейчас мозги вылетят наружу. Когда комната перестала качаться, как палуба корабля на волнах, Пейдж заметила бежевого цвета занавеску, отделявшую от нее вторую половину больничной палаты, – похоже, там находился второй ее обитатель.

Из-за занавески снова раздался стон. Пейдж без особой уверенности подумала о том, что медицинскому персоналу следовало, бы проявлять больше внимания к пациентам. Впрочем, это хороший знак: если за ней не наблюдают круглые сутки, значит, состояние ее здоровья не внушает особых опасений. Хотя таблетка аспирина ей в данную минуту совсем не помешала бы.

Осторожно поворачивая голову, Пейдж осмотрела палату более внимательно. Та показалась достаточно просторной – в ней запросто можно было разместить четыре кровати, однако у противоположной стены не было ничего, кроме двух прикроватных столиков. Слева располагалась дверь, справа – два шкафа. Дверь, что вела в коридор, находилась посе-

редине левой стены на той стороне палаты, где лежал второй пациент. Соседнее окно было плотно занавешено желтыми шторами. Пейдж показалось странным, что коридор по ту сторону оконного стекла так скудно освещен, что было невозможно что-либо рассмотреть. У Пейдж возникло забавное ощущение полной изоляции, лишь шорох простыней за занавеской, где лежал второй пациент, свидетельствовал о том, что она здесь не одна.

Затем в поле ее зрения попала урна, что стояла слева от двери. Начертанная на ней надпись заставила Пейдж тревожно замереть: **БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ**. И ниже шрифтом чуть помельче – «*Медицинские отходы*», а рядом какой-то непонятный, похожий на тарантула символ. За исключением нечастых посещений заболевших родственников другого опыта пребывания в стенах медицинских учреждений у Пейдж не было. Тем не менее она не могла припомнить, чтобы когда-либо видела в больничных палатах урны размером с небольшой грузовичок.

Прямо над урной к стене был надежно прикреплен металлический ящичек. Интересно, а это еще что такое?

Посмотрев вправо, она заметила еще два окна, выходящих на улицу. Однако разглядеть что-то интересное не представлялось возможным – были видны лишь краешек неба над Атлантой и громада банка «Нейшнз».

Пейдж осмотрела стоявший возле кровати столик и обнаружила рядом с телефоном графин с водой и пластиковый

стаканчик. Вода. Вот здорово! В горле у нее совсем пересохло. Пейдж медленно села на постели и свесила ноги вниз. Ага, она босиком, значит, одежда должна находиться где-то поблизости.

Пейдж потянулась к графину и тотчас почувствовала, что ее рука дрожит. Более того, она еще и перебинтована. Видимо, ей все-таки сделали какой-то укол. Наливая воду, Пейдж сделала для себя неприятное открытие – оказывается, после взрыва у нее совсем не осталось сил. Графин пришлось придерживать обеими руками.

Нужно позвонить брату Нику, подумала Пейдж, отпивая из стаканчика. Но прежде чем сообщить ему, что через час ее отпустят из больницы домой, надо сначала выслушать кого-нибудь из врачей.

К сожалению, в палате в данную минуту как назло никого не было. Пейдж бросила взгляд на изголовье кровати: там наверняка должна находиться кнопка вызова медицинского персонала. Она дважды нажала и прислушалась. Слава Богу, в палате звонок не зазвонил.

Тем временем второй пациент затих, поэтому она решила не звать медсестру. Неловко соскользнув с кровати, Пейдж рискнула встать на ноги. Ее снова немного качнуло, но она успела ухватиться за столик. К горлу подступила тошнота, и, чтобы унять ее, Пейдж пришлось сделать глубокий вдох. Господи, может, она сумеет сдержать рвотный рефлекс!

Пейдж показалось, что ее ноги сделались резиновыми, вроде тех цыплят, что обычно подают на банкетах, поэтому она какое-то время постояла, прежде чем сделать попытку шагнуть вперед. О Боже, сейчас бы таблетку аспирина! Где же медсестра? И где се бумажник, портфель, одежда? Может, все-таки стоит позвать медсестру?

Пейдж почувствовала, как сзади ее обдала струя холодного воздуха. Значит, ей не придется разглядывать себя, и без того ясно, что на ней короткая больничная рубашка из тех, что практически ничего не оставляют воображению. А это, в свою очередь, означает, что ей лучше воздержаться от хождения по мрачному темному коридору и не требовать внимания к своей особе.

Пейдж повернулась к двери и стенным шкафам в другом конце палаты. Может быть, именно там находятся ее одежда, бумажник и портфель? К счастью, дверь вела в ванную комнату, где Пейдж смогла бы решить другую давно назревшую проблему.

Но почему-то в данный момент эта другая часть палаты показалась ей ужасно далекой, словно до нее не пара-тройка футов, а добрая миля. Пейдж была не вполне уверена в том, сумеет ли она преодолеть это расстояние на неверных, предательски дрожащих ногах. Что за чертовщина! Однако мочевого пузыря настоятельно требовал немедленно тронуться в путь, и, если она не сможет идти, передвигаться все равно придется – пусть даже ползком.

Опираясь на спинку кровати, Пейдж сделала несколько робких шагов. С каждой секундой она чувствовала себя все более уверенно. Силы явно возвращались к ней, вот только головная боль не ослабевала ни на йоту. Превосходно. Посетить туалет, переодеться в другую одежду, найти медицинский персонал...

Медицинский персонал. Она дважды вызывала медсестру, но никто так и не появился. Что же это за лечебное заведение такое? Самое близкое от здания суда – это больница Святой Екатерины, так что скорее всего она находится именно в ней. Или в ней, или же где-то по ту сторону «Сумеречной зоны»¹, подумала Пейдж, взглянув на почти черную бездну за оконным стеклом, выходящим в больничные коридоры. Отчаянное, неукротимое желание облегчить мочевой пузырь заставило ее двинуться дальше. Согнувшись в три погибели, Пейдж сумела-таки сделать несколько шагов. Мысленно подбадривая себя и одновременно браня больничные персонал, она преодолела полпути к заветной двери, когда противный и до боли знакомый змеиный голос заставил ее замереть на месте:

– У тебя красивая попка, Харт.

Слова эти тотчас перенесли ее из ночной чертовщины в мир грез.

¹ Научно-фантастический сериал телекомпании Си-би-эс. – Здесь и далее при-
меч. пер.

Росс нисколько не преувеличивал. Попка у Пейдж Харт была действительно чертовски хороша. В этом не было ничего удивительного. Какая еще попка должна быть у женщины, что умеет повернуть дело лучше любого мужчины-адвоката. Эта часть анатомии Пейдж чертовски соблазнительно вырисовывалась под деловым костюмом куда выразительнее, чем у любой другой служительницы Фемиды. В первый раз, когда Росс положил на нее глаз – это было в тот день, когда Пейдж ворвалась в его офис в образе разъяренного ангела-мстителя, – у него просто отвалилась челюсть. Россу тогда стоило огромных усилий, чтобы не присвистнуть при виде такой потрясающей женщины.

Ее светлые, медового оттенка волосы были зачесаны назад и собраны в тугий узел, а зеленые кошачьи глаза сердито прищурены и буквально метали молнии. При всем том, что в то мгновение она, словно тигрица, прямо-таки дышала яростью и, казалось, была готова пустить в ход не только слова, но и когти, Росс все-таки успел заметить и оценить ее женственные округлости.

Однако стоило ей открыть рот, как он тотчас забыл о ее хорошеньком личике и восхитительной, божественной фигуре.

– Мистер Беннет, приготовьтесь, я сейчас разделаю вас под орех! Россу пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы не обращать внимания на ее поразительной красоты лицо и тело, потому что в течение десяти минут, которые

длилась их встреча – если, конечно, можно назвать деловой встречей боксерский спарринг, – он узнал о ней еще кое-что важное: эта особа обладала острым, незаурядным умом. Такого превосходного адвоката он еще не встречал, не считая себя самого.

Что делало ее весьма опасной.

Росс не любил проигрывать, но этого не любила и Пейдж Харт. С каждой новой их встречей она ловко отщипывала у его клиента все новые кусочки от принадлежавшего тому состояния. Когда имущество между бывшими супругами было бы наконец поделено, пошел бы Карл Пейтон по миру обыкновенным мультимиллионером, если бы не Росс.

– Ты! – на одном дыхании выпалила Пейдж. Ее тон и испуганное выражение лица тотчас подсказали Россу, что в эту минуту она не слишком рада его видеть.

Правда, он и сам не особенно радовался этой встрече. Если он правильно понял, они оказались обитателями одной и той же больничной палаты. О том, как подобное могло произойти, Росс не имел ни малейшего представления. Он вспомнил, что возле здания суда прогремел взрыв – скорее всего очередная проделка Бум-Бум Карбоне, – а затем он получил оглушительный удар по голове и погрузился в беспмятство. Что произошло между взрывом и той минутой, когда он, очнувшись, удостоился счастья лицезреть соблазнительную попку Пейдж Харт, Росс не помнил.

Почувствовав головную боль, он приложил руку ко лбу и

обнаружил над левой бровью марлевую наклепку. Видимо, во время взрыва он получил травму и у него пошла кровь.

– Не ожидал, что встречу тебя здесь, – произнес он с улыбкой. Нет, он не хотел улыбаться ей, это вышло само собой. Мысль о том, что его угораздило оказаться в одной палате с этой бойкой на язык и очень неглупой стервой, вызвала у Росса головную боль поистине вселенских масштабов.

Пейдж, по-прежнему в замешательстве таращась на Росса, схватила сзади в кулак подол больничной рубашки, пытаясь натянуть ее как можно ниже. Россу грех было жаловаться. Ткань туго натянулась, плотно облекая ее стройную талию и бедра, притягивая к себе его плотоядный взгляд. Да, тут есть на что посмотреть.

О Боже, какая чудесная грудь! Высший класс! И ножки тоже чудо как хороши! Как жаль, что их обладательница свирепа, как акула!

И дело не в том, что он невысоко ценит повадки морской хищницы, наоборот. В конце концов, она ведь тоже адвокат.

– Похоже, мы товарищи по несчастью, – произнес он, чувствуя, что во рту у него неожиданно пересохло.

– Должно быть, это ошибка. Как мы сюда попали?

– Ничего не могу сказать, дорогая. Я даже не знаю где мы находимся.

Пейдж смерила его негодующим взглядом. Но как только ее взгляд, скользнув по нему, остановился на его голове,

вернее, на макушке, выражение ее лица сменилось с презрительного на слегка озабоченное.

– Надеюсь, моей вины в этом нет, – кивнув, неуверенно сказала Пейдж.

Росс равнодушно пожал плечами. Разве он винит се в том, что схлопотал удар по голове? Во все виноват этот чертов взрыв. Ирония судьбы. Если бы не усердие медиков, он вообще не получил бы ни единой царапины. И если бы он относился к вздорному типу людей, он затеял бы судебный процесс в ту же секунду, как только оказался бы за воротами больницы.

Но он не таков. Он, скорее, отнес бы самого себя к разряду оппортунистов, умеющих извлечь выгоду из чего угодно.

– Последнее, что мне запомнилось, – это как ты набросилась на меня. В самом деле, Пейдж, тебе нужно было просто по-хорошему меня попросить.

– Ты знаешь, что на самом деле произошло? – спросила та, злобно покосившись на него.

– Нет, но подозреваю, что Бум-Бум или кто-то из его головорезов имеет к этому самое непосредственное отношение.

Пейдж, сморщившись от боли, потеряла висок, второй рукой по-прежнему сжимая рубашку. Она снова покосилась на него и, шаркая босыми пятками, заковыляла дальше, по направлению к двери на другом конце палаты.

– Есть здесь хоть какие-нибудь врачи или медсестры? – возмутилась она, потянувшись к дверной ручке.

– Мне, в равной степени как и тебе, остается только гадать об этом, дорогая. Я сам очнулся лишь пару минут назад.

– Я вовсе не твоя дорогая, Беннет! – взорвалась она. С языка Росса был готов сорваться вопрос о том, чьей дорогой она себя считает, но он сдержался и промолчал. Во-первых, это его не касается, а во-вторых, правдивый ответ на этот вопрос ему вряд ли удастся получить.

Росс уже устроил небольшую проверку и знал, что Пейдж не замужем. Это было, естественно, скромное рутинное расследование. Он всегда узнавал все, что ему было нужно, об адвокатах-соперниках, с которыми он пересекался в ходе дел. Исключительно исходя из здравого смысла.

Так, например, ему было известно, что как адвокат Пейдж Харт не специализировалась исключительно на разводах. Когда Росс узнал об этом, то на радостях даже принялся потирать руки. Да, лакомый кусочек, ничего не скажешь, опрометчиво подумал он тогда.

А затем он встретился с ней. Росс вздрогнул, вспомнив их первую встречу. Пейдж моментально отучила его от привычки недооценивать способности конкурентов.

Неожиданно до Росса дошло: его госпитализировали. Он в больнице. Из-за удара по голове? Нет, это уже слишком.

Он, конечно, чувствовал, что серьезно пострадал.

Такое впечатление, будто все тело покрыто синяками. Судя по всему, ему здорово досталось, но не настолько же, чтобы из-за этого упечь его в больницу. Росс все еще ощущал

легкий звон в ушах. Это было неприятно, но не болезненно. Хотелось надеяться, что это лишь временное воздействие взрыва, легкая контузия.

– Что, черт побери, мы с тобой здесь делаем? – рассердилась Пейдж.

Росс удивленно поднял бровь. Если он не ошибается, она впервые чертыхнулась в его присутствии. Раньше он не слышал, чтобы нечто подобное слетало с ее губ. Сочных красивых губ.

– И почему они не отвечают? – продолжала кипятиться Пейдж, показывая на свою кровать. – Я звонила медсестре.

– Ну и?

– Попробуй ты, может, у тебя получится вызвать ее, – раздраженно потребовала Пейдж властным тоном, который в представлении Росса теперь прочно ассоциировался с ней, и только с ней. Да, нахальная девица. Просто из принципа – и еще чтобы в ответ поддразнить ее – Росс даже ухом не повел.

– Тебе не приходило в голову, – спросил он, – что больница может быть переполнена пострадавшими? Боюсь, мы с тобой не единственные пострадавшие в результате взрыва. Как знать, может, наоборот, мы с тобой – пара счастливчиков, благополучно отделавшихся легкими ушибами.

Пейдж посмотрела на него уничтожающим взглядом.

– Счастливчиков? Тоже мне счастье – оказаться вместе с тобой в одной больничной палате! Что-то не чувствую себя выигравшей в лотерею!

Росс, слава Богу, был не из тех, кого легко испепелить взглядом. Вообще-то, как он сейчас понял, эта женщина только хорошела, когда вот так ощетикивалась. Не желая принять смерть в самое ближайшее время, он решил не озвучивать свое наблюдение.

Огонь в глазах Пейдж немного угас.

– Может быть, ты и прав, – энергично произнесла она. – Я имею в виду твои слова о количестве жертв.

Двумя секундами раньше он поспорил бы на миллион долларов, что подобные слова никогда не сорвутся с ее губ. По крайней мере не в его адрес.

Однако она тотчас загасила этот слабый огонек его триумфа, добавив:

– Не иначе, как ты собрался предложить свои услуги в составлении исков о получении травмы? Сейчас вот встанешь с постели и пойдешь по коридору, раздавая направо и налево визитки?

Ее красивые розовые губы моментально утратили всю свою сексапильность. Чтобы не сорваться, Росс поспешил спрятать раздражение за грубоватой усмешки:

– Где уж мне тягаться с тобой в умении выторговывать компенсацию большую, чем положено.

В зеленых глазах Пейдж снова вспыхнул огонь. Эти негодующие глаза по какой-то неясной причине вызвали у него желание улыбнуться.

– Ну и гаденыш же ты, – процедила она сквозь зубы.

Прежде чем Росс успел что-либо ответить, Пейдж отвела взгляд и продолжила вслепую нащупывать дверную ручку. Она по-прежнему старалась не поворачиваться к нему спиной, чтобы не дать ему возможности полюбоваться на ее прелести. Жаль, очень жаль. Ему всегда нравилось разглядывать ее сзади. Хотя бы потому, что это означало – она уходит, завершив разговор. Росс подумал о том, что отныне уже никогда не сможет смотреть ей вслед, не вспоминая о том, как выглядит ее спина во всей своей великолепной нагой красе.

Он снова улыбнулся ее безуспешной попытке справиться с дверью. Однако, принимая во внимание, что и у него появилась настоятельная потребность посетить это заведение, он все-таки решил помочь ей.

– Бери немного выше, дюймов на шесть, – подсказал он, указывая большим пальцем вправо.

Пейдж последовала его совету и, повернув дверную ручку, распахнула дверь. Затем вошла внутрь, включила свет и, обернувшись, посмотрела на него через плечо. С явственно различимым вздохом облегчения она шагнула в ванную и захлопнула за собой дверь.

Как только Пейдж исчезла из поля зрения, Росс приподнял простыню и увидел, что одет точно так же, как и она, – в больничную рубашку. Отбросив простыню, он энергично свесил ноги с кровати и моргнул, почувствовав, что резкое движение вызвало у него легкое головокружение. Что ж, мо-

жет быть, больница сейчас и впрямь не худшее для него место.

С другой стороны, Пейдж выглядела совершенно здоровой, за исключением того, что иногда болезненно щурилась и массировала висок. Но если у нее случилось что-то с головой, то разве ей не следует провести несколько дней в постели? Разговаривала она ясно и разумно – правда, резковато, но это в ее духе. Отчего Росс предположил, что у нее скорее всего лишь легкое сотрясение мозга. Но даже если у нее ничего, кроме сотрясения, нет, все равно, по его мнению, она была не в лучшем состоянии. Вдруг она внезапно потеряет сознание или с ней случится что-нибудь в этом роде? Как он тогда сумеет донести ее до кровати? Ведь у него самого подгибаются колени.

Забавно, но, мысленно представив себе, как он несет Пейдж на руках и укладывает в постель, Росс почувствовал, как внутри его что-то шевельнулось. Черт, эта картина возбуждала. В сексуальном смысле. В последний раз он был с женщиной не так уж давно. Неужели его и впрямь возбудила эта стервозная акула-адвокат, которая пытается обескровить его клиента? Невероятно! За исключением того, что напряжение в паху недвусмысленно свидетельствовало о том, что так оно и есть.

Стараясь не обращать внимания на беспокоившую его часть своего тела, Росс рывком вскочил на ноги и, чтобы узнать время, машинально потрогал запястье. Но, похоже, у

них забрали не только одежду. Росс огляделся по сторонам, но часов нигде не заметил. В три часа ему непременно нужно быть в суде, если, конечно, здание суда по-прежнему стоит на своем месте.

Росс мысленно прикинул, что взрыв прогремел где-то между двенадцатью и четвертью первого, потому что Псйдж перехватила его в тот момент, когда он вышел из здания, чтобы сходить куда-нибудь перекусить. Конечно, это мало что значило, потому что он не представлял себе, как долго длился их разговор.

Если ему не удастся попасть в суд вовремя, нужно, чтобы его помощник обратился с просьбой о переносе слушаний. Затем Росс снова подумал, что, если он не появится в положенный час, все подумают, что он серьезно пострадал при взрыве.

Нет, лучше будет удостовериться. С этой мыслью Росс нажал кнопку вызова медицинской сестры. И в следующую секунду увидел Пейдж.

Она вышла из ванной. Выражение ее лица слегка изменилось – в лучшую сторону, однако в зеленых глазах по-прежнему читались презрение и злость. Росс был готов отпустить очередную шпильку, но в этот момент за стеклом, отделявшим их от остального мира, зажегся свет.

По сдавленному крику, вырвавшемуся из горла Пейдж, он понял, что она увидела то же, что и он, – написанное на стекле огромными буквами слово:

КАРАНТИН.

Глава 2

– Неужели здесь повсюду такая грязь? – Ник Харт с великим трудом удержался от охватившего его всепоглощающего желания задушить жену своего клиента.

– Неизбежное зло при любом строительстве, миссис Джонс. Хочешь не хочешь, а приходится рыть землю, – тем не менее вежливо ответил он.

Подкрашенные ярко-красной помадой губки недовольно надулись, а их владелица принялась придиричиво изучать земельный участок в Бакхеде, где вместе с мужем они строили себе потрясающий особняк стоимостью три миллиона долларов, проектированием которого и занимался Ник. Разумеется, всякий раз, когда двадцатилетняя жена престарелого медиамагната Фримена Джонса открывала новый номер «Архитектурного дайджеста», выполненный им проект подвергался новым изменениям и дополнениям. Первоначальная, смета в три миллиона грозила перерасти в девять миллионов. Впрочем, Фримен Джонс был из тех, кто легко мог себе это позволить.

Всего неделю назад, сразу после того как в открытом бассейне была уложена плитка, Памела Джонс, раскрыв апрельский номер журнала, ткнула пальцем в один из фотоснимков.

– Я передумала. Хочу, чтобы у нас был такой же бассейн,

как у Кэти Ли. – Ник и раньше сталкивался с капризными, так называемыми трудными клиентами, и они время от времени снова попадались ему. Он легко мог представить себе реакцию своего бережливого, трезвомыслящего отца на столь бездумную трату времени и денег. Скорее всего тот посоветовал бы сыну сбросить привередливую клиентку в бассейн.

– А еще мраморная облицовка в фойе, – добавила миссис Джонс, перелистывая номер журнала «Кантри ливинг». – Я не совсем довольна...

– Ник! – крикнул кто-то за его спиной. Архитектор тотчас обернулся, ощутив прилив горячей благодарности к бригадире строителей, кстати сказать, собственному дядюшке, за то, что тот помог ему прекратить эту пытку общения с Памелой Джонс.

– Что там, Джимми?

К Нику, пытаясь, подбежал немолодой грузный мужчина. На его потном лице читалось озабоченное выражение.

– Только что передали по радио... в округе Фултон... во Дворце правосудия произошел мощный взрыв!

– Взрыв? – недоверчиво переспросил Ник.

– Взрыв! – выразительно повторил Джимми, всплеснув руками.

– Ужас какой, – прокомментировала Памела Джонс. По выражению ее лица Ник понял – не иначе, как она мысленно представила себе, какую грязь может натворить взрыв.

– Что там, бомба взорвалась? – спросил он, первым делом вспомнив о своей сестре Пейдж. Дело было не в том, что известие слишком обеспокоило его: Пейдж проводила в судах не так уж много времени. Обычно она навевалась во Дворец правосудия лишь в случае, если кто-то из родственников попадал в беду. Однако в последнее время вроде бы никто из них не арестован, все на свободе, живут и здравствуют. Да, но офис Пейдж всего в двух кварталах от здания суда, так что взрывом вполне могло накрыть и ее.

– Пока еще ничего толком не известно. Там сейчас настоящий хаос.

– Мне, пожалуй, лучше съездить туда, – заявил Ник. Шанс, что сестра пострадала, конечно, крайне невелик, но мать непременно спустит с него шкуру, если он лично не убедится, что с Пейдж все в порядке.

– А как же мрамор в фойе? – запротестовала Памела Джонс.

Ник быстро сосчитал в уме до десяти.

– Извините, миссис Джонс, но моя сестра адвокат, а ее офис находится по соседству со зданием суда.

– Адвокат? – удивленно переспросила молоденькая супруга медиамагната, сморщив от отвращения нос.

Если принять во внимание тот факт, что Фримен Джонс познакомился с Памелой на праздновании своего шестидесятилетия, когда та, выскочив из огромного праздничного торта, сначала станцевала перед ним, а потом еще и

изобразила для старикана стриптиз, Ник решил, что у этой особы не слишком много оснований выносить столь смелые суждения. Опять же, может, адвокаты оставили у миссис Джонс неприятные воспоминания в связи с заключением брачного контракта? Нику стоило немалых усилий сохранить на лице любезную, приторную улыбку.

– Да. Придется вам извинить меня.

– Когда же мы сможем поговорить о мраморе? – Джимми посмотрел на жену Фримена Джонса с таким изумлением, словно перед ним сидела ненормальная. Он всегда был великим знатоком человеческих характеров.

– Явернусь к вам, – пообещал ей Ник сквозь стиснутые зубы. Затем хлопнул Джимми по плечу. – Я уверен, что с Пейдж все в порядке, но все равно сообщу тебе, как там обстоят дела.

– Только сразу же, как все разузнаешь, договорились? – произнес Джимми и медленно попятился назад, прочь от Памелы Джонс, глядя на нее с опасением, как смотрят на бешеную собаку.

Шагая к автомобилю, Ник изо всех сил старался сдерживать улыбку. Может, у него и нет настоящей причины торопиться к зданию суда, однако в любом случае он собирался уехать в надежде избежать обсуждения вопросов, связанных с мраморной облицовкой фойе. Потому что, Бог тому свидетель, если дать ей еще один день, эта баба точно в очередной

раз изменит свое решение. Ник завел двигатель и, отъехав от строительной площадки, вытащил мобильный телефон и набрал номер Пейдж. Ответила ее помощница Бетти Найлз.

Бетти была пятидесятилетней светской дамой, которая когда-то наняла Пейдж уладить налоговые вопросы, возникшие после смерти ее мужа. Однажды она заехала в офис Пейдж, чтобы забрать кое-какие документы, и застала там абсолютный хаос. Секретарша была больна, и Пейдж вместе со своими подчиненными, бестолково суетясь, металась из одного конца офиса в другой, а вокруг не смолкая трезвонили телефонные звонки.

Бетти хладнокровно уселась за стол секретарши, пробормотав что-то вроде того, что всегда хотела посмотреть, как живет остальная половина человечества, и стала отвечать на звонки. С тех пор прошло четыре года, в течение которых она железной рукой бессменно руководила офисом.

– Бетти, это Ник. Пожалуйста, прошу тебя, скажи мне, что Пейдж сейчас, насупив брови, сидит в офисе и изучает новые налоговые законы.

– Мне очень жаль, мой милый мальчик, но этого я тебе сказать не могу. Пейдж вот уже несколько часов не дает о себе знать. Она пропустила две встречи с клиентами.

– Она была в суде? – спросил Ник, впервые испытав страх за сестру.

– Трудно сказать. Она куда-то поспешно уехала еще до полудня. Еще ворчала при этом, что надо убить какую-то га-

дюку.

В телефонной трубке Ник услышал отдаленный вой автомобильных сирен.

– Тебе известно, какой силы был взрыв?

– Никого не подпускают близко к месту трагедии, так что точно никто ничего не знает. В первых сообщениях упоминалось о сотнях раненых, но жертв, слава Богу, говорят, нет.

Поканет. Она не произнесла этих слов, но они, похоже, висели в воздухе.

– У вас в офисе был слышен взрыв? – спросил Ник.

– Немного потрянуло оконные стекла. А сам взрыв мы, конечно, слышали. – До слуха Ника донеслось, как Бетти сокрушенно вздохнула. – Мы попытались дозвониться в больницы, но там такой кавардак! Кроме того, справок никому не дают. – После короткой паузы Бетти насмешливо произнесла: – Больнице Святой Екатерины я напомнила, что не просто работаю в офисе Пейдж Харт, но и что целое крыло их больничного корпуса носит имя моего отца. Но они в ответ лишь повесили трубку.

Не будь Ник в данный момент так озабочен судьбой сестры, он наверняка бы понял, что в не слишком отдаленном будущем в больнице Святой Екатерины кому-то не сносить головы.

– Тебе известно, в какие именно больницы отправили пострадавших?

Бетти в следующую же секунду отбарабанила адреса трех

самых крупных больниц из тех, что были ближе всего к месту трагедии. Ник знал местоположение первых двух. Он понял, что если заглянет в обе, то не составит особого труда отыскать и третью больницу.

– Я найду Пейдж! – воскликнул он, пытаясь уверить не столько Бетти, сколько самого себя. В конце концов, мать не простит ему, если он не найдет сестру. Никто из Хартов никогда не оставлял своих родных на произвол судьбы. Во всяком случае, не тогда, когда сотни других Хартов то и дело щелкают эту самую судьбу-злодейку по носу.

Пейдж пристально разглядывала женщину, что стояла по другую сторону огромной стеклянной перегородки. Кто она такая – врач или медсестра, – понять было трудно. Одета в длинный белый халат, на шее висит стетоскоп, на макушку сдвинуты большие очки, будто взятые из арсенала подводных ныряльщиков, на груди болтается снятая с лица марлевая маска.

На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Красивое, классической лепки лицо, высокие, изящно очерченные скулы, огромные серые глаза. Определить цвет волос Пейдж не смогла, поскольку они были скрыты шапочкой. Пейдж ткнула пальцем в табличку с надписью КАРАНТИН и вскинула вверх руки в жесте, который должен был означать вопрос: «Что это такое, черт побери?» Женщина улыбнулась, кивнула, затем прикоснулась к чему-то рукой – видимо, к пере-

ключателю. В комнате раздался усиленный невидимыми динамиками голос.

– Не впадайте в панику! Через секунду буду у вас и все объясню!

Смутно осознавая, что Росс также наблюдает за действиями незнакомки, Пейдж потеряла дар речи. Должно быть, это всего лишь шутка. Ведь если это не шутка, то определенно какой-то ночной кошмар.

Они оба молча наблюдали за тем, как незнакомка натянула на туфли и обшлага своих коротеньких брючек нечто вроде прозрачных пластиковых сапожек, надела маску и очки. Затем подошла к двери и открыла ее. Пейдж с радостью отметила про себя, что врач не воспользовалась ключом. Значит, их все-таки не держат в палате взаперти. Придерживая бедром дверь, женщина потянулась к какому-то металлическому ящичку, который Пейдж уже успела заметить раньше. Из него незнакомка извлекла пару перчаток из латекса и натянула на руки, прихватив края длинных рукавов халата. Теперь она была полностью, с головы до ног, защищена от любой инфекции.

– У меня начинает развиваться комплекс неполноценности, – пробормотала Пейдж.

– Честное слово! – воскликнул Росс. – Ты еще вобьешь себе в голову, будто мы подхватили вшей или что-то в этом роде.

Закрыв за собой дверь, врач повернулась к ним лицом.

Маска на ее лице слегка сдвинулась – женщина, похоже, улыбалась, но в ее глазах ясно читалась тревога.

– Если быть точным, то не вшей, – произнесла она.

– Кто вы? – требовательным тоном поинтересовался Росс. Пейдж перехватила его взгляд – ее товарищ по несчастью осматривал комнату, как будто хотел отыскать спрятанное в ней оружие.

– Пожалуйста, не беспокойтесь! – произнесла женщина. У нее был гортанный голос – такой, по мнению Пейдж, должен возбуждать мужчин. – Все не так страшно, как может показаться. Все делается главным образом для вашей безопасности, а также безопасности самой больницы.

– Да, но впечатление все равно жуткое, – проговорил Росс, и Пейдж яростно закивала в знак согласия с его словами. Затем на мгновение она задумалась над тем, что презирает себя за то, что согласилась со змеем – не важно, по какому поводу. Еще одну секунду презрения к себе она испытала при мысли о том, что в больничной рубашке Росс Беннет выглядит вполне соблазнительно.

– Меня зовут доктор Тернер, – представилась незнакомка. – Рейчел Тернер.

– Зачем вы так нарядились? – спросил Росс, и Пейдж снова согласно кивнула. Она по крайней мере была благодарна змею за то, что тот читал ее мысли и формулировал ее вопросы. Она же в эти секунды была не в состоянии выдать из себя ни звука. – И каким же образом мы очутились в ком-

нате с надписью КАРАНТИН?

– Пожалуйста, может, вы сядете, вы и вы? – сказала доктор Тернер. – Я сейчас все объясню.

Ноги Пейдж все еще были слабы, но она нашла в себе силы доковылять до своей кровати. Росс подтянул разделявший их занавес обратно к стене, чтобы они все втроем могли видеть друг друга, затем присел на кровать, опираясь бедром на край.

Замечательные у него ноги, подумала Пейдж и тут же резко встряхнула головой. Контузия, случившаяся с ней во время взрыва, оказала на нее очень странное воздействие. Наверное, в данный момент ей бы в самую последнюю очередь пристало обращать внимание на анатомию своей Немезиды.

Доктор Тернер сделала еще один шаг в глубину комнаты и повернулась лицом к Пейдж и Россу.

– Я не уверена в том, что вы многое успели запомнить, но... в здании суда произошел несчастный случай.

– Несчастный случай, – насмешливо фыркнул Росс. – Готов спорить на свой «БМВ», что взрыв был не случаен!

– Ты его не проспоришь! – прокомментировала Пейдж.

– А на чем ты разъезжаешь? На «хэндэ»?

– Вообще-то...

– Прошу прощения, – прервала их доктор Тернер. Росс и Пейдж вновь переключили свое внимание на врача.

– Ваша догадка не очень-то отличается от моей. Единственное, что нам известно, – произошел взрыв, в результате

которого огромное число людей получили ранения. Точную цифру узнаем не раньше завтрашнего дня, когда все больницы подсчитают общее количество пострадавших.

– Но ведь никто не погиб, верно? – спросила Пейдж.

– Этого мы пока не знаем. По крайней мере все, кто поступил сюда, пока живы, – ответила доктор Тернер. – Но раненых много. Нет, много – это еще мягко сказано. Наша травматология заполнена под завязку.

– Так вот почему вы поместили меня в одну палату с этим... этим...

– С кем? – спросил Росс. Его глаза негодуя сузились.

– Он – адвокат по разводам, – сообщила Пейдж врачу, и по тому, как она при этом дернула носом, Росс понял, что, по ее мнению, этого короткого объяснения вполне достаточно.

– Это верно? – вежливо осведомилась доктор Тернер.

– Да, – ответила Пейдж. – Так что вы легко можете себе представить, почему я хочу побыстрее выбраться отсюда.

– И я тоже, – заявил Росс, оставив без внимания явное оскорбление в свой адрес. – Сегодня в полдень мне необходимо быть в суде.

Доктор Тернер отрицательно покачала головой:

– Боюсь, что это невозможно.

– А почему на вас такая одежда? – наконец спросила Пейдж. На ее лице застыло выражение ужаса.

– Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, позвольте сначала осмотреть вас.

Пейдж и Росс попытались выразить протест, но доктор, не обращая внимания на их недовольство, измерила у них пульс, проверила зрачки, прослушала сердце. Свои действия она сопровождала записями на табличках, что висели в изножье кроватей.

Явно удовлетворенная результатами осмотра, врач довольно кивнула и положила медицинские инструменты в шкафчик возле двери, ведущей в ванную.

– Мисс Харт, у вас легкое сотрясение мозга. Единственное, что вам сейчас нужно, – непродолжительный отдых и немного тайленола.

– Но отдохнуть и принять тайленол я могу и дома! – быстро возразила Пейдж.

– В этом у меня нет ни малейших сомнений, – ответила врач и повернулась к Россу: – Мистер Бсннет, вам наложили пять швов на лоб. Других ранений у вас нет. Фактически, как мне сказали работники скорой медицинской помощи, вы оба спасли друг друга от самого худшего. Мисс Харт как щитом закрыла вас от взрыва, вы же смягчили ее падение, и поэтому она не получила увечий.

– Неужели это действительно сделала я? – спросила Пейдж, указывая на лоб Росса.

– Вообще-то он получил рану при несчастном случае.

– Каким несчастном случае?

– Это произошло по пути в больницу. – Пейдж недовольно

посмотрела на Росса.

– Хорошо, значит, диагноз гласит, что мы живы, – проговорил Росс, избегая взгляда Пейдж. – Когда нас отсюда выпустят?

– Вот об этом я и хотела бы с вами поговорить, – ответила доктор Тернер.

Пейдж сделалось страшно. Она не слишком разбиралась в медицине, но в настоящий момент обстановка показалась ей зловещей. От напряжения Пейдж скрестила руки на груди и принялась барабанить пальцами по предплечьям, что скорее свидетельствовало о том, что она нервничает, а отнюдь не о ее нетерпении. У нее возникло ощущение, что сейчас они с Россом узнают далеко не лучшие новости.

– Как я уже сказала, – продолжила доктор Тернер чуть хрипловатым голосом, – огромное число людей получили ранения. Раненых было слишком много, и поэтому скорая медицинская помощь не успевала справляться со всеми сразу. Пришлось задействовать все наличные резервные службы.

Из горла Росса вырвался еле слышный звук нетерпения.

Доктор Тернер, должно быть, услышала его, потому что удостоила Росса особым взглядом – такой, по мнению Пейдж, успокаивал большинство мужчин.

– Мы буквально задыхались от количества раненых, и поэтому другие машины «скорой помощи», что случайно оказались на месте трагедии совсем по другому делу, тоже принялись оказывать помощь. Они посчитали, что оказывают

вам добрую услугу, тогда как фактически совершили большую ошибку, взяв вас, особенно если принять во внимание, что именно они перевозили.

– И что же они такое перевозили? – в один голос воскликнули оба пациента.

– Они перевозили кое-какие... материалы для ЦКИЗа.

ЦКИЗ? Центр контроля над инфекционными заболеваниями? В следующий миг загадочное и зловещее поведение врача перестало быть загадочным. Она старалась защититься от какой-то инфекции. Защититься от *них*.

Росс, должно быть, пришел к какому-то выводу, потому что резко вскочил на ноги.

– Что вы хотите этим сказать?

Однако доктор Тернер было не так легко запугать.

– Имеется небольшая вероятность того, что, когда вас перевозили в машине «екорой помощи», вы оба оказались в контакте с инфицированными биологически опасными материалами.

– С какими такими инфицированными материалами? – резко спросила Пейдж.

– Мы продолжаем заниматься изучением подробностей, получая по факсу сообщения из ЦКИЗа. Дело в том, что в машине перевозили образцы культур некоторых вирусов и образцы крови. Пробирки с ними разбились во время несчастного случая, фактически дорожной аварии. Медики «скорой» поняли это только тогда, когда выгрузили вас из

машины.

– Вирус? – испуганно пискнула Псйдж. В ее воображении возникли четыре роковые буквы – СПИД.

– Какой вирус? – требовательно спросил Росс.

– В ЦКИЗе считают, что это новый штамм тибетского вируса сладострастия, или ТВС.

– О Боже! – вырвалось у Псйдж. У нес не было ни малейшего представления о том, что это такое, однако название прозвучало как-то жутковато. Пейдж представила себе, как ее кожа лопается от омерзительных гнойных язв.

– Сладострастия? – повторил Росс. Пейдж почти зримо ощущала, как усиленно работает его мозг, осмысливая происшедшее. Затем глаза его расширились и засветились пониманием.

– Болезнь похотливого монаха, верно? – сухо произнес он без какой-либо тени паники, которую ожидала услышать в его голосе Пейдж.

– Так вы слышали об этом? – удивилась доктор Тернер.

– Болезнь похотливого монаха? – прошептала Пейдж.

– Что, эта болезнь так и называется? – изумился Росс. –

Я же просто пошутил!

Доктор Рейчел Тернер рассмеялась:

– Нет, не думаю, что именно так. По крайней мерс не в научной литературе. Но вы все правильно поняли. Симптомы проявляются... несколько необычным образом.

– А это не опасно? – спросила Пейдж, не совсем уверенная

в том, что действительно желает узнать о необычных симптомах.

Доктор Тернер покачала головой.

– Это заболевание не представляет опасности для молодых здоровых взрослых людей, как вы. Однако может быть опасно для пожилых людей, особенно если они уже чем-то больны. И конечно же, нам не хотелось бы, чтобы эта болезнь поразила детей.

Росс удивленно поднял брови.

– А каковы... то есть что представляют собой эти необычные симптомы? И как долго нам еще придется оставаться на карантине?

Его собеседница кашлянула и ответила:

– Видите ли, как правило, симптомы представляют собой учащенное сердцебиение, иногда случаи легкого головокружения, повышенную сексуальную возбудимость и еще кое-какие незначительные недомогания.

– О... Боже... – слабо пискнула Пейдж. Росс скрестил на груди руки.

– Лично я никогда не считал сексуальную возбудимость недомоганием.

– Все понятно! – торжествуя воскликнула Пейдж, осуждающе ткнув в него пальцем.

– Что именно? – одновременно задали один и тот же вопрос доктор Тернер и Росс.

– Причина в том, что мне... что я... Впрочем, не важно, –

ответила Пейдж, чувствуя, как ее щеки покраснели от смущения.

Росс усмехнулся, продемонстрировав симпатичные ямочки на щеках, которые Пейдж никогда раньше не замечала. А также саму улыбку, способную соблазнить даже монахиню самых строгих правил.

Пейдж машинально мотнула головой и отвела взгляд от Росса.

– Нам нужны две комнаты.

– Боишься, что не сможешь устоять передо мной?

– Прекрати! – фыркнула Пейдж, издав несколько неженственный смешок. – Нам нужны две комнаты, – упрямо повторила она, обращаясь к врачу.

– Я понимаю, – произнесла доктор Тернер успокаивающим тоном, который, впрочем, не возымел желаемого действия. Пейдж в данную секунду испытывала что угодно, только не спокойствие. Честно говоря, она была близка к истерике. – Но я боюсь, что, пока мы не начнем выписывать других пострадавших, с этим ничего не выйдет. Нам отчаянно не хватает свободных мест. Да и палат для карантина, вроде вашей, у нас минимум.

– Но должны же быть какие-нибудь другие варианты, – неуверенно произнесла Пейдж, стараясь не обращать внимания на ухмылку, что застыла на красивом и отвратительном лице Росса.

– Боюсь, что нет, – ответила доктор. – Во всяком случае,

не сейчас. Но я обещаю перевести вас в отдельные помещения сразу, как только представится такая возможность.

– О Господи! – воскликнула Пейдж, массируя пульсирующие от боли виски. – Это даже больше, чем просто кошмар!

– Как долго будет длиться карантин? – поинтересовался Росс.

– К сожалению, дней десять или даже пару недель.

– Две недели? Я не могу забросить свои дела на такое долгое время!

– Видите ли, – произнесла добрая – или стремительно становящаяся не очень доброй – доктор Тернер. – Нам хотелось бы в течение ближайших суток проследить за состоянием вашего здоровья, мисс Харт. Поскольку вы не проявляете явных признаков заболевания, то можете получить любые необходимые вам вещи – их доставят прямо сюда, в палату.

– Мне понадобится аппарат факсовой связи, папки с незаконченными делами, некоторые юридические справочники...

– Не забывайте, большинство вещей, которые вам доставят, прежде чем их можно будет вынести отсюда обратно, придется дезинфицировать. А если подвергнуть дезинфекции их не удастся, мы будем вынуждены оставить вещи здесь и уничтожить.

– Но я же смогу отправлять документы по факсу? Верно?

– Не вижу никаких противопоказаний этому.

– Мне нужен аспирин, – вмешалась в разговор Пейдж. В

серых глазах доктора Тернер мелькнула искорка сочувствия.

– Я скажу медсестре, чтобы она прямо сейчас принесла вам тайленол. Еще я распорядюсь, чтобы вам принесли пару блокнотов – можете составить список необходимых вещей. Их доставят вам родственники или коллеги по работе.

– Мы сможем получить настоящую одежду?

– Несомненно. Главное, чтобы вы не испытывали неудобств. Но я бы не советовала просить шелковые блузки. Их могут серьезно испортить при дезинфекции. Лучше попросите, чтобы вам принесли одежду из чистого, стопроцентного хлопка.

– Еще мы хотим, чтобы здесь работал телевизор, – добавил Росс, с улыбкой глядя на Пейдж. Однако, заметив, что, перехватив его взгляд, она нахмурилась, пожал плечами и добавил: – А то, знаете ли, делу время, а потехе час.

При мысли о делах и потехе в обществе этого змея в течение долгих дней, а то и недель у Пейдж едва не вырвался стон. Она с трудом отвела глаза от его улыбки и соблазнительных ямочек на щеках.

– А можно попросить, чтобы здесь установили кирпичную стену?

Недоуменную паузу нарушил хриловатый смех женщины-врача.

– Неужели вас обоих беспокоят симптомы?

– Нисколько, – горячо откликнулась Пейдж. И тут же прижала ладонь ко лбу. – А вы уверены, что не существует ка-

кого-либо противоядия или чего-то в этом роде?

– Во всяком случае, нам об этом ничего не известно. Как я уже сказала, этот вирус для нас – дело совершенно новое. Ведь мы впервые столкнулись с ним. Но уверяю вас, в ЦКИ-Зе в настоящее время активно занимаются его изучением. – В глазах Рейчел Тернер блеснул лукавый огонек. – По крайней мере эпидемии не предвидится. – Она коснулась затянутой в перчатку рукой ладони Пейдж. – Мы будем самым внимательным образом наблюдать за состоянием вашего здоровья. И сделаем все возможное, чтобы свести к минимуму все ваши неудобства.

– А как скоро эти... симптомы начнут проявляться? – спросила Пейдж, почти проникшись уверенностью в том, что на нее вирус уже подействовал. Иначе с чего бы это Росс Беннет – стоит ей только в очередной раз взглянуть на него – кажется ей все более привлекательным. Настоящая жаба!

Прежде чем доктор успела ответить, внешняя дверь, ведущая в приемную, распахнулась и в ней появилась медсестра. Она тут же склонилась над переговорным устройством.

– Отлично! – воскликнула доктор Тернер. – Мисс Харт, мистер Беннет, познакомьтесь, это сестра Мартинес. Мария, знакомься, это Пейдж Харт и Росс Беннет.

– Здравствуйте! – с улыбкой произнесла знойная смуглянка, уроженка Латинской Америки. Она сразу устремила взгляд на симпатичного пациента. Улыбка ее сделалась еще шире.

– Сестра Мартинес – из числа лучших сотрудников нашего медицинского персонала, – пояснила доктор. – Она будет всячески опекать вас.

– О да, конечно, непременно!

Пейдж тотчас поймала себя на мысли, что почему-то ей неприятно видеть, как сестра Мартинес мгновенно воспыла-ла столь горячим желанием заботиться об этом змее Россе. Перед ее мысленным взором тотчас заплясали не слишком приятные видения.

– Вы обещали лекарство, – резко напомнила она доктору. Нет, она не хотела грубить, но так получилось.

– Ах да! – С этими словами Рейчел Тернер повернулась к кровати Пейдж, вновь сняла с нее табличку с записями о состоянии здоровья пациентки и что-то написала на ней. – Мария, принесите мисс Харт тайленол. Начнем, пожалуй, с тысячи миллиграммов, а затем при необходимости увеличим дозу.

Мария моргнула, затем посмотрела на Пейдж куда более внимательно, как будто только сейчас осознав, что та вовсе не предмет больничной обстановки, и утвердительно кивнула.

Доктор Тернер повернулась к Россу:

– Вам нужно болеутоляющее?

Тот прикоснулся к марлевой нашлепке на лбу.

– Собственно говоря, мне не особенно-то и больно.

О Боже, теперь он разыгрывает из себя такого мачо, кра-

савца супермена. Наверное, все из-за этой медсестры, которая тарашится на него, пуская слюнки, как юный и вечно голодный эфиопский сирота на обед из семи блюд.

– Вы, случайно, не помните, когда вам в последний раз делали прививку от столбняка?

Росс задумчиво прищурился.

– М-м-м, вообще-то нет, не помню.

– За последние десять лет хоть раз делали?

– Ни разу. Точно. Абсолютно уверен.

– Отлично. Тогда мы обязательно сделаем вам укольчик.

– А это не больно?

Пейдж возмущенно закатила глаза.

– Мужчины все равно что малые дети.

– Рука немного поболит пару дней, только и всего, – пояснила доктор.

– Это... точно... абсолютно необходимо?

– Гос-с-споди! – фыркнула Пейдж.

– К сожалению, да, – ответила Рейчел Тернер и, повернувшись к медсестре, добавила: – Мария, сделаете укол мистеру Беннету!

– Хорошо, доктор.

– Тогда у меня все на сегодня.

– Не совсем, доктор, – сказала Мария. – Пришел брат мисс Харт.

Значит, кавалерия Хартов устремилась на помощь.

– Ну, слава Богу! – воскликнула Пейдж. – Это Ник. По-

жалуйста, разрешите мне поговорить с ним! Он знает, что нужно делать.

Глаза доктора Тернер удивленно расширились, сделавшись размером с блюдце.

– Вашего брата зовут Ник?

– Да. А что? Вы знакомы с ним?

– Пожалуйста, только не говорите мне, что он архитектор!

– Не могу вам этого не сказать. Он действительно архитектор.

– Черт побери, – пробормотала доктор и принялась испуганно озираться, словно выискивая взглядом, за что бы ей спрятаться.

– Насколько я понимаю, вы его знаете, – сухо заметила Пейдж.

Ну конечно! Судя по всему, врач, в чьих руках сейчас жизнь и здоровье Пейдж Харт, одна из многочисленных представительниц женского пола, которым Ник разбил сердце на бескрайних просторах Америки от Мейкона до Атланта.

В следующее мгновение в приемную ворвался Ник Харт собственной персоной, в очередной раз продемонстрировав свое абсолютное неумение терпеливо чего-либо дожидаться.

Пейдж была бы безумно рада видеть брата, если бы краешком глаза не заметила, что при его появлении доктор напрыглась.

– Пейдж, с тобой все в порядке? – спросил он, наполнив помещение своим сочным басом. В его голубых глазах читалась озабоченность и тревога за сестру.

Затем его взгляд на секунду скользнул по доктору Тернер, но в глазах не промелькнуло ни малейшей искорки узнавания. Что совершенно неудивительно, принимая во внимание «обмундирование» доктора. Зато он тотчас заметил Росса и весь напрягся.

– Что тут, черт побери, происходит? Пейдж, отвечай! Что ты делаешь в больничной палате с мужчиной?

Пейдж вздохнула. В силу того, что Ник был на два года ее старше, он считал себя ее покровителем. По сути дела, только благодаря его неусыпным бдениям Пейдж до самого окончания средней школы оставалась девственницей. И конечно же, он до сих пор винил себя за ту «катастрофу», что случилась с сестрой в первый год ее учебы в колледже, – вот уж смех, да и только.

Пейдж усилием воли подавила вызванную далеким воспоминанием дрожь.

– Ты не будешь против, если я представлю тебя доктору? – спросила она. – Ник, это доктор Тернер. Рейчел Тернер.

– Очень приятно. Рад вас видеть, доктор, – угрюмо буркнул Ник, по-прежнему не узнавая ее. – А теперь скажите-ка мне, что вы собираетесь делать с моей сестрой?

Пейдж едва не застонала. Не будь между ними стеклянной перегородки, Пейдж с радостью треснула бы своего неот-

санного братца по макушке. Теперь не время забывать старых подружек.

Глава 3

Онда жене вспомнил моего имени.

Никку Харту крупно повезло, что Рейчел Тернер отличалась уравновешенным характером, иначе в эту минуту он рисковал получить серьезные телесные повреждения.

Впрочем, врач никак не могла его винить за то, что в этом нелепом наряде он не узнал ее. Тем более что она сильно изменилась внешне и совсем не походила на ту прежнюю пухленькую застенчивую девушку, какой была когда-то. Но, конечно, он мог хотя бы из вежливости запомнить имя той, что помогла ему в колледже сдать экзамен по биологии.

Рейчел вспомнилось обжигающее чувство обиды, испытанное ею той далекой весной. Вспомнилось так ярко, словно это было только вчера. В те минуты, когда Ник сидел на экзамене, Рейчел нервно расхаживала по комнате, и каждый ее тревожный шаг отдавался укором в сердце. Ну почему она так легкомысленно отдалась ему в предыдущую ночь? И это были вопросы потруднее экзаменационных заданий.

Экзамен закончился, и теперь Рейчел взволнованно ждала телефонного звонка. Ну когда же он ей позвонит, когда скажет, что прекрасно справился с билетом, и все благодаря ей, Рейчел. Сидела и ждала, когда он придет к ней, обнимет и по-старомодному поблагодарит.

Время шло. Пролетело уже несколько часов, а Ник все ни-

как не появлялся и не давал о себе знать. И тогда она забыла о собственной гордости и сама позвонила ему. Ответа она не услышала. Рейчел прождала еще час, надеясь, что Ник в это время празднует с друзьями успешную сдачу экзамена. Окончательно разозлившись, она примчалась в его комнату в общежитии, но обнаружила дверь распахнутой настежь и полное отсутствие его личных вещей. Похоже, что Ник бесследно растворился в воздухе.

Или же не существовал вообще.

И все же весь следующий месяц Рейчел Тернер не выпускала из рук тоненькую ниточку надежды. Каждый раз, когда в ее комнате звонил телефон, сердце ее начинало тревожно биться. И каждый раз, когда на другом конце провода оказывался кто-то другой, ее захлестывало отчаяние.

Но однажды телефон зазвонил снова, и Рейчел получила самое страшное в своей жизни известие. Тогда она навсегда оставила надежду, оставила мысли и мечты о Нике Харте.

До сегодняшней минуты.

Ничтожество.

Да как он смеет врыватья в ее больницу, когда прошло столько лет, выглядя при этом еще более сногсшибательно, чем в свои студенческие годы? Рейчел и предположить не могла, что такое в один прекрасный день произойдет. Однако это был он. Его светлые, песочного оттенка волосы были немного длинноваты, а голубые глаза делали его еще более соблазнительным. Правда, теперь они оттенялись легкой

сеткой морщинок, как будто последние пятнадцать лет ему постоянно приходилось щуриться от лучей слепящего солнца.

В пользу этого подозрения свидетельствовал и цвет лица. Оно было покрыто золотистым загаром, а тело по-прежнему оставалось мускулистым и крепким, как и в те дни, когда Ник активно играл в футбол. И дело не в том, что она думала о нем все эти годы – нет, в принципе не так уж часто и думала. Однако Рейчел была вынуждена признаться себе, что ей было бы куда приятнее, если бы Ник обрюзг и обзавелся брюшком. И полысел.

Увы, не произошло ни того, ни другого, ни третьего. Он остался все тем же великолепным мужчиной, каким был и много лет назад. Слишком роскошным для застенчивой, простодушной студенточки. И тем не менее – по крайней мере ей тогда так казалось – он оказывал ей самые искренние знаки внимания. А в ту ночь перед экзаменом – неужели она жестоко ошиблась? – он желал ее, нет, не просто как девушку на ночь, а как возлюбленную.

Что ж, он оказался превосходным лицедеем.

– Доктор... э-э... Тернер, верно? – произнес этот поганец.

Рейчел моргнула. Неожиданно до нее дошло, что она так глубоко погрузилась в воспоминания, что события прошлого и совсем недавнего настоящего смешались в одну кучу.

– Я не знаю, откуда вы знаете Ника, – произнесла Пейдж, понизив голос, – но мне не хотелось бы, чтобы из-за него вы

точили зуб на меня.

Рейчел не собиралась признаваться, что много лет назад она совершенно определенно точила зуб на этого искусителя.

– Не беспокойтесь, – заверила она красивую женщину, которая была до боли похожа на своего брата. – Это не в моих привычках.

– Хорошо, – удовлетворенно произнесла Пейдж и посмотрела на Рейчел Тернер, испытывая одновременно любопытство и облегчение.

– Я напомню Марии, чтобы она принесла вам болеутоляющее. Начинать составлять списки необходимых вам вещей. А я пойду побеседую с вашим братом.

– Что вы собираетесь рассказать ему? – неожиданно встревожившись, спросила Пейдж.

– Только факты.

– Пожалуйста, не говорите ему о... симптомах. Пожалуйста.

Бросив взгляд на Росса Беннета, Рейчел заметила, как тот широко ухмыльнулся. О Господи! У нее возникло ощущение, что ее пациенты явно не равнодушны друг к другу. Конечно, утверждать наверняка это невозможно, но... Ситуация показалась ей взрывоопасной. Рейчел мысленно отметила, что, как только представится возможность, нужно срочно развести пациентов по отдельным палатам.

Затем она снова переключила внимание на брата Пейдж

Харт, ощутив, как при этом ее лицо принимает мрачное выражение. Слава Богу, что он не видит ее в эту секунду. Рейчел шагнула к двери.

– Мистер Харт, я сейчас выйду к вам и объясню ситуацию. Но сейчас прошу вас отойти немного влево. Мне не хотелось бы, чтобы вы прикасались ко мне. – «Боже, как двусмысленно звучит эта фраза!» – Вы меня поняли?

Ник нахмурился, и это придало его лицу еще большую сексуальность. Рейчел прекрасно помнила это выражение еще с тех далеких лет учебы в колледже. Всякий раз, когда Ник бывал занят какой-нибудь трудной проблемой, у него была привычка как-то по-особенному поджимать красивые губы. Песочного оттенка брови выгибались при этом дугой, а глаза, казалось, делались темнее обычного. В такие моменты Рейчел неудержимо тянуло поцеловать его. Сейчас же все воспринималось по-другому, но как именно по-другому – над этим ей даже не хотелось задумываться.

Рейчел увидела, как Ник, не сводя взгляда с сестры, немного отодвинулся влево. В его глазах читалась нескрываемая озабоченность. Так, значит, он все-таки способен заботиться о ком-то, кроме самого себя? Рейчел тяжело вздохнула и зашагала к двери приемной. Затем открыла дверь, придержала ее бедром, стягивая перчатки, которые через секунду бросила в урну. Затем она шагнула в приемную, и дверь сама с легким шипением закрылась за ее спиной.

Не успела дверь закрыться до конца, как Ник уже подско-

чил к ней и обстрелял автоматной очередью вопросов:

– Что случилось с моей сестрой? Почему она на карантине? И что она, черт побери, делает в одной больничной палате с мужчиной?

– Оставайтесь на месте! – предостерегающе воскликнула Рейчел, сама испугавшись того, что в ее голосе прозвучали панические нотки. Нет, ее беспокоила не только опасность инфицирования, хотя Рейчел ни за что бы не призналась в этом себе самой. Близость Ника после всех этих долгих лет проделывала с ее сердцем совершенно невероятные шутки. Господи, у нее буквально перед глазами стояли те далекие мгновения, когда они в последний раз находились так близко друг от друга. И даже еще ближе. Тогда он поцеловал ее на прощание, поблагодарил за все, после чего навсегда исчез из ее жизни.

– Ник! – раздался из переговорного устройства голос Пейдж. – Перестань изводить доктора Тернер! Она ни в чем не виновата!

Ник Харт послушно отступил от Рейчел, затем приглушенно, явно не желая, чтобы Пейдж услышала, спросил:

– С ней все будет в порядке, верно?

– Не беспокойтесь, с ней все будет хорошо. Позвольте, я сниму с себя этот халат и вымою руки. После этого мы с вами отправимся в холл и там обо всем поговорим.

По какой-то непонятной причине ей не хотелось открывать ему свое лицо. Вот оно что, сделала для себя открытие

Рейчел, она не желает, чтобы он узнал ее. Ей меньше всего хотелось испытать жаркое унижение встречи и узнавания – как ее бросит в краску, как ему станет не по себе, когда он поймет, что она – по меньшей мере одна из тех женщин, которых он когда-то в юности использовал и выбросил за ненадобностью.

Поэтому она нарочно тянула время – сначала сняла с себя стетоскоп, затем, стащив с ног защитные сапожки и опустив их в красную урну, не спеша избавилась от халата, тщательно уложив его в стерилизационный контейнер.

Все это она проделала, не глядя на Ника, однако краем глаза заметила, как тот слегка переменялся в лице, когда она предстала перед ним в совершенно новом облике. Рейчел не знала, какую одежду он ожидал увидеть на ней под слоем комплекта биологической защиты – не костюм же праматери Евы в самом деле.

Наконец настал момент истины. Испытывая легкую неловкость и по-прежнему избегая его взгляда, Рейчел развязала маску, сняла очки и шапочку и встряхнула волосами.

Затем, сделав глубокий вдох, повернулась к нему лицом. Ник страшно медленно идо неприличия внимательно принялся рассматривать ее, как будто старался запомнить каждую черточку ее внешности.

Улыбка появилась на его лице тоже не сразу, но теперь она означала нечто совершенно иное. Вместо узнавания она означала пробудившийся интерес к новому приятному жен-

скому лицу. Ничтожество! Она не так уж сильно изменилась. Хотя нынешняя ее прическа немного короче той, что она носила когда-то в колледже, волосы сохранили прежний темно-каштановый оттенок и остались такими же непокорными. Несмотря на то что вместо очков она носила теперь контактные линзы, цвет ее серых глаз ничуть не изменился. Пусть даже ее лицо немного похудело после того, как она сбросила двадцать фунтов веса, но это было ее прежнее лицо. Он смотрел на нее тем же взглядом, в котором, как ей когда-то казалось, было столько страсти и огня.

Господи, с каким удовольствием она вlepила бы ему пощечину! Ей хотелось громко закричать, забарабанить кулачками по его широкой груди, спросить, как же он тогда сдал этот чертов экзамен и какую отметку получил.

Конечно, она не стала этого делать. Вместо этого она подошла к раковине и принялась тщательно намывать руки дезинфицирующим мылом.

– Это ваше обмундирование не слишком претендует на моду, верно? – сказал Ник, и оттенок юмора в его голосе, такой мучительно знакомый, вызвал у нее спазм в горле.

Рейчел с усилием сглотнула.

– Он изначально не претендует на моду! Рассчитан на другое.

– Пару минут назад я ни за что не догадался бы, что под ним скрывается женщина, да еще такая красивая. – С этими словами он протянул ей руку. – Ник Харт.

О да, она обязательно застрелила бы его, появившись у нес такой возможности! Пустила бы пулю прямо в его бесстыдное сердце. Закончив вытирать руки бумажными полотенцами, Рейчел многозначительно посмотрела на его руку, затем перевела взгляд на лицо. Сказать «приятно познакомиться с вами» было бы двойной ложью. Во-первых, вовсе не приятно, а во-вторых, они уже давно знакомы. Поэтому Рейчел ограничилась более нейтральным:

– Рада вас видеть.

Она изумленно моргнула. Даже для ее собственных ушей эта фраза прозвучала слишком сухим, формальным приветствием. Впрочем, какая разница? Ей-то что задело? Разве у них есть общее будущее? Вряд ли.

Рука Ника опустилась, и улыбка исчезла с лица, но, вместо того чтобы прийти в замешательство в ответ на ее ледяную сдержанность, он, похоже, проявил свое обычное любопытство. Он заглянул ей в глаза, и на какой-то миг у Рейчел перехватило дыхание: она словно почувствовала себя загнипнотизированной.

Не сводя с нее глаз, Ник слегка нахмурился и спросил:

– Мы с вами могли встречаться раньше?

Рейчел почувствовала, как сердце ее на мгновение остановилось.

– Почему вы так решили?

– Не знаю. Вы просто... просто ваша внешность кажется мне знакомой.

– Поверьте мне, мистер Харт: если бы мы с вами встречались раньше, я бы об этом помнила.

– Это комплимент? – с улыбкой спросил Ник.

– Нет.

– Ух ты! – произнес Росс, после того как доктор Тернер удалилась в тамбур к брату Пейдж.

– Что значит «ух ты»? – спросила Пейдж, все еще глядя на закрывшуюся за врачом дверь.

– Ты видела, как тут в воздухе прямо-таки искры летали?

– Искры? – вопросом на вопрос ответила Пейдж. – Скорее, настоящие молнии!

– Как ты думаешь, что все это значит?

– Что касается Ника, я уже давно решила для себя, что не стоит даже пытаться понять, что в таких случаях происходит.

– Мне кажется, что за этим что-то кроется, – сказал Росс, испытывая гордость за свою острую наблюдательность и знание человеческой природы. Конечно же, его последние наблюдения касались не внутреннего устройства людей, но природы совершенно иного рода. За что мужчины должны быть благодарны господу Богу и вечно возносить ему благодарственные молитвы, так это за то, что тот сотворил этих удивительных существ – женщин. Особенно ту из них, которую он лицезрел в настоящий момент. Ту, которая оказалась вместе с ним в одной больничной палате.

И вирус, которым они с Пейдж вполне могли заразиться, совершенно тут ни при чем. Росс ничуть не сомневался, что Пейдж Харт от природы была женщиной сексуальной. И то, что она в настоящее время ужасно ему нравится, – вполне объяснимая реакция со стороны нормального, здорового мужчины.

– На что это ты уставился, Бсниет?

Росс моргнул, понимая, что пялится на нее самым неприличным образом.

– На тебя.

– Знаешь, прекрати!

– Легко сказать, когда ты единственный другой человек в этой палате, а под рукой нет ни книжки, ни газеты, чтобы почитать.

– А ты попробуй пересчитывать половицы или кафельные плитки на стенах, – не слишком вежливо предложила Пейдж.

Росс сжал губы, чтобы не расхохотаться. До недавнего времени его ужасно раздражали ее язвительные манеры, но сейчас ее резкость начинала ему даже нравиться. Более того, решил Росс, переворачиваясь на кровати, это даже возбуждало. Абсурд, конечно, но от этого никуда не денешься.

Пейдж в отчаянии обхватила себя руками и огляделась по сторонам.

– Неужели дальше будет еще хуже?

Росс пожал плечами. Он тоже был не в особом восторге от

сложившейся ситуации, однако понемногу начал открывать для себя ее маленькие преимущества.

– Скажи спасибо, что мы живы. Все могло обернуться гораздо трагичнее.

Пейдж задумчиво кивнула в знак согласия.

– Сколько мне всего понадобится, подумать страшно! – Пейдж была полностью с ним согласна. Все могло быть гораздо хуже.

– Если все действительно обстоит так, как сказала доктор, и мы не сможем забрать домой все, что нам принесут, то получается настоящее разорение!

– Не мы вызвали эту ситуацию, так почему же мы должны за нее расплачиваться?

– Я, например, собираюсь потребовать, чтобы мне возместили все издержки, но первоначальные расходы, видимо, придется выплатить из собственного кармана. – Росс встал и прислонился к спинке кровати. – Хотя у меня есть кое-какие соображения насчет того, как их можно немного сократить.

– И как же? – ехидно поинтересовалась Пейдж у коллеги.

– Мы могли бы поделить расходы между собой. – Кошачьи глаза Пейдж сузились еще сильнее.

– Конечно, тебе это было бы весьма кстати, верно? Как только я отвернусь, ты тут же сунешь свой змеиный нос в мои папки с делами!

Росс мгновенно выпрямился.

– Давай-ка поосторожнее, я могу и обидеться!

Пейдж презрительно усмехнулась:

– Ты же адвокат по разводам. Как истинному паразиту, тебе неизвестно, что значит обижаться. Можно подумать, ты и тебе подобные привыкли принимать во внимание чьи-то чувства!

«Отлично, – отметил про себя Росс, – мы уже перешли от простой перебранки к откровенным оскорблениям». Но оскорблять друг друга – не то что подкалывать, пусть даже по делу. Росс не собирался оправдываться перед ней в своем выборе профессии. Это его личное дело, почему он решил специализироваться на судебных процессах, связанных с разводами. Причина имела слишком личный характер, и он не собирается говорить об этом с кем попало.

– Тебе виднее. Но прикинь сама – глупо тратить деньги на два компьютера, два факса и прочую дребедень, если все это придется бросить здесь.

Пейдж какое-то время обдумывала сказанное, с ханжеским выражением лица поджав губы. Росс решил, что, каким бы разумным и здравым ни было его предложение, ей покажется унижительным соглашаться с ним.

Помимо того, что он был ее оппонентом – таким же адвокатом, как и она, – в бракоразводном процессе, Росс никак не мог понять первопричины того, почему Пейдж недолюбливала его. В конце концов, у любого развода всегда есть две стороны. Кровавые войны он вел ради своих клиентов. По окончании же боевых действий они с адвокатом противопо-

ложной стороны обычно пожимали друг другу руки и вместе угощались выпивкой. Все представители их профессии поступают именно так.

Росса немного раздражало, что ему небезразлично, что она об этом думает. Впрочем, какая разница? То, что она умная красивая женщина, абсолютно не играет никакой роли. За те тридцать три года, которые он прожил на белом свете, он ухаживал за многими успешными деловыми женщинами и они все были к нему равнодушны. Он даже овладел тонким искусством бросать их без особого сожаления. Со многими своими бывшими подружками он до сих пор сохранил прекрасные дружеские отношения.

Мысль об этом напомнила ему о Тине, его соседке, с которой он несколько недель встречался около года назад. Ему нужно как можно скорее связаться с ней – попросить, чтобы она на то время, пока он будет находиться в больнице, взяла на себя заботу о его персидской кошке Сэмми. Росс надеялся, что бывшая подруга сейчас в городе, а не отправилась на какие-нибудь экзотические съемки.

– Хорошо, – наконец нарушила молчание Пейдж и тем самым отвлекла его от обдумывания списка самых срочных и важных дел. – В принципе мы могли бы пользоваться факсом – одним на двоих. Но не компьютером.

– О Господи, ну и подозрительная же ты особа. Поступи мы так, как ты предлагаешь, и наступит настоящий ад!

– Конечно, если принять во внимание, с кем я имею дело!

Росс подошел к ней ближе и пристально заглянул в глаза.

– Знаешь, я уже устал от твоих оскорблений. Между прочим, я еще и адвокат. И вообще, что ты обо мне знаешь?

Пейдж собралась было возразить, бросить ему что-нибудь обидное, одну из язвительных фраз, что вертелись у нее на языке. Но неожиданно для себя промолчала.

– Верно, – согласилась она, чуть подумав.

Это короткое слово прозвучало так тихо, что Росс его едва расслышал. После ее неохотного признания он с трудом заставил себя сдержать улыбку.

– Я хотел сказать, – добавил он, решив довести до ее понимания свою точку зрения, – что не пинаю ногами домашних животных. И не отбираю конфет у младенцев.

– Понимаю, – прервала она его. – Я не имею права осуждать человека, не зная его. Прошу прощения.

Господи, кое-что новенькое из уст этой невозможной женщины. Извинение. Росс подумал о том, что, когда ему привезут диктофон, недурно было бы попросить ее повторить эти самые слова – скажем так, на память для потомства, – однако пришел к выводу, что Пейдж вряд ли проявит любезность и согласится выполнить его просьбу. Как бы то ни было внешне она не проявила особой радости от того, что ей пришлось признать его правоту. Но факт есть факт – она это сделала. Что в общем-то немного повысило его уважение к ней – чуть-чуть, на полградуса.

Может, в конце концов предстоящие две недели окажутся

и не такими мучительными, как он думал.

– Просто ты любитель обирать бедных незащищенных женщин.

А может, окажутся и мучительными, и нестерпимыми.

Росс удивленно округлил глаза. Он вовсе не собирается вступать в дебаты по поводу своей сомнительной – с ее точки зрения – этики. Ему прекрасно живется и с его собственными моральными устоями, так что спасибо вам большое, обойдемся своими силами. Угрызения совести его не мучают, так что сон у него отличный.

– Твоя кузина Жасмин незащищена, как проголодавшаяся тигрица.

Пейдж вновь обиженно поджала губы, но в ее глазах сверкнул лукавый огонек. А то, что эта светлая искорка сделала с ее лицом и что вызвала в его теле пониже живота, было просто нечестно – но действительно приятно.

Росс покачал головой. Он совершенно здоровый мужчина со здоровыми потребностями и желаниями, но он не мог припомнить, когда в последний раз легкая женская улыбка вызвала в нем – с такой быстротой – прилив плотского желания. Причем сразу после того, как та же самая женщина наговорила ему кучу всяких гадостей, не стесняясь при этом в выражениях.

– Должно быть, это вирус. – Пейдж притихла.

– Что?

Росс моргнул. Неужели он произнес это вслух? Видимо,

все-таки да, потому что ее безупречно красивые черты исказило выражение, близкое к панике. Росс беспечно махнул рукой.

– Ничего.

– Что ты сказал о вирусе? – настаивала Пейдж. Черт. Что же ответить ей на это?

– Не знаю. Просто у меня сейчас возникло какое-то странное ощущение.

– Какое именно странное ощущение?

Росс натужно пытался припомнить менее зловещие симптомы, о которых упоминала доктор Тернер.

– Я испытал легкое головокружение.

В глазах Пейдж появилось облегчение, и она улыбнулась.

– Ах да. Видимо, последствия взрыва.

– Верно, – ответил Росс, решив не упоминать прочих симптомов, которые громко – вернее, зримо – заявляли о себе, когда его взгляд останавливался на сочных губах Пейдж.

– А ты... не испытываешь никаких странных ощущений?

Улыбку с ее лица как ветром сдуло. Россу было хорошо видно, как ее терзают сомнения. Очевидно, Пейдж не может решить для себя – стоит ли говорить правду или нет.

– Согласна, кое-что странное я все-таки испытываю, – со вздохом призналась она. – Да. Но ничего такого, что должно по-настоящему беспокоить.

Росс едва не рассмеялся, услышав ее слова. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы утвердительно кивнуть с се-

рзным видом.

– Конечно. Это не сложно.

В следующее мгновение в тамбур вернулись доктор и Ник Харт. Вид у последнего был совершенно убитый. Пейдж стремительно бросилась к интеркому:

– Скажите, доктор, противоядия действительно не существует? Мы сейчас разговаривали и, как мне кажется, неожиданно начали... начали заболевать! Рейчел пристально взглянула на нее, затем сделала вид, что абсолютно владеет ситуацией.

– К сожалению, противоядие еще не найдено.

– Тогда одного из нас нужно как можно скорее отселить в другую палату! – выпалила Пейдж с нескрываемым отчаянием в голосе.

– Мы сейчас активно занимаемся вашим случаем.

– Я тоже делаю все возможное, Пейдж! – торопливо произнес вслед за врачом Ник.

– Видите ли, мисс Харт... дело в том...

– В чем, доктор?

– Вы с мистером Беннетом инфицированы менее четырех часов назад.

– И что?

– Практически невозможно, чтобы уже начали проявляться симптомы заболевания. Слишком рано. По крайней мере для воздействия этого вируса – слишком рано.

Рука Пейдж отдернулась от кнопки интеркома и безволь-

но повисла. Затем она медленно повернулась к Россу. Такого испуганного выражения на ее лице он еще никогда не видел.

Глава 4

Потребовалось часа четыре напряженного труда, чтобы больничная палата, в которой находились Пейдж Харт и Росс Беннет, наконец превратилась в нечто среднее между квартирой, офисом и, к несчастью, помещением для содержания инфекционных больных.

Пейдж наблюдала за происходящим в легком замешательстве. Доктор принесла им блокноты и ручки, чтобы они с Россом могли составить список необходимых им вещей. Затем, по той причине, что эти блокнотные листки нельзя было передавать за пределы палаты, их пришлось прижать к оконному стеклу, чтобы Ник, сидевший по ту сторону перегородки, смог набрать эти списки на свой миниатюрный карманный компьютер.

Сначала Ник перепечатал список Пейдж. Когда он приступил к работе со списком Росса, Пейдж прошмыгнула в ванную принять душ. Она, о Господи, почувствовала, что все ее тело начинает зудеть. Причем не только снаружи.

Если вирус еще не успел поразить ее организм, то как тогда объяснить ее внезапное новое восприятие этого змея, одного вида которого она еще утром, только пробудившись ото сна, не могла вынести без содрогания?

Вообще-то он ей был действительно неприятен. Пейдж как-то взяла себе за правило относиться ко всем людям хо-

рошо и ни к кому не испытывать ненависти. Каждый человек имел какие-либо непривлекательные качества, только некоторые прятали их более умело, чем другие. А Росс Беннет действительно был среди таких вот умельцев самым искусным.

Дело вовсе не в том, что ей не терпелось отыскать в нем положительные стороны, если таковые у него и впрямь есть. Все обстояло гораздо хуже – она неожиданно нашла этого индюка внешне привлекательным. Так что открытие положительных сторон его внутреннего склада стало бы истинной катастрофой. Особенно если эти слабые ощущения похоти, которые она уже испытывает, возьмут да и заявят о себе во всеуслышание. До тех пор же пока этот мужчина ей не нравится, она способна сопротивляться плотскому искушению.

По крайней мере Пейдж искренне на это надеялась.

Оторвавшись от своего новенького переносного компьютера-лэптопа, в который она последние полчаса загружала различные программы, Пейдж принялась внимательно разглядывать Росса Беннета. Тот, в свою очередь, готовил к работе их общий факсовый аппарат. Как только им принесли одежду, Росс также принял душ. Его густые волосы все еще были влажными на висках. В профиль он смотрелся не менее привлекательно, чем анфас. Сейчас он был полностью погружен в настройку факса, и вид у него был слегка нахмуренный.

Пейдж пришлось подавить в себе легкий приступ раздражения. Еще бы! Ведь одежда, которую он попросил принести ему, состояла главным образом из шорт для бега и спортивных маек. Наряд дополняли старые резиновые шлепанцы без задников.

Этот змей оказал бы ей огромную любезность, если бы прикрыл ноги брюками. Совершенно ни к чему, чтобы ее внимание постоянно отвлекали его мускулистые ноги. А когда ему требовалось за чем-то наклониться, он мог бы проявить побольше вежливости и не поворачиваться к ней при этом спиной. В подобном положении его ягодичы принимали такие очертания, от которых у нее пересыхало во рту.

Пейдж выключила компьютер и закрыла крышку.

– Мне кажется, нам нужны правила.

Росс повернул голову в ее сторону. Его лицо по-прежнему оставалось хмурым.

– Что ты сказала?

– Правила. Раз мы тут застряли надолго, нам необходимо продумать правила.

Глаза Росса сузились.

– Какие правила?

– Правила сосуществования.

Он выпрямился, повернулся к ней и увидел, что она стоит, скрестив на груди руки.

– Например?

– Например... – Пейдж оглянулась, как будто пытаясь най-

ти правильные, абсолютно соответствующие истине слова, наподобие «Не будь таким соблазнительным в моем присутствии». Однако это было крайне затруднительно, если принять во внимание, что его обнаженные ноги так и просят, чтобы она к ним прикоснулась. – Ну, например... если занавес с моей стороны натянут, то заходить на мою половину нельзя.

– Не вижу в этом ничего неестественного. Самая обычная вежливость – не вторгаться в чужую жизнь.

– Хорошо. Тогда Правило Номер Два...

– Подожди. Ему должно предшествовать Правило Один-А.

– Так мы уже перешли к составлению подпунктов? – Росс явно пропустил ее слова мимо ушей.

– Правило Один-А. К каждому правилу, которое ты попытаешься навязать, я буду добавлять свое собственное.

В следующую секунду Пейдж испытала неудовольствие уже самим фактом существования пункта Один-А. К несчастью, это его требование было вполне справедливо. Но для Пейдж справедливость по отношению к длинноногому змею не казалась справедливостью. Она горестно вздохнула:

– Хорошо.

– Может, нам стоит все это записать на бумаге? – спросил Росс, удивленно подняв брови. – Впрочем, мне придется попросить тебя сделать это самой. У меня еще болит рука. Видимо, последствия взрыва.

Пейдж отставила лэптоп в сторону и взяла в руки блокнот.

– Правило Номер Два. Никаких глупых телепередач.

– Прошу поточнее определить понятие «глупый».

– Сам знаешь. Глупые передачи вроде «Трех бездельни-

ков».

– Правило Номер Два-А. Никаких «мыльных опер».

– Я не смотрю мыльных опер, – ответила Пейдж и обиженно сморщила нос.

– Отлично.

– И никаких мультиков, – добавила она, чтобы воздать ему в должной мере.

– Что, даже «Симпсонов» нельзя?

– Нет, пусть «Симпеоны» будут. «Симпсоны» разрешаются. Пейдж очень любила «Симпсонов».

– А как насчет «Роудраннера»²?

– Ты что, прикалываешься надо мной?

– Подобная мысль приходила мне в голову.

– Никаких роудраннеров.

– Черт, да ты точно знаешь, что нужно сделать, чтобы отравить мое существование.

– Правило Номер Три. Когда я веду дела по телефону, ты не должен подслушивать.

– Знаешь, если ты будешь мне льстить и дальше, я черт знает что возомню о себе.

² Популярный мультфильм, героями которого являются койот и вечно убегающий от него страус

– Согласен?

– Не возражаю. А можно мне подслушивать твои личные телефонные разговоры?

– Нет.

– Вот это облом.

Его слова вызвали на ее лице улыбку.

– А я обязуюсь не подслушивать твоих разговоров.

– Моя жизнь – открытая книга, дорогая.

– Не сомневаюсь. Но, видимо, в ней немало темных страниц.

Брови Росса снова удивленно изогнулись.

– Значит, мы все-таки понимаем друг друга. Я не просто змей, но, оказывается, еще и змей-обольститель. Угадал?

– Если тебя устроит звание водяного ужа.

– Умно. По-настоящему умно.

Пейдж вздохнула и посмотрела на заметки в блокноте. Нет, он определенно неглуп. Хотя она не могла припомнить, когда в последний раз делала такое мысленное заключение о ком-то из мужчин. Да, он адвокат противной стороны, однако сей факт еще не повод для нелестных предположений о нем. Вообще дурно думать о людях не в ее привычках, и в настоящий момент следует отдать ему должное.

– Извини, – негромко сказала Пейдж, по-прежнему избегая смотреть ему прямо в глаза – глаза, таившие в себе настоящую бездну тайн. – Я... сама не знаю почему... почему при виде тебя во мне пробуждаются не самые лучшие черты

моего характера.

– Не иначе как причиной тому – неотразимое обаяние старого доброго Росса Беннета.

Пейдж подавила в себе желание сардонически усмехнуться.

– Запрячь его куда-нибудь подальше себе же на пользу.

– Не получится. Меня тогда обвинят в недобросовестной рекламе.

Пейдж улыбнулась, по-прежнему не поднимая глаз. И даже немного разозлилась, что этот змей проклятуший ведет себя не как змей, а как нормальный человек. Уж лучше бы он снова проявил себя все тем же полным ничтожеством. Однако не стоит забывать, им еще предстоит какое-то время провести взаперти в обществе друг друга. Так может, стоит все-таки попытаться найти общий язык?

– Что ты скажешь на то, чтобы на время установить перемирие?

– Я не против, если ты этого действительно хочешь, – сказал он и, протянув руку, приподнял ее подбородок.

Пейдж вскочила, пригвоздив его негодующим взглядом.

– Что... что ты делаешь?

Росс недоуменно пожал плечами.

– Я просто устал общаться с твоей макушкой.

Его прикосновение было теплым, но подействовало на Пейдж как разряд электрического тока.

Сердце гулко застучало в груди, а по животу разлилось

тепло. Пейдж понимала, что нужно отодвинуться, однако ощущать его прикосновение было чертовски приятно. Даже более чем...

Пейдж неохотно подняла подбородок, и их недолгий телесный контакт оборвался. Пальцы Росса на какое-то мгновение задержались в воздухе, но потом он все же опустил руку. На какую-то долю секунды в его серых глазах вспыхнул огонь смущения. Затем он моргнул и с улыбкой посмотрел на Пейдж.

– Позволь мне угадать, каким будет Правило Номер Четыре. «Никаких прикосновений».

– Что ж, звучит неплохо. Так и запишем. – Пейдж действительно склонилась над блокнотом и сделала в нем какую-то запись. – Никаких прикосновений. Точно.

– Даже если нам захочется прикоснуться друг к другу? – Пейдж почувствовала, как у нее снова учащается пульс.

– Даже так, – согласилась она. – Потому что, честно говоря, мы никогда не узнаем, кто повинен в этом – вирус или мы сами. А мы ведь не хотим сделать что-то такое, о чем пожалеем, когда выздоровеем.

– Хорошо, согласен. Теперь Правило Четыре-А. Мы играем в игры и занимаемся работой, чтобы избежать всяческих искушений и соблазнов.

Пейдж указала ручкой на его нос. Его красивый нос.

– Превосходная идея. Будем играть в игры. В играх нет ничего опасного.

– И еще будем смотреть телевизор.

– Правильно. Замечательная идея. И главное, никаких прикосновений, – завершила разговор Пейдж.

Возвращаясь из больницы во второй раз, Ник неожиданно понял, что узнал эту женщину. Он рывком свернул с ленты шоссе на обочину и резко затормозил. Так резко, что из-под колес полетели камни.

Рейчел Тернер. О Боже!

Да как же могло случиться, что он не узнал ее сразу? Да, конечно, прошло целых пятнадцать лет, но как он мог забыть самую замечательную ночь в своей жизни? Милая, прелестная Рейчел, потратившая бесчисленные часы на то, чтобы терпеливо втолковать непонятливому лоботрясу основные понятия биологии, которая как невинно отдалась ему в ту последнюю ночь. Она наверняка недоумевала, почему на следующий день он как таинственно исчез из ее жизни. Но ведь она сама, когда он при первой же возможности снова посетил студенческое общежитие, куда-то исчезла.

Он потратил долгие месяцы, пытаясь узнать, что случилось с Рейчел, куда ее занесла судьба. Но все выглядело так, будто ее вообще не существовало, как будто она была лишь плодом его юношеского воображения.

Его охватила злость: он жутко злился на самого себя. Конечно, он сам во всем виноват. Не нужно было уезжать, не предупредив ее. Он ничуть не сомневался, что Рейчел реши-

ла, будто в ту ночь он просто воспользовался ею, глупенькой, удовлетворив свою похоть, что на самом деле она была ему безразлична и он просто играл ею, как игрушкой. Это совсем не соответствовало истине. Хотя на самом деле в ту далекую ночь он – в отличие от нее – и не был девственником, он испытал упоительное чувство, будто именно она – его первая в жизни женщина. Так его потрясло то, что эта девочка доверила ему свое тело.

– Черт побери, – пробормотал Ник, нажимая на педаль газа.

Стоит ли тогда удивляться, что сегодня она была холодна как лед. И дело не в том, что он считал себя мужчиной, которого невозможно забыть. Наоборот, у него возникли самые серьезные опасения относительно того, что Рейчел вполне могла забыть своего первого в жизни мужчину. Нет, скорее всего в ее глазах он и сейчас лишь искуситель и лжец, коварно похитивший ее девственность.

Крепко сжимая руль руками, Ник задумался над тем, как же ему теперь вести себя с Рейчел. Ему вспомнились далекие студенческие годы.

В колледже она была хорошенькой простодушной киской. Теперь же буквально обжигала своей сексуальностью. Сегодня, когда он впервые после долгой разлуки увидел ее, он понял, что ему хочется о многом ее расспросить. Вполне естественно, что она в этом совершенно не заинтересована. А почему, собственно, это должно его удивлять? Ведь он сам

дал ей отличный повод. Может, ему стоит снова поехать в больницу и признаться, что вспомнил ее? Извиниться за то, что сразу не узнал ее этим утром, а также попросить прощения за совершенный пятнадцать лет назад грех?

Но станет ли она его слушать? А даже если и выслушает, то отнесется ли к его словам с пониманием? Интересно, расстроилась ли она из-за его внезапного исчезновения, как расстроился он, когда, вернувшись, не застал ее в колледже?

Было ли ей больно? Горевала ли она? Как долго? И хотя все произошедшее с ними казалось ему бесконечно далеким, Ник почувствовал, что при мысли о тех днях его сердце сжала холодная, беспощадная рука воспоминаний. Он никогда не желал причинить боль Рейчел. Он совершенно искренне питал к ней самые нежные чувства. Ему нравился ее быстрый и острый ум, который в присутствии посторонних так быстро сменялся застенчивостью. Его же только распирало от гордости – значит, она доверяет ему, ей с ним легко и спокойно, а другие люди смущают ее, особенно парни.

Когда они оставались наедине, с ней было весело. Чего стоили те истории, которые она придумывала прямо на ходу для того, чтобы он лучше уяснил себе экзаменационные вопросы по биологии. Ник тогда частенько катался по полу от хохота.

Он знал, что его друзья считают Рейчел старомодной. Странноватой. Совершенно неподходящей кандидатурой для свиданий и ухаживаний. Так что в течение тех месяцев,

когда Рейчел столь самоотверженно обучала его, он пытался не афишировать своих чувств к ней. И не потому, что он стеснялся ее, а просто хотел избежать пренебрежительных словечек, которые его друзья могли высказать в ее адрес.

Ник даже пытался скрыть свой интерес к ней и ее симпатию, которую она не раз выказывала по отношению к нему. Он боялся отпугнуть ее, потерять навсегда те теплые дружеские отношения, которые установились между ними. Но та последняя ночь...

Ник встряхнул головой. Черт, что за глупости. Даже если ее и огорчило его внезапное исчезновение, то все переживания наверняка остались в далеком прошлом. Скорее всего она тогда куда-то переехала и в конечном счете достигла немалых успехов на карьерной лестнице. «Доктор Рейчел Тернер». Ник невольно улыбнулся, мысленно произнеся эти три слова. Значит, ей удалось осуществить свою мечту. Он не знает, как, где, какой ценой, но своего она добилась. Что ж, молодец. Достойна всяческих похвал.

Неожиданно его осенило. Доктор Рейчел Тернер – это же ее девичья фамилия! Неужели она все еще не замужем?! Впрочем, нет, в наше время это ровным счетом ничего не значит. Замужние женщины далеко не всегда берут себе фамилию мужа. А кроме того, когда он самым внимательным образом разглядывал ее всю, с головы до пят, то не заметил – это точно, сто процентов! – обручального кольца. Что вообще-то опять-таки ничего не доказывает – может быть, вра-

чам в больницах из соображений гигиены запрещается носить обручальные кольца?

Та, кого он сегодня увидел, оказалась умной, удачливой, красивой женщиной с превосходным телом, которое определенно заслуживает того, чтобы его изучить в более интимной обстановке.

Женщина, которая скорее всего его сейчас ненавидит.
Черт побери!

Росс посмотрел на бумажные страницы, которые ему протянула Пейдж. Он бегло, в течение несколько секунд, пробежал их глазами, после чего разразился жизнерадостным смехом.

– Ты шутишь, конечно же! Верно?

– Нисколько.

И Росс принялся читать бумаги снова, с самого начала.

СОГЛАШЕНИЕ О ПРАВИЛАХ ПОВЕДЕНИЯ

1. Предназначение

НАСТОЯЩИМ нижеподписавшиеся стороны желают мирного и гармоничного сосуществования в ходе своих ежедневных дел. **НАСТОЯЩИМ** стороны признают факт своего вынужденного сосуществования в ограниченном пространстве по причинам, от них независящим, и **НАСТОЯЩИМ** соглашаются на основе достигнутой между ними взаимной договоренности контролировать собственное поведение в соответствии с положениями правил поведения, обсуж-

денных сторонам в о время их госпитализации.

ТАКИМ ОБРАЗОМ при ликрешении руководствоваться своим поведением ниже следующими правилами.

2. СРОК ДЕЙСТВИЯ СОГЛАШЕНИЯ. Настоящее соглашение действительно на срок дальнейшего пребывания ниже подписавшихся сторон на карантине.

3. УСЛОВИЯ. По взаимному согласию стороны и должны соблюдать следующие правила.

Правило 1. Дела каждой из сторон.

А. Физическая неприкосновенность и частная жизнь. В случае если разделяющий стороны занавес опущен, ни одна из сторон не имеет права каким-либо образом вторгаться через этот барьер в жилище другой стороны, а также каким-либо образом покушаться на целостность названного барьера.

Б. Правосправедливости. Поскольку все правила и положения настоящего соглашения составлены одной из сторон, то другая сторона имеет равные с ее собственными правилами и положениями.

Правило 2. Телевизионные программы.

А. Глупые телевизионные программы. В течение всего срока действия настоящего соглашения ни одна из сторон не должна заниматься просмотром глупых телевизионных программ и не склоняться к таковому у другую сторону. В соответствии с положениями настоящего соглашения под таковыми программами подразумеваются, но не ограничиваются лишь следующими, следующие: «Три бездельника» и мультфиль-

мы, заисключением «Симпсонов».

Б. «Мыльные оперы». Ни одна из сторон не должна заниматься просмотром ежедневных транслируемых телесериалов, именуемых также «мыльными операми», или склонять к такому просмотру другую сторону.

Правило 3. Правоначастную телефонную жизнь. Ни одна из сторон не имеет права подслушивать или иным способом слушать деловые или личные телефонные разговоры другой стороны.

Правило 4. Проявление симптомов заболевания.

А. Прикосновения. Ни одна из сторон не имеет права касаться руками, пальпировать или иным способом ласкать другую сторону.

Б. Отвлечение внимания. Стороны соглашаются заниматься своим делом различными видами деятельности для облегчения похотливых, безнравственных, сладострастных и чувственных склонностей. Таковы виды занятий включают всебя, но не ограничиваются ими исключительно, следующие: профессиональную деятельность и игру на столы и игры, не имеющие чувственного возбуждающего характера.

Правило 5. Поведение с медицинским персоналом.

А. Ни одна из сторон не имеет права подслушивать медицинские консультации или разговоры другой стороны с любыми врачами или членами медицинского персонала.

Б. Стороны обязаны воздерживаться от шуток или язвительных комментариев в другую сторону, адресованных докто-

рам, медицинским сестрам и прочим работникам медицинского персонала. Это относится также к адвокатским шуткам, но не ограничивается исключительно ими.

4. НЕЗАПРЕЩЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ. Никакое изположений настоящего соглашения не должно истолковываться как запрещение для любой из сторон предпринимать действия, необходимые для общего или индивидуального блага в исключительных обстоятельствах. «Исключительные обстоятельства» включают в себя, но не ограничиваются ими, следующие пункты:

1. Действия по оказанию медицинской помощи, которые считаются разумными с точки зрения здравого смысла для личности в деле гарантирования жизни и здоровья обеих сторон.

2. Действия случайного характера, которые могут считаться разумными от дающей себе отчет в своих действиях личности для выполнения профессиональных обязанностей.

5. ОТСУТСТВИЕ ПАРТНЕРСТВА. Настоящее соглашение не должно истолковываться как заявление о создании отношений партнерства между сторонами, составившими и подписавшими настоящее соглашение.

Росс оторвался от чтения бумаг.

– Ты думаешь, я подпишу это?

– Вне всякого сомнения.

– Но у меня все еще болит рука.

– Соберись с силами, ковбой!

– А еще у нас нет свидетелей для формального свидетель-

ства этого документа.

– Ну, мы заключим соглашение на джентльменских условиях.

– А кто сказал, что я джентльмен? Разве у меня может быть честь?

– Во всяком случае, не я.

Россу меньше всего на свете хотелось подписывать предложенный ему документ. Пусть даже эта бумага смехотворна, но все равно как-то не хочется ненароком нарушить обязательства, которые он взял на себя и скрепил личной подписью, находясь в здравом уме и твердой памяти. А потом, он не слишком верил в то, что сумеет найти в себе силы, чтобы не прикоснуться к этой женщине. Схватив ручку, он принялся что-то дописывать на листе бумаги.

– Что ты делаешь? Что ты там пишешь?

– Добавляю к соглашению заключительный пункт, а может, и пару.

– Не нужно нам никаких заключительных пунктов!

– Нет, нужно!

Росс, продолжал писать, делая время от времени короткие паузы, чтобы осмыслить правильность написанного. Поставив последнюю точку, он возвратил документ Пейдж.

6. ИЗМЕНЕНИЯ. *Настоящее соглашение может быть изменено частично или полностью в любое время по взаимному согласию сторон. Таковы изменения, имеющие правовую силу, необязательно фиксируются в письменной форме.*

ме, однако повзаимному согласию сторон могут быть зафиксированы в письменной форме в виде приложения к настоящему соглашению в любое время.

7. ГАРАНТИИ. Стороны гарантируют друг другу соблюдать все обязательства настоящего соглашения. Стороны также обязуются защищать друг друга от любых рисков третьих сторон.

8. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОГЛАШЕНИЯ. Если какая-либо компетентная организация определит какую-либо часть настоящего соглашения как нарушение закона или как нечто несовместимое с медицинским протоколом или если какая-либо часть настоящего соглашения объявляется несостоятельной с юридической точки зрения, то такая часть считается отдельной от настоящего соглашения, а остальные части настоящего соглашения сохраняют свою юридическую силу.

Пейдж, подозрительно прищурившись, подняла на него взгляд.

– Неплохо, – коротко проговорила она. Росс пожал плечами.

– Самый обыкновенный, стандартный текст. – Пейдж испытующе посмотрела на него и взялась за ручку.

– Ты самый настоящий змей. – Росс довольно ухмыльнулся:

– Я знаю.

– Скрэббл. Думаю, что скрэббл подойдет.

Лицо Росса сохраняло непроницаемое выражение, хотя его так и подмывало улыбнуться. Да, Пейдж Харт может быть подозрительной своенравной занудой, но при этом остается хорошенькой, даже весьма симпатичной женщиной. Даже очень красивой. Восхитительно, ослепительно красивой. И при этом она принадлежит только ему, то есть принадлежит только его вниманию... по крайней мере пока.

– На чьей кровати будем играть – на твоей или моей? – спросил Росс с самым невинным видом.

Пейдж ответила ему подозрительным взглядом.

– А может быть, лучше на полу? – Росс равнодушно пожал плечами.

– Не слишком удобно на полу, но... как скажешь. Не возражаю.

С этими словами он сорвал пластиковую упаковку с коробки совершенно новенькой настольной игры.

– Может, приготовишь для нас обоих коктейли, пока я все приготовлю для игры?

Пейдж усмехнулась и встала с кровати. Затем подошла к портативному холодильнику, который привез ей Ник, и открыла дверцу.

– Что ты будешь – безалкогольное пиво, кока-колу или минералку?

Росс ответил не сразу, поскольку увлекся безмятежным созерцанием женских прелестей Пейдж, выгодно обтянутых джинсами. Однако это не шло ни в какое сравнение с тем,

что он однажды успел заметить краем глаза – ее соблазнительную попку во всей ее неповторимой красе.

Стоя в прежней позе, Пейдж повернулась к нему лицом.
– Росс?!

Росс с трудом и явным сожалением оторвал взгляд от вожаделенной оборотной стороны своей «сокамерницы» и заглянул в ее бездонные зеленые глаза. Казалось, что в его сильном здоровом организме разыгрался каждый гормон. Сердце бешено застучало в груди. Пульс участился настолько, что Россу показалось, будто он слышит оглушительный ток крови в собственных ушах. В паху разгорался пожар. В это мгновение он хотел Пейдж Харт так сильно, как никогда в жизни не хотел другую женщину.

Пейдж обладала довольно скромными познаниями в области половых гормонов, но в настоящий момент была абсолютно уверена в том, что взгляд Росса, которым тот одарил ее, являл собой явно недобрый признак. Но хуже всего было то, что ее тело откликнулось на этот взгляд. Пульс участился настолько, что напоминал ритм музыки техно. Пейдж сделала пару глубоких успокаивающих вдохов, которые на самом деле оказались, видимо, не слишком глубокими, потому что несколько ее не успокоили.

Что ж, следует признать, что Росс и впрямь красивый и сильный хищник. А тарашился он на нее так, будто она была конфеткой, а он ребенком, которого в наказание лишили сладкого.

Хотя ребенком его, конечно, не назовешь. Росс – взрослый мужчина со всем необходимым комплектом жизненно необходимых органов. И сейчас ей отлично видно, как эти органы постепенно приходят в рабочее состояние.

Пейдж тряхнула головой и снова повернулась к холодильнику.

– Так все-таки что ты предпочитаешь?

– Я бы предпочел тебя. Полностью обнаженную. – Пейдж резко выпрямилась, но поворачиваться к нему лицом не стала.

– Ты думаешь, что вирус уже начал действовать?

– Похоже на то!

– Тогда нужно просто не обращать на это внимания.

– Так ты хочешь сказать, что тоже чувствуешь что-то в этом роде?

– Я... я не уверена, – сказала Пейдж и прижала руку ко лбу. – Я вообще не слишком хорошо себя чувствую.

Она услышала, как он уронил игру на пол и встал, но по-прежнему не поворачивалась в его сторону. Зато он прикоснулся к ее руке, и ей показалось, что от его прикосновения ее кожу будто обожгло огнем.

– Хочешь, я позову медсестру?

– Нет. Не надо. Со мной все в порядке, я не больна. – Она посмотрела на его руку, такую большую и теплую. – Ты прикасаешься ко мне.

Рука Росса опустилась.

– Извини.

– Давай... давай играть.

– Давай. – Росс потянулся к холодильнику и вытащил из него банку безалкогольного пива. Пейдж глубоко вздохнула. От него возбуждающе пахло мужским телом и мылом. Опасаясь, что в любую секунду она может безрассудно броситься в его объятия, Пейдж тоже взяла себе банку пива, открыла ее, снова вздохнула, правда, на этот раз вдыхая запах содержимого жестяной банки.

Затем приняла для себя важное решение: легкое, беззаботное поведение в отношении Росса – наилучший вариант в создавшейся ситуации.

– Должна предупредить тебя, я превосходно играю в скрэббл.

– А я уже заикаюсь от страха перед таким грозным соперником!

Пейдж деланно улыбнулась:

– А как же иначе! Так и должно быть!

Они сели на пол и оба скрестили ноги по-турецки. Пейдж исподтишка наблюдала за тем, как Росс готовит игру. Это должно сработать. Невинная игра – именно то, что сейчас нужно им обоим, чтобы отвлечься от грешных мыслей.

Они разыграли право первым начать игру, и это право досталось Пейдж. Она какое-то время раздумывала над доставшимися ей буквами, прежде чем начать выкладывать из них

слово Г-Р-У-Д-А.

Росс записал ее очки и стал рассматривать те буквы, которые оказались в его распоряжении. Затем, прямо у нее на глазах, превратил выложенное ею слово в новое – Г-Р-У-Д-Ь.

С видом невинного младенца Росс записал свои очки, после чего посмотрел на свою партнершу.

– Твой ход!

Она и не собиралась реагировать на этот подвох. Пусть даже и непроизвольно, но ее собственная грудь напряглась при виде выложенного Россом слова. Изучив свои карточки с буквами, она выложила слово К-Р-А-Х.

Росс тут же, не раздумывая ни секунды, превратил его в Т-Р-А-Х.

У Пейдж отвисла челюсть, а ее взгляд по какой-то необъяснимой причине скользнул по паху Росса. К счастью, этого взгляда он не заметил, поскольку внимательно рассматривал свои карточки, что-то весело насвистывая.

Игра постепенно приобретала двусмысленный характер.

Вскоре после ряда довольно безобидных трансформаций Пейдж выложила слово З-М-Е-Й и одарила соперника довольной улыбкой – улыбкой настоящего триумфатора. Однако и на этот раз Росс не заметил этого.

– Неплохо, – пробормотал он. – Двадцать очков. И невозмутимо выложил слово К-Р-О-В-А-Т-Ь. Нахмурившись, Пейдж ответила словом И-Н-Д-Ю-К. Росс отпил пива из банки, продолжая рассматривать свои карточки с буква-

ми.

Тем временем Пейдж поймала себя на том, что испытывает странное ощущение – ей казалось, что на нее накатывает огромная волна возбуждения.

– Хватит! – совершенно неожиданно для себя самой воскликнула она. – Прекрати!

– Что прекратить?

– Как будто ты не понимаешь!

– Да я просто играю в самую обычную игру.

– Мы договаривались, что будем играть в настольные игры для того, чтобы отвлечь наше внимание от секса!

Сияние его серо-зеленых глаз было настолько жарким и сладострастным, что у нее едва не остановилось сердце.

– А разве ты все это время думала о сексе? – спросил Росс, понизив голос.

– Ничего подобного не было бы, если бы ты специально не составлял таких провоцирующих слов!

На губах Росса не было заметно даже тени улыбки, но когда он, задрвав голову, отпил пива из банки, его глаза лукаво сверкнули. Пейдж как замороженная наблюдала за тем, как он пьет. Ее взгляд как магнитом притягивал к себе его кадык, лениво перекатывавшийся при каждом глотке. До этого момента Пейдж даже представить себе не могла, что мужской кадык способен являть собой такое притягательное эротичное зрелище. И она действительно, в самом деле возмутилась тому, что таким ей и представляется именно его ка-

дык. Да как она может сопротивляться искушению, если он расхаживает по палате в таком безобразном виде и так сексуально пьет пиво из банки?

Пейдж почувствовала, что вот-вот разразится истерическим смехом, но усилием воли заставила себя сдержаться, крепко сжав губы. Теперь она уже нисколько не сомневалась в том, что вирус действительно проник в ее организм и начал оказывать свое пагубное воздействие. Она встречалась в своей жизни с немалым количеством мужчин и точно знает, что не может быть сексуальным обычное мужское горло. Нет никаких сомнений – это вирус подействовал на нее таким коварным образом.

Пейдж усилием воли заставила себя думать о чем-то совершенно не связанном с сексом, и вскоре ей стало казаться, что от этих усилий у нее сейчас из ушей повалит дым. Она обыскала все уголки собственного сознания, пытаясь найти нечто такое, что невозможно было бы истолковать иным образом.

– Твоя очередь, – вывел ее из задумчивости голос Росса.

– Послушай, – неожиданно спросила она, – что ты думаешь о «Фалконз»?

Боковым зрением Пейдж заметила его улыбку, от которой на щеках у него появились соблазнительные ямочки.

– Так ты, оказывается, большая любительница американского футбола? Вот не знал!

Честно говоря, она не слишком отличает игру в летающую

тарелочку «фрисби» от футбола.

– Да, конечно. Это замечательный вид спорта.

Его улыбка сделалась еще шире. Затем он встал с пола. Поставив пустую банку на поднос, он достал из холодильника новую.

– Вообще-то я думаю, что если их нападающий научится наконец терпению и сможет держать себя в рамках правил и если к тому же получит помощь от этих задниц, я имею в виду, товарищей по команде, что ж, тогда они еще могут на что-то рассчитывать.

Взгляд Пейдж моментально переместился и замер на ягодицах Росса, первоклассных, надо сказать, мужских ягодицах.

– В этом году им также придется двигать цепи.

Неужели в футболе зачем-то используют цепи? Ей захотелось спросить об этом, но она не осмелилась. Единственное, что Пейдж пришло в голову, – это оковы, делающие человека беспомощным и тем самым отдающие его в полную власть сексуального партнера.

Теперь Пейдж точно знала, что ужасный вирус проник и в ее мозг, потому что, хотя ее никто никогда не заковывал в цепи, эта картина представлялась ей сейчас чрезвычайно возбуждающей и эротичной. А каково будет, если она в один прекрасный день все-таки окажется в сексуальной власти Росса Беннета? Что она будет делать – лежать тихо и покорно, когда он станет нежно – или не так уж нежно – овла-

девать ею?

Она не имела ни малейшего понятия о том, когда именно ей в голову закралась мысль о том, что Росс может быть нежным и любящим сексуальным партнером. Ведь еще всего несколько часов назад она была готова поспорить на все свои – до последнего цента – сбережения, что в постели с женщиной Росс настоящий эгоист, словом, настоящий мужлан и грубый самец. Но теперь она почему-то не решилась бы рисковать своими сбережениями.

Теперь он представляется ей совсем другим.

– А для этого, – тем временем продолжал Росс, не замечая, что она целиком погружена в свои мысли, – им придется отыскать в них слабые места, если они, конечно, хотят прорваться.

Черт возьми, оказывается, и футбол может быть не слишком безобидной темой для обсуждения.

– Так как насчет этих «Брейвз»? – робко пискнула Пейдж.

Глава 5

– Ты должен как можно скорее вытащить меня отсюда, – прошептала Пейдж в телефонную трубку. При этом она не сводила глаз с двери ванной, ожидая, что из-за нес в любой момент появится Росс.

– Я и так изо всех сил стараюсь, – со вздохом ответил Ник. – Но доктор Тернер явно шутить не любит. Больница буквально трещит по швам, а тут еще этот взрыв и эпидемия гриппа. Все больницы в окрестностях Атланты переполнены.

Пейдж с неодобрением посмотрела на доску для скрэбб-бла, пестревшую словами вроде ВОЖДЕЛЕНИЕ и ПОХОТЬ. Как на этот раз Россу удалось заполучить буквы, которые автоматически выстраивались в подобные непотребные словечки, Пейдж себе даже представить не могла. Когда игра подошла к концу, у нее остались три буквы, которые могли бы составить начало слова ПЕНАЛ. Увидев это, Росс самым невинным тоном заявил:

– А у меня как раз осталось две буквы – И и С.

И вот тогда-то Пейдж потребовала положить конец этой глупой игре. Хватит. Наигрались!

– Вся наша команда из Мейкона будет здесь уже завтра, сестренка.

Пейдж ужаснулась:

– И сколько же их будет?

– Я сказал мамочке, чтобы приехала вся семья в полном составе.

– И что, все приедут?

– Видимо, так.

В услышанном было по крайней мере одно рациональное зерно. Если начнется бесконечная череда посетителей, то у них не будет времени для мыслей о сексе. Но даже если их и станут одолевать греховные мысли, то все равно они с Россом ничего не смогут сделать, чтобы их материализовать.

– Надеюсь, ты уверил ее в том, что со мной все в порядке?

– Я пытался.

В этот момент Росс вышел из ванной, и Пейдж невольно округлила глаза. Он бросил на нее недоумевающий взгляд, но она живо отвернулась.

– Ты бы вплотную занялся этой небольшой проблемой!

– Если уж разговор зашел о небольших проблемах, – ответил Ник, – то я столкнулся с собственной небольшой проблемой.

Он произнес эти слова с такой мрачной интонацией, что Пейдж сделалось по-настоящему тревожно.

– А что случилось?

– Ты знаешь некую Рейчел Тернер?

– Конечно.

– Вот и я знаю.

– Расскажи мне то, чего не знаю я.

– Так ты все поняла? Откуда?

– Я заметила ее реакцию, когда ты в первый раз приехал ко мне. Так что там у тебя с ней было? Как обычно – переспали и разбежались?

– Пейдж! – Было слышно, как у Ника от возмущения обрывалось дыхание. После секундной паузы он выпалил: – Почему ты думаешь, что у меня с ней что-то было?

– Будем считать, что это догадка хорошо знающего тебя человека.

– Ну... видишь ли... мы учились вместе... в колледже. – Пейдж подумала, что дела, видимо, обстоят гораздо серьезнее, чем она предполагала.

– Не говори больше ничего, Ник. Я прекрасно могу себе представить все остальное.

– Это совершенно не то, что ты думаешь.

Он просто забыл, что ей хорошо известно все, что происходило в его жизни.

– Неужели?

– Ну, не совсем. Немного.

Пейдж снова закатила глаза. Угораздило же ее иметь брата, на которого женщины слетаются как мухи на мед, но который ни разу не высказал намерений пообещать что-либо хотя бы одной из них.

– Спасибо тебе огромное. Теперь меня лечит врач, ненавидящий меня по той причине, что я твоя ближайшая родственница.

– Она что, плохо с тобой обращается?

– Нет, вообще-то она прекрасно ко мне относится. Особенно если принять во внимание то, что я имею некое отношение к некоему человеку, когда-то безжалостно разбившему ей сердце.

– Но я же не хотел этого!

– Ты никогда никому не желал плохого, знаю, – ответила Пейдж тихо. Она была совершенно искренна в том, что сказала. Ник, конечно, как магнитом притягивал к себе женщин, но ни с одной никогда не посмел вести себя по-хамски. Для этого он был слишком добр.

– Я сейчас все пытаюсь придумать, как же мне... переговорить с ней... чтобы... м-м-м... все выяснить. Что-нибудь можешь мне посоветовать?

– Надень броню.

– Я много думал над тем, – мрачно проговорил Ник, – почему это вы, женщины, такие чертовски раздражительные?

– Пожалуйста, не надо!

Ник пробормотал что-то невнятное, что, по мнению Пейдж, ей вовсе не хотелось бы услышать.

– Послушай, тебе что-нибудь еще привезти?

– Нет, у меня все есть. Даже более чем достаточно, – сказала Пейдж нахмурившись, вспомнив игру в скрэббл.

– А с тобой тут хорошо обращаются? Бетти сказала, что собирается позвонить сюда и все выяснить, ты ведь знаешь, какая она.

Услышав это, Пейдж улыбнулась. Можно себе предста-

вить, что будет, когда Бетти позвонит в больницу! Да, что и говорить, Бетти палец в рот не клади!

– Все хорошо, за исключением того, что здешний персонал появляется в палате каждые два часа. Неужели и впрямь нужно так часто проверять состояние нашего здоровья?

– Ты делай так, как они велят, малышка!

– А разве у меня есть выбор?

– Нет, конечно, выбора у тебя нет. – Ник немного помолчал. – Думаю, ты вряд ли станешь делать твоей милой докторше намеки о своем потрясающем старшем братце, верно?

– О Господи, я даже и не знала, что у меня есть потрясающий старший братец.

– Не смешно. И не слишком разумно. Или ты забыла, что я стал для тебя настоящей дорогой жизнью, твоим связным между карантинном и цивилизованным миром?

Пейдж улыбнулась:

– Послушай, приятель, я сейчас не в настроении, потому что мне в любую минуту могут поставить клизму или что-нибудь в этом роде. Так что займись-ка лучше своими делами, милейший братец.

– Мистер Беннет, пожалуйста, поднимите трубку телефона, он находится возле окна, – попросила доктор Тернер.

Это было на следующее утро, сразу после того, как медсестра вышла из палаты, неся пробирки с образцами крови так осторожно, как будто в них был какой-то смертоносный

яд.

Росс посмотрел на Пейдж, пожал плечами, подошел к окну и взял телефонную трубку.

Он вовсе не собирался сообщать доктору о том, что откровенно спал этой ночью, потому что боролся с мучительной эрекцией, способной, как ему казалось, просверлить дыру в кирпиче.

Слушая нежное ритмичное посапывание спящей соседки за ширмой, он испытывал адовы муки. В своем безмятежном сне она совершенно не подозревала об опасности, от которой ее отделяли пара-тройка футов и ненадежный барьер в виде тонкого занавеса.

Росс впервые оказался в подобной ситуации. Он привык гордиться своим мощным либидо, однако оно пробуждалось в нем лишь в тех случаях, когда он был на все сто процентов уверен, что возбуждавшая его женщина желает его столь же сильно, как и он ее. Но сейчас, похоже, мысль о близости с ним возбуждала его соседку по палате не больше, чем известие о судебном процессе над закоренелым убийцей где-нибудь в Техасе.

А вот Росса любая мысль о ней заставляла мысленно исходить слюной. То, как она потирает мочку уха, если чем-то озабочена, как при каждом движении вздымается ее грудь. Ее волшебный женский запах, напоминавший о солнце. Цветах. Дожде. Сексе.

Все ее тело излучало сексуальность, любой своей черточ-

кой, каждым движением.

Для него секс и Пейдж стали равновеликими понятиями. И он понял, что хочет ее.

Желание скребло и терзало его изнутри, будто в нем, требуя, чтобы его срочно накормили, сидел голодный котенок. Невыносимая пытка, и виновата в этом только Пейдж. В конце концов, стоящая сейчас в приемной женщина-врач тоже очень недурна собой и сексуальна. Однако вирус вызывал в нем похоть, адресованную не ей. Его рассудок, тело, душа страстно желали только одну женщину. Ту, которая не хотела, чтобы он к ней прикасался.

– Мистер Беннет!

Росс снова посмотрел на доктора и приложил трубку к уху.

– Да! Слушаю!

– Прежде чем мы начнем, мне нужно вот что спросить – может быть, вам будет удобнее общаться с доктором-мужчиной?

– А почему, собственно говоря?

– Мне придется задать вам ряд щекотливых вопросов личного характера, так что, если вы желаете отвечать на них мужчине, я с радостью передам вас другому врачу. Например, доктор Грант – высококвалифицированный...

– Но ведь именно вы сейчас контактируете с ЦКИЗом, верно?

– В настоящее время да. Но есть и другие специалисты. –

Росс посмотрел в живые, очень умные глаза Рейчел Тернер и отрицательно покачал головой.

– Попытаю счастья с вами, доктор.

– Вы уверены, мистер Беннет?

– Абсолютно.

– Прекрасно. Но если вы в любой момент примете другое решение, пожалуйста, сразу сообщите мне об этом.

– Обязательно. Обещаю вам.

– Вы испытываете какие-нибудь из симптомов, о которых мы с вами разговаривали раньше? – спросила Рейчел, занеся карандаш над блокнотом.

Да, чертпобери, уменя такая эрекция, что мне сней никак нежить!

—Ничего такого необычного, как мне кажется.

– Как у вас обстоят дела с кровяным давлением? – Росс мотнул головой.

– У меня превосходное кровяное давление. Идеальное. Я каждый год прохожу медицинский осмотр. Со здоровьем у меня никаких проблем.

– Понятно. Но все равно, мы проконтролируем пару дней ваше давление. Оно вполне может оказаться немного выше обычного. Это не опасно, но все-таки превышает норму.

– Понимаю. Стресс.

– Стресс? – переспросила Рейчел, удивленно приподняв брови. Да, она действительно очень хорошенькая. Не его тип женщины, но все равно очень мила. Эта мысль породила дру-

гую – ведь не далее как двадцать четыре часа назад она представляла для него именно его тип женщины.

– А вы бы не испытали стресс, если бы оказались, как и я, взаперти?

– У вас скорее всего температура также будет немного повышена. Но в этом нет ничего страшного.

После того, как три раза в день принимаешь ледяной душ, скорее, будешь страдать от переохлаждения.

– Я не чувствую себя больным.

Он услышал, как за его спиной Пейдж открыла холодильник, хлопнула дверцей и открыла банку с колбой.

– Вы не испытываете признаков сатириазиса?

– Сатириазиса?

Росс вовремя обернулся и успел заметить, как Пейдж поперхнулась, пролив напиток себе на грудь и на пол у своих ног. Сначала она посмотрела на то, что натворила, затем на Росса. Глаза ее сделались величиной с блюдце. Заикаясь она сказала:

– Я... я, пожалуй... подожду в ванной... я все... приберу...

Пулей влетев в ванную, она закрыла за собой дверь. Росс повернулся к Рейчел.

– Я не знаю, что такое сатириазис.

– Необыкновенно частые, продолжительные, а иногда болезненные эрекции. Чрезмерное сексуальное желание, – будничным тоном объяснила Рейчел.

– Понял. – Росс почувствовал, как у него вспыхнули уши,

но он с деланным равнодушием пожал плечами. – Не чаще, чем обычно. Я хотел сказать, что по утрам это ведь обычное явление, верно?

– Конечно. Но происходит ли это с необычной интенсивностью?

Росс подошел к окну и, понизив голос, признался:

– Происходит. С убийственной интенсивностью.

Он испытывал огромное смущение оттого, что ему придется в этом признаваться, но решил, что будет лучше сказать правду. Ложь дела не исправит. Им необходимо вылечиться, и как можно быстрее. Иначе ему придется еще долго подвергаться мучениям, по меньшей мере еще несколько дней, пока их с Пейдж не разведут по разным палатам.

Эта мысль по какой-то непонятной причине ему самому не слишком понравилась. Да, Пейдж причиняла ему ужасные мучения, но все-таки будет лучше, если она останется вместе с ним. Действительно, почему он должен страдать один?

Услышав его ответ, доктор ограничилась коротким кивком и сделала какую-то запись в блокноте. Она хладнокровная женщина, эта Рейчел Тернер.

Росс понизил голос еще больше:

– Скажите, а не изобрели еще какую-нибудь штуковину вроде антивиагры?

– К сожалению, в этом отношении мы не хотели бы прописывать вам какие-нибудь лекарства, изменяющие симптома-

тику вашего возможного заболевания, которое мог вызвать вирус. Нам нужно точно установить, от чего вас следует лечить.

– Ужасно!

Рейчел подняла огромные серые глаза, и их взгляды встретились. Хотя вид у нее был серьезный, было заметно, что в глубине души она довольна результатами беседы.

– Извините, – сказала она с искренностью торговца подержанными автомобилями. – Видите ли, медицина сейчас достигла огромных успехов. Например, известно ли вам о том, что совершенно точно доказано, что слепоты *этона* вызывает?

Росс не сразу уловил, к чему она клонит. Обдумывая ее слова, он заметил, что ее щеки слегка порозовели. Когда до него дошел глубинный смысл сказанного, он вымученно улыбнулся. Росс не мог поверить, что ведет этот разговор с посторонним человеком, и не важно, врач это или нет. Он прочистил горло.

– Спасибо вам, доктор. Я подумаю.

– Есть еще что-нибудь такое, что вы считаете необходимым мне рассказать? Какие-нибудь другие необычные симптомы?

Росс отрицательно помотал головой.

– Только одна большая проблема. Испытываю волчий аппетит.

– Вы можете попросить друзей принести вам все, что по-

желаете из продуктов. Никаких ограничений в вашем рационе питания нет.

– В самом деле? Это здорово.

– Ну и действуйте, как я вам посоветовала, – сказала врач и, положив одну бумажку, взялась за другую. – Вы можете попросить мисс Харт, чтобы она вышла из ванной?

Охотно. Немогубольшевыслушиватьвсеэто. Росс повернулся и направился к двери ванной.

– Послушай, Пейдж, – произнес он и легонько постучал по двери. – Доктор хочет побеседовать с тобой.

Пейдж тут же рывком распахнула дверь.

– Теперь ты заходи сюда!

– Послушай, это не смешно.

– Совсем не смешно.

Пейдж решительным шагом подошла к окну, после чего обернулась и смерила Росса таким взглядом, что он только пожал плечами и вошел в ванную, почти прикрыв за собой дверь, несмотря на правило не подслушивать разговоров с медицинским персоналом. Если Пейдж заговорит достаточно громко, ее слова все равно долетят до его слуха. Так что Росс не испытывал особых угрызений совести относительно того, что сейчас он наострил уши.

Это тотчас напомнило ему о днях далекого прошлого. Когда-то он точно так же стоял у двери родительской спальни.

Росс решительно стряхнул с себя мысли о прошлом.

Оказалось, что разобрать речь Пейдж очень трудно. Соседка по палате понизила свой грудной голос настолько, что понять, о чем она рассказывает доктору, было практически невозможно. Поскольку Росс не мог расслышать вопросов, то подумал, что они, видимо, такие же, какие доктор Тернер задавала и ему. Разве что за исключением вопросов об эрекции.

Интересно, бывает у женщин сатириазис? Росс понятия не имел. Но если Пейдж все-таки испытывает что-то в этом роде, было бы чертовски интересно об этом узнать.

– Как мне все надоело! Хочу поскорее выбраться отсюда, – услышал он голос Пейдж.

Росс нахмурился, не слишком уверенный в том, почему эта фраза так расстроила его.

После паузы до него донесся обрывок другой фразы:

– ...я ...не знаю, что вы имеете в виду... нет, я бы ни за что, если бы не этот змей Беннет... ведь он только и делает, что...

Снова возникла пауза.

– Я хочу сказать, он разгуливает по палате как кобель перед случкой.

Неужели?

– И еще, знаете, он ходит тут исключительно в шортах. – Росс посмотрел на свои шорты. Что в них такого необычного? Шорты как шорты.

– А при игре в скрэбл он придумывает всякие непристойные слова. Нет, он не то чтобы жульничает, дело не в этом.

Я хотела сказать, что вообще-то это не главное. Я не против.

Росс ухмыльнулся.

– Да! То есть я хотела сказать нет. У меня нигде ничего не болит, если вы это имеете в виду. Хотя у меня такое ощущение, что внутри все горит, просто невыносимый жар.

Росс одобрительно кивнул, хотя жар он ощущал исключительно снаружи, нет, даже не ощущал, а видел – такое не спрячешь даже от самого себя.

Мгновение спустя Пейдж произнесла:

– Думаю, что нет... Пауза.

– Да, я хочу избавиться от этого вируса... Да, понимаю, конечно же, мы инфицированы... Это как раз и объясняет, почему мы... я... – в этом месте Пейдж понизила голос до еле слышного шепота, – нахожу этого слизняка привлекательным.

Росс снова усмехнулся, оставив без внимания обидное сравнение, зато обрадовавшись замечанию о своей привлекательности. Значит, она испытывает такие же мучения, что и он. Это хорошо.

Доктор и Пейдж разговаривали еще пару минут. Затем Пейдж произнесла:

– Мой брат сегодня снова приедет меня навестить.

– ...особенно Ник, – добавила она после какого-то комментария доктора. – Он лучший брат в мире. И кроме того – потрясающий архитектор.

Ишь, взялась расхваливать своего братца. Росс без труда

представил себе, как на это реагирует доктор. Еще бы, стоит вспомнить, как повел себя Ник при первой своей встрече с Рейчел Тернер.

В следующее мгновение Росс услышал, как Пейдж положила телефонную трубку. Он тут же плотно прикрыл дверь, бросился к раковине и склонился над ней, что-то небрежно насвистывая. Пейдж постучала и произнесла:

– Можешь выходить.

Росс немного выждал, подошел к двери и открыл. Первое, что бросилось ему в глаза, – алые пятна на щеках Пейдж. Перехватив его взгляд, она презрительно надулась. Такое выражение лица могло обезобразить кого угодно, но только не Пейдж. Ее лицо осталось по-прежнему красивым.

– Как у тебя хватило совести подслушивать?

– Да с какой стати мне тебя подслушивать?

– Напоминаю – Правило Номер Пять. Никаких подслушиваний разговоров с врачами.

– Правило Номер Пять-Б, – отозвался Росс. – Никаких шуток с медсестрами.

Пейдж совершенно невинно моргнула.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, – сказал он, приблизившись к Пейдж настолько, что та была вынуждена попятиться назад. – Вот, например, сегодня утром, когда медсестра спросила меня, где я взял такие невероятно красивые глаза.

– Но я не...

– Представь себе, что да. Ты сказала: «Он купил их на те деньги, что оттяпал у своих несчастных клиентов». Готов поспорить, ты именно так и сказала – слово в слово.

Глаза Пейдж сделались огромными, как блюдца.

– Оказывается, у тебя хороший слух!

– Да, неплохой.

Она перевела взгляд на окно, затем снова посмотрела на Росса, подозрительно прищурившись.

– Обязательно приму это во внимание.

– У меня вообще-то немало прекрасных качеств, – сказал он, слегка подталкивая ее к своей кровати. – Хочешь проверить парочку из них?

– Доктор Тернер?

При звуке голоса Ника сердце Рейчел тревожно сжалось. Она почувствовала, что у нее задрожали руки. Она сделала глубокий вдох и, прежде чем обернуться, медленно выдохнула.

– Слушаю вас... э-э-э... мистер Харт, если не ошибаюсь?

В его голубых глазах мелькнул огонек, но через пару секунд Ник ответил:

– Верно. Я – Ник Харт, брат Пейдж.

– Чем могу быть полезна, мистер Харт?

– Называйте меня просто Ник.

– Чем могу быть полезна, просто Ник?

– Прежде всего я хотел бы поговорить с вами о состоянии

здоровья моей сестры.

– Пожалуйста, подождите минутку, – сказала она и прибегла к своей старой излюбленной уловке – закончила делать какие-то записи в регистрационном журнале и положила его обратно на полку. Затем засунула карандаш за ухо и скрестила на груди руки. Как это ни смешно, но ее тело отреагировало уже на одно только присутствие этого мужчины. Правда, Рейчел почему-то не почувствовала себя счастливой ни на йоту.

– С вашей сестрой все в полном порядке, – ответила она ему, прислонившись спиной к стене.

– Вы выяснили что-нибудь новое?

– Пока что не особенно. Мы недавно отправили повторный анализ крови в ЦКИЗ. Результаты станут известны чуть позже.

– Ее здоровью что-нибудь угрожает? Ей больно?

Вопрос едва не вызвал у Рейчел приступ неконтролируемого смеха. Хотя вчера она объяснила Нику природу предполагаемого вируса, однако не стала подробно вдаваться в симптомы заболевания. Тем более что слово «похотливость» не входило в число биологических терминов, которые много лет назад она пыталась втолковать ему.

– Нет-нет. Ничего. Хотя ваша сестра испытывает мучительное желание поскорее выбраться из больницы.

– А когда появится возможность перевести ее в отдельную палату?

– Боюсь, что в обозримом будущем такой возможности не предвидится. Однако, если не ошибаюсь, она и второй пациент, как я и ожидала, поладили друг с другом.

Это было не совсем так, но в сложившейся ситуации она пока действительно не могла ничего сделать. Рейчел тут же вспомнилось, что, когда дело касалось членов его семьи, Ник Харт становился неуправляем.

– Извините меня, но мне пора идти. У меня много дел, – сказала Рейчел и собралась пройти мимо него.

– Подождите! – воскликнул Ник и, схватив за руку, вернул на место.

– Пустите меня, мистер Харт! – произнесла Рейчел возмущенно. К сожалению, ее голос прозвучал не столь решительно, как ей хотелось бы. От одного его прикосновения у нее перехватило дыхание.

Ник отпустил ее руку, но по-прежнему загораживал путь.

– Знаете, когда я учился в колледже, то был знаком с одной Рейчел Тернер, – добавил он после недолгой паузы.

Рейчел показалось, что возле самого ее сердца разорвалась бомба. Так он узнал ее! Или ему просто показалось, что узнал?

– У меня не слишком редкое имя и фамилия.

– Она была так же красива, как и вы, – понизив голос, сказал Ник.

– Да что вы говорите! – ответила Рейчел, пытаясь обойти его. Она чувствовала, что ее тело сотрясает дрожь.

– Она тоже хотела стать врачом.

– Надеюсь, ей удалось осуществить свою мечту. Будьте любезны, пропустите меня. Мне надо идти. Меня ждут пациенты.

– А потом она исчезла из моей жизни.

– *Я*исчезла из *вашей*жизни?!

– Так это были вы! Я вернулся в колледж. А вы? Почему вы не вернулись?

– Это, черт побери, не ваше дело! – Они уже стали привлекать внимание окружающих, и поэтому Рейчел пришлось понизить голос. – Оставьте меня в покое, Ник!

– Давайте пообедаем вместе!

– Ни за что. Никогда.

– Позавтракаем?

– Нет.

– Тогда давайте хотя бы выпьем кофе!

– Нет!

– Мы наконец снова нашли друг друга спустя столько лет. Я считаю, что мы просто обязаны заново познакомиться.

– Видите ли, это может показаться странным, но мне совершенно безразлично, что вы считаете.

Ник протянул к ней руку, но Рейчел отступила назад.

– Дайте мне хотя бы возможность все объяснить!

Его голубые глаза с такой мольбой смотрели на Рейчел, что ей пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы противостоять этому гипнотическому взгляду.

– Ник, послушайте, это уже дела давно минувших дней. Нам не о чем говорить, нечего объяснять.

Ник покачал головой и собрался что-то сказать, когда откуда-то сзади донесся женский крик:

– Ники!

Ник посмотрел через плечо, затем снова повернулся к Рейчел.

– Еще ничего не кончено.

– Кончено, Ник. Кончено.

Она обошла его и зашагала по коридору.

– Мы поговорим об этом позже! – бросил ей вслед Ник.

Рейчел даже не обернулась. О Нике Харте ей вспомнилось кое-что любопытное: когда тот ставил перед собой цель, то всеми правдами и неправдами добивался ее.

– Не в этот раз, Ник, – пробормотала она себе под нос.

Глава 6

– Тебе когда-нибудь приходило в голову, что у королевы бубен немного детское лицо?

Пейдж посмотрела на Росса так, будто он совершенно потерял рассудок. Что, впрочем, было близко к истине. С ним действительно творится что-то неладное, если даже самая невинная игра в карты возбуждает его.

Пейдж занималась кое-какой работой, да и сам Росс также попытался заняться делами. Однако сосредоточиться по-настоящему ему не удавалось, потому что его постоянно отвлекало то, как она печатает на компьютере.

У нее были изящные маленькие пальчики с изумительной формы ноготками. Ее руки порхали над клавиатурой удивительно сексуально.

Чтобы не думать о ее замечательных пальчиках и не мечтать о том, как они нежно касаются его тела, Росс судорожно схватился за колоду карт и принялся раскладывать пасьянс. Это также не помогло ни на йоту ослабить напряжение у него в паху. Росс задумался о том, известны ли истории случаи, когда мужчины умирали от продолжительной эрекции.

Он даже стал подумывать о том, не последовать ли совету доктора и прибегнуть к крайнему средству, и даже в какой-то миг подошел к двери ванной, но в негодовании вернулся на место. Он прекрасно понимал, что облегчение будет лишь

кратковременным, а потом все начнется сначала. Как только он выйдет из ванной и снова увидит Пейдж.

– Королева бубен? – повторила она, ворвавшись в его сумасшедшие фантазии.

– Возможно, тому виной все эти побрякушки на ней, – ответил Росс, стараясь не залиться краской смущения.

– Понятно, – ехидно заметила Пейдж. – Адвокат по разводам, которого возбуждают дамские побрякушки.

Росс отшвырнул от себя колоду карт.

– Хватит! – рявкнул он, буквально взлетев с кровати. – Я достаточно наслушался твоих намеков обо мне, моей карьере, моих поступках и мотивах! Вы же ни черта не знаете обо мне, леди, а берете на себя роль прокурора, судьи и присяжных! Хватит! С меня довольно!

Пейдж нашла в себе мужество достойно оценить эту вспышку гнева и приняла вид пристыженной добродетели. Она еще пару раз ударила по клавиатуре компьютера, затем захлопнула его крышку.

– Послушай, Росс. Извини, – произнесла она. Но когда подняла на него взгляд, в ее глазах он не увидел ничего похожего на угрызения совести. – Просто дело в том, понимаешь... я просто знаю тех, кто когда-то ужасно пострадал от адвоката, занимавшегося бракоразводными процессами. Этот адвокат, кстати, женщина, была безжалостна, вела себя совершенно неэтично, и ей было наплевать на тех, кто от этого пострадает, потому что какое-то время она и ее клиент

неплохо жили, отхватив себе кучу денег. Вот такое впечатление, и оно засело надолго в моей памяти.

– И теперь в твоих глазах мы все такие паразиты? – спросил Росс, подумав о том, прошли ли и ее родители через сложный, неприятный развод, как и его старики.

Пейдж хмыкнула уже без всякой деликатности.

– А на какое еще отношение ты рассчитываешь, если строишь свое благосостояние на несчастье других людей? – спросила Пейдж уже довольно дружелюбно. Вид у нее был действительно слегка озадаченный, словно она ждала от него правдивый ответ.

Россу же, в свою очередь, очень хотелось спросить ее, что с ней случилось. Однако, подумав, он решил воздержаться от каких-либо расспросов. Хотя почему бы и нет? Да какое ему дело до того, что Пейдж может подумать о нем?

Росс пожал плечами.

– Я смотрю на вещи вот таким образом: отношения между супругами часто портятся, и это приводит к разводу. Старо как мир. Этим людям плохо еще до того, как на горизонте возникаю я. Моя задача состоит в том, чтобы дать моей клиентке гарантию, что после развода ее жизнь не станет еще ужаснее, что она не окажется на мели и ей будет на что накормить и одеть детишек.

Пейдж какое-то время молча переваривала услышанное. Затем кивнула:

– Хорошо. Соглашаюсь с тем, что ты сам искренне веришь

в то, что говоришь. И постараюсь больше не подкалывать.

– Ну, спасибо тебе!

– Однако гарантировать ничего не могу.

– Что ж, и на том спасибо.

Пейдж нахмурила брови и посмотрела на него так, будто перед ней был не он, а какая-нибудь жуткая повестка в суд.

– Похоже, ты действительно вынуждаешь меня демонстрировать не самые лучшие черты моего характера. – Она помолчала. – Впрочем, я знаю, что была несправедлива.

Ее дыхание сбилось с привычного ритма, и Росс мысленно обратился к небесам с просьбой уберечь его от очередной вспышки гнева.

– Честно говоря, Росс, я и сама не знаю, что со мной происходит, – добавила она, закрыв лицо руками. – Обычно я не такая стерва.

Гнев Росса рассеялся столь же быстро, как и кучка свидетелей на судебном процессе над мафиозной преступной группировкой. Тем более что он никак не мог выбросить из головы, как волнующие пухлые губки прелестницы Пейдж произносят его имя, а роскошные пряди ее светлых, медового оттенка волос блестящей волной ниспадают ей на руки и лицо.

Росс приблизился к ее кровати, чувствуя, как сердце болезненно сжимается в груди. Вид женских страданий неизменно вызывал в нем обеспокоенность и сочувствие. Огромную обеспокоенность и бесконечное сочувствие. Долгие го-

ды пробыв свидетелем семейных распрей, Росс высоко ценил мир и согласие. Скандальное выяснение отношений всегда разрывало его сердце.

– Послушай, извини меня, – сказал он, больше не в силах сдержать в себе желание прикоснуться к ее восхитительным волосам. – Но ведь и ты совершенно ничего не знаешь о моих положительных сторонах. И вообще, боюсь, сейчас не то время, чтобы делать какие-либо предположения.

Пейдж оторвала руки от лица и посмотрела на него. Росс, содрогнувшись, заглянул в ее бездонные зеленые глаза.

– Я просто не знаю, почему веду себя как последняя дура.

Росс огромным усилием воли убрал руки от ее шелковистых волос. Присев рядом с ней на краешек кровати, он сказал:

– Что ж, давай попробуем все разложить по полочкам. Ты получила травму при взрыве и стала жертвой какого-то неизвестного вируса, в результате чего оказалась в больничной палате с незнакомым человеком. Думаю, этого достаточно, чтобы испытать стресс.

Пейдж удивленно моргнула.

– Все правильно. Спасибо тебе за сочувствие, выходит, что ты вовсе не бесчувственный чурбан.

– Видишь ли, вообще-то есть немало людей, которые знают, что я не бесчувственный чурбан.

– Вот это-то как раз и плохо.

Росс, в свою очередь, удивленно моргнул.

– Это почему же?

– Да, представь себе. Ты уже и без того слишком красивый и умный. А если ты еще и отзывчивый... Тогда плохи мои дела.

– Плохи? – переспросил он, еле сдерживая улыбку. – Плохи, это почему же?

– Из-за этой... болезни.

Росс поймал себя на мысли о том, что не может оторвать взгляд от ее чувственных сочных губ.

– Я об этом уже думал...

– Ох, – вздохнула Пейдж. На ее губах промелькнула легкая тень улыбки. – Как зловеще все это звучит.

Росс улыбнулся ей в ответ:

– Ну, не так уж и зловеще. Я вот о чем подумал – если у нас обоих такое чувство, так, может, послать чертовой бабушке это дурацкое правило о запрете на прикосновения?

Глаза Пейдж удивленно расширились.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что нам следует вычеркнуть из нашего соглашения это самое правило о прикосновениях.

– А вот это было бы действительно опасно.

– Зато забавно. У нас есть другой способ приятно проводить время?

Пейдж какое-то время смотрела на него, затем отрицательно покачала головой:

– Нет. Это обязательно приведет к самым нежелательным

последствиям.

– Каким образом?

– Послушай, а что будет, когда нас выпишут из больницы? Мы просто сделаем друг другу ручкой, скажем «все было очень мило» и разбежимся в разные стороны?

– Если мы этого сами захотим, то да, – ответил Росс, неожиданно поймав себя на мысли о том, что подобный исход событий его не очень-то вдохновляет.

– А что, если этого захочет только один из нас? Что тогда? Росс понял, куда она клонит, и это ему не понравилось.

– Думаю, ты права, – сказал он, вставая. – Это может иметь печальные последствия.

Пейдж кивнула, хотя Росс мог поклясться, что заметил в ее глазах огонек разочарования.

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, он протянул руку и прикоснулся к ее щеке. Ее кожа оказалась нежной и шелковистой, как раз такой, какой он и представлял себе.

– А что ты скажешь об обычном поцелуе? – Пейдж сделала шумный вдох.

– Это тоже может иметь опасные последствия.

На Росса волной нахлынуло разочарование, но он улыбнулся и опустил руку.

– Наверное, ты права.

И повернулся к своей кровати.

– Хотя, черт побери, – пробормотала Пейдж и, схватив его

за запястье, притянула к себе, – один поцелуй не повредит.
– Правило Номер Четыре-А, – тут же напомнил ей Росс.
– Можешь оштрафовать меня.

Росс никак не рассчитывал, что ему подвернется такая чудесная возможность, но, если можно так выразиться, она сама – то есть возможность – прыгнула ему прямо в распростертые руки. Запустив пальцы в душистые волосы, Росс провел ладонью по ее голове. Затем прижался губами к ее губам.

Первое же прикосновение к ее губам было подобно взрыву, потрясшему все его тело. Росс слегка повернул ее голову набок и со стоном снова поймал ее губы своими губами и накрыл их глубоким страстным поцелуем.

Целовать ее было истинно райским наслаждением. Ее поцелуй был нежным и одновременно требовательным. Росс не помнил, чтобы он раньше получал такое удовольствие от женского поцелуя. Пейдж жарким костром воспламенила его. Продолжая целовать ее, Росс крепко прижал ее к себе, не оставляя никаких сомнений в том, как сильно он ее хочет.

Пейдж застонала, тесно прижимаясь к нему грудью. Это прикосновение вызвало в нем чувство, близкое к головокружению.

– О Боже, Пейдж, – еле слышно прошептал он. Она казалась ему такой беззащитной и миниатюрной. Его лапища практически закрывала ее спину.

Ее руки скользнули вверх по его груди, затем обвили его за шею, предоставив его рукам беспрепятственно исследовать все изгибы и округлые выпуклости ее нежного тела. Росс не преминул воспользоваться этой чудесной возможностью и, надо сказать, получил небывалое наслаждение от этой анатомической экспедиции. Отчего возбуждился еще сильнее. Если Пейдж и дальше будет так его целовать, он просто возьмет ее силой, не задумываясь о последствиях. Дурманящий аромат ее кожи и волос буквально сводил его с ума. Духами она не пользовалась, так что это был исключительно ее природный запах, возбуждающий эротический аромат женщины.

Неожиданно Пейдж резко отстранилась, глядя на него широко раскрытыми глазами и слегка задыхаясь. Ее губы немного припухли от поцелуев и казались ему настолько сочными и манящими, что ему снова захотелось впитаться в них.

– Что ж, – сказала она, отступая назад, – это было... э-э... настоящее...

– Наслаждение? – поспешно продолжил ее мысль Росс, горько сожалея о том, что поцелуй прервался на самом волнующем месте.

– Опыт. Жизненный опыт, – ответила Пейдж.

– И весьма неплохой.

– Видимо, даже слишком, – согласилась Пейдж, коротко кивнув. – И было бы глупо с нашей стороны попытаться его повторить.

– Вообще-то я точно не уверен... – начал было Росс, но приготовленную им фразу оборвал внезапно зажегшийся свет. Пейдж поспешно отпрянула. Затем потеряла ладонью губы и поправила прическу.

Росс еще какое-то мгновение полюбовался тем, как вздымается и опускается от волнения ее чудесная грудь, прежде чем посмотреть, кто пришел нарушить их уединение.

От удивления у него отвисла челюсть – перед его взором предстала пестрая толпа лиц явно не из числа медицинского персонала.

– О Господи, – пробормотала Пейдж.

– Кто все эти люди? – осведомился Росс. Среди посетительниц он разглядел супружескую пару средних лет, некую даму преклонного возраста, двух девочек-близняшек лет этак шестнадцати, молодого человека приблизительно двадцати лет – последний держал в руке нечто вроде калькулятора.

– Это моя семья. Мои родственники. Вернее, примерно один процент моих родственников. – Пейдж распрямила плечи и направилась к интеркому.

– Привет всем!

Первой заговорила старшая но возрасту дама – копия Пейдж, правда, с более светлыми волосами.

– Пейдж, дорогая, как ты себя чувствуешь? – Она внимательно осмотрела Пейдж с головы до пят в поисках возможных ранений и травм.

– Со мной все в порядке, мам. Вам вовсе не нужно было

всем приходиться сюда.

Понятно. Так значит, это ее мать, а высокий и элегантный мужчина, стоявший рядом с дамой и покровительственно обнимавший ее за плечи, – это, видимо, отец Пейдж. Скорее всего ни о каком мучительном разводе в этой семье никогда даже не думали.

– Правильно ли мне доложили, будто одного из моих солдатиков вывели из строя? – спросил мужчина.

О Боже. Военный. Росс был готов поспорить на собственный «ролекс», что отец Пейдж – бывший военный.

– Со мной все в порядке, па. Честное слово. – Вперед шагнула вторая женщина, на вид особа уже не первой молодости. Покопавшись в огромном черном ридикюле, она высыпала в руку пригоршню леденцов в обертках.

– Я принесла тебе конфеток, Пейдж, дорогуша. Твои любимые, мятные.

Пейдж тут же скрестила на груди руки.

– Где ты взяла их, тетя Роуз?

– Там, внизу, в подарочном магазинчике.

– А ты заплатила за них? – Обернувшись к Россу, она, понизив голос, пояснила: – У тети Роуз иногда возникает проблема – берет чужое, не заплатив.

– И это так ты благодаришь любимую тетушку? – проворчала явно склонная к клептомании родственница Пейдж.

– Извини, дорогая. Спасибо тебе, – сказала Пейдж. – Оставь их тут, с твоей стороны перегородки. Медсестра при-

несет их мне. Тетя Роуз оставила леденцы там, где ей было велено, и взялась обследовать медицинские шкафчики. Росс с нескрываемым любопытством стал наблюдать за тем, как она выдвигает и возвращает на место ящики. Тетушку, по всей видимости, ужасно заинтересовали резиновые печатки, которые она и попыталась нарочито небрежно засунуть в свой ридикюль.

– Мама! – позвала Пейдж, и мать ласково и деликатно забрала перчатки у тети Роуз.

– Мы приспособили твою квартиру под командный пост, откуда координируем ход твоего лечения, – заявил отец Пейдж. – И мы ни на шаг не отступим, пока ты не вернешься из больницы на родную территорию целой и невредимой.

– Не нужно ничего, пап. Со мной все в порядке.

– Ты только что ела клубнику, Пейдж? – неожиданно спросила мать.

– Нет.

– А почему у тебя такие опухшие губы? – Пейдж машинально провела рукой по губам.

– Наверное, это от падения при взрыве.

– Дай-ка я посмотрю твои зубы! Все целы?

– Мама, со мной все в порядке!

Одна из близняшек сделала шаг вперед и постучала по стеклу ярко-малиновым ноготком.

– Эй, Пейдж, сколько тебе еще сидеть здесь? А почему ты не в больничной одежде? Ты даже не выглядишь больной,

у тебя только чуточку покраснело лицо. А у меня на следующей неделе свидание с Джеймсом. Надеюсь, ты скоро вернешься домой и сделаешь мне нормальную прическу. Тебя скоро отсюда выпустят?

Юная родственница Пейдж выпалила все эти вопросы на одном дыхании. Росс даже удивился, как она может тараторить столько времени, не дыша.

– А это кто такой? – спросила девушка, указывая на него.
– Какой красавчик! Да он просто душа!

Пейдж, очевидно, выбирала из пулеметной очереди вопросов только те, что, по ее мнению, были достойны ответа.

– Боюсь, что вряд ли смогу вернуться домой до твоего свидания.

– Ник нам рассказал, что ты оказалась в одной палате еще с одним больным, – вмешался в разговор отец. – Познакомь нас, пожалуйста, с твоим сокамерником!

Пейдж посмотрела через плечо. На ее лице читались одновременно отчаяние, мольба и извинение. Росс пожал плечами, подошел ближе к стеклянной перегородке и улыбнулся.

– Знакомьтесь, это Росс Беннет, – сказала Пейдж, взмахнув рукой в его сторону. – Росс, знакомься, это мои родители, Уильям и Лайла Харт.

– Как поживаете? – осведомился Росс.

– Рада с вами познакомиться, – ответила мать, а отец внимательным взглядом оглядел его с головы до ног – точь-в-

точь как призывника во время медицинской комиссии. Судя по выражению лица папаши, тот остался не слишком высокого мнения об увиденном.

– Вот эта почтенная дама, что только что пыталась прикарманить пару медицинских перчаток, – моя тетя Роуз. – Тетушка Роуз приветственно помахала рукой, после чего принялась осматривать очередной выдвижной ящик медицинского шкафа.

– Вот эта болтушка – одна из двух близняшек – моя сестра Кармен. А та, вторая, молчунья – Камилла.

Юная Камилла удостоила Росса испытующим взглядом.

– А этот юный гений – мой двоюродный брат Натан.

Юный гений тем временем продолжал высчитывать что-то на калькуляторе, то и дело поправляя сползавшие на кончик носа очки.

– Какой у тебя вес, Пейдж? – неожиданно нарушил он молчание, даже не подняв глаз на кузину.

Пейдж моментально зарделась румянцем.

– Ну, вообще-то я не помню, – ответила она, искоса бросив взгляд на Росса.

– Натан, – укоризненно произнесла тетюшка Роуз, опустив в ридикюль еще какой-то предмет. Пейдж скорее всего не заметила этого, поскольку ничего не сказала. Росс подумал, что если эта почтенная старая дама пробудет в больнице еще какое-то время, то полностью обчистит медицинское заведение. – Невежливо задавать даме подобные вопросы.

– Я просто хотел рассчитать, какая дозировка аиетомй-нофена предельно допустима при ее весе.

– Доктор уже все давно определила, – быстро проговорила Пейдж.

– А почему ты в одной палате с таким красавчиком? – поинтересовалась юная Кармен. – Откуда на тебя свалилось такое счастье?

Судя по выражению лица Пейдж, в эту минуту она испытывала все что угодно, только не счастье. Она лишь слабо махнула рукой.

– По счастливой случайности.

– Пейдж, дорогая, – произнесла мать, понизив голос, как будто Росс не мог услышать ее, – твоей двоюродной тете Алией и срочно нужна твоя помощь. Когда ты сможешь заняться ее делом?

– Так она снова решила все поменять? – Лайла Харт утвердительно кивнула.

– Лестера ведь сейчас нет.

– А кто есть?

– Хармен Стенхоп.

– Этот чучельщик? – Лайла Харт снова кивнула.

– Из них получится прелестная пара.

– На этой неделе, – пробормотала себе под нос Пейдж и, резко повернувшись, направилась к своей кровати. Взяв блокнот и ручку, она вернулась к окну, продолжая, пока шла от кровати до стеклянной перегородки, делать какие-то за-

писи. – Хорошо. Я займусь этим, как только у меня появится возможность.

– Замечательно. Сама знаешь, она ведь уже не молода. – Росс бросил взгляд на блокнот Пейдж и с немалым удивлением обнаружил, что страница была полностью испещрена именами ее двоюродных сестер, братьев, тетушек и дядюшек, которым, несомненно, была нужна ее помощь. Так все же, сколько всего у этой женщины родственников?

Как только за стеклом появились Ник и доктор Тернер, лицо Пейдж осветилось радостным облегчением. Тетушка одарила Ника лучезарной улыбкой, подставив ему для поцелуя морщинистую щеку, при этом незаметно закрывая свою сумочку.

– Что вы все здесь делаете? – спросила доктор. – К больным допускаются только два посетителя одновременно.

– Если бы они приходили по двое, Пейдж принимала бы посетителей все двадцать четыре часа в сутки, – сухо заметил Ник.

– О Господи! Ты хочешь сказать, что на улице дожидается еще кто-то из наших?! – спросила Пейдж.

– В комнате для посетителей протолкнуться негде. – Доктор Тернер повернулась к Нику:

– Вы хотите сказать, что это все ваши родственники? – К Рейчел тут же подошел отец Пейдж и протянул ей руку:

– Старший сержант Уильям Харт. В отставке. Что донесла

разведка об этом вирусе?

– Как поживаете, старший сержант? – в тон ему ответила Рейчел. – Разведка пока дала лишь общие результаты. Однако у нас за дело взялась целая команда, сэр, и сейчас мы планируем ряд тактических действий.

Уильям Харт удивленно посмотрел на нес.

– В вас чувствуется военная косточка, доктор! Служили в армии?

– Так точно, сэр! – отсалютовала доктор Тернер. – Капитан Рейчел Тернер, резервист ВВС США. Рада, что вы с нами, сержант.

Росс заметил, как при этих словах у Ника от удивления отвисла челюсть.

Лицо сержанта Харта расцвело лучезарной улыбкой.

– Ох уж эта авиация! Молодцы! Утром ненадолго в воздух, быстро сделали свои дела, и заваливайся в койку после ужина!

Рейчел улыбнулась:

– Вы, видимо, никогда не спали на борту самолета. Там особенно не разнежишься!

– Правильно говорите, капитан! А теперь скажите, чем может помочь рота семейства Харт?

– Сэр, необходимо срочно очистить территорию, чтобы я могла пробраться к моим пациентам.

– Есть, капитан! – ответил Уильям Харт и повернулся к родственникам: – Слушать мою команду! Срочно покидаем

помещение и встречаемся снаружи в тринадцать ноль-ноль!

– Мы тебя любим, малышка! – нежно произнесла его супруга, обращаясь к дочери по ту сторону стеклянной перегородки. – Если что-нибудь понадобится, срочно сообщай нам!

– Я тоже люблю тебя, мама, – отозвалась Пейдж.

Увиденная Россом картина почему-то вызвала в его воображении ассоциацию с тюремным застенком, несчастными узниками, решеткой, ржавыми цепями и тому подобным. Впрочем, это было не так уж и далеко от истины.

Пейдж помахала рукой.

– Мне будет вас не хватать! – добавила она.

Затем, прямо у Росса на глазах, родственники по одному покинули помещение приемного покоя. Россу почему-то стало очень грустно. Ему действительно понравились эксцентричные родственники Пейдж Харт.

Семья. Как все-таки здорово иметь родных! Как он мечтал, да нет, жаждал иметь семью!

Но еще десять минут в обществе Пейдж, и эта жажда напомнила о себе весьма недвусмысленным образом. Ощущение не из самых приятных.

Глава 7

– Мне так неудобно из-за всего этого, – заявила Пейдж пять часов спустя, после двух визитов врача и сотни посещений представителей семейства Хартов. Они с Россом лежали каждый на своей кровати.

Росс поднял голову и посмотрел на Пейдж.

– Неудобно из-за чего?

Ее рука поднялась и изобразила в воздухе какое-то волнообразное движение.

– Из-за них всех.

– Твоих родственников?

– Ну да.

– Еще чего, извиняться за них. Они мне очень даже понравились. Только в следующий раз напомни мне, чтобы я не оставлял без присмотра бумажник, если поблизости находится тетушка Роуз!

Пейдж прыснула от смеха, затем посмотрела на Росса долгим взглядом.

– Ты либо очень хороший человек, либо величайший негодяй из всех, что водятся в этой части Америки.

– Нет, я серьезно говорю. Мне-то не особенно повезло с семьей. У меня практически нет никого. Знаешь, это замечательно – иметь много близких родственников.

– Ты в самом деле так думаешь? – спросила она, и ее сло-

ва прозвучали несколько задумчиво, словно до этого ей казалось, как это здорово – не иметь такой кучи родни. – А сколько у тебя братьев и сестер?

– Никого. Ни тех, ни других. Я был единственным ребенком в семье.

– А тетушки, дядюшки, двоюродные сестры и братья?

– Нет, нет и еще раз нет. Никого у меня нет. По крайней мере в живых уже никого не осталось. Был у меня дядя, но он оставался закоренелым холостяком. Вот уж кому следовало остаться на всю жизнь холостяком, так это моему отцу.

Пейдж перекадилась на бок, подперла голову рукой и с любопытством посмотрела на Росса.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила она.

Ему не хотелось говорить об этом. Хотя, подумал он, это не совсем так. Точнее будет сказать, что он никогда не желал говорить с кем-либо на эту тему. Однако глаза Пейдж и ее лицо действовали на него гипнотически, и он поймал себя на мысли о том, что ему, как это ни странно, захотелось, чтобы она его выслушала.

Не говоря уже о том, что лежащая Пейдж представляла собой восхитительное зрелище, демонстрируя взгляду соблазнительные округлости и изгибы прекрасного женского тела. Линия бедра гармонично переходила в стройную талию, а грудь так и манила прикоснуться к ней. Длинные, роскошной формы ноги. Конечно, было бы лучше, если бы он не замечал всего этого. Поэтому Росс поспешил сосредоточить

взгляд исключительно на ее лице.

Пожав плечами, он произнес:

– Да просто дело в том, что мои родители были далеки от совершенства.

Во взгляде Пейдж промелькнуло сочувствие, которое обычно вызывало у него неприязнь. Но было непохоже, чтобы она пожалела его. Скорее, ей сделалось грустно.

– Извини.

– Что делать, такова жизнь.

– Верно.

– Сколько лет тебе тогда было?

– Семь.

– Извини.

– Да что там. По крайней мере я не жалею о том, что они развелись. Не то они поубивали бы друг друга.

– С кем же ты остался?

– С матерью. Я прожил с ней два года. Потом меня забрал отец, и я оставался с ним до поступления в колледж.

– Твоя мать... она что, умерла? – с трудом проговорила Пейдж.

– Нет, – покачал головой Росс. – Но после развода ей ничего не досталось. А она ничего не умела, кроме как вести дом, поэтому пошла в домоправительницы. Нам еле хватало на хлеб. Потом отец все-таки убедил ее, что мне будет легче жить с ним. Ей было очень тяжело согласиться на это, но она наконец решилась и отдала меня ему.

Взгляд Пейдж засветился пониманием.

– Так, значит, вот почему ты решил стать адвокатом по бракоразводным делам?

– Думаю, что отчасти это действительно повлияло на мое решение. Мне хотелось помогать женщинам, попавшим в такие же трудные обстоятельства, чтобы они не оставались без денег и поддержки.

– Послушай, но ведь сейчас у тебя клиент мужчина, Карл, а не его жена Жасмин.

Росс усмехнулся:

– Думаешь, ей грозит бедность?

На какое-то мгновение в глазах Пейдж вспыхнула искорка раздражения.

– Да, это вряд ли, – согласилась она.

– Подводя итог сказанному, признаюсь – я беру много дел в пользу разведенных женщин или тех, кто хочет развестись со своим злодеем мужем. А чтобы зарабатывать на жизнь, я вынужден братья за дела богатых клиентов.

– Ну, будь твой отец и впрямь злодей, вряд ли он захотел бы, чтобы ты жил вместе с ним.

– А он и не был злодеем. Вообще-то он был не такой уж плохой человек, по крайней мере стал неплохим после развода с моей матерью. Не был он и тираном. Просто тогда правила жизни были другими. Отцу удалось убедить суд в своей правоте – что, мол, если он не получит опеку, которой так добивался, то тогда и не обязан выплачивать деньги на

мое содержание.

– Ух ты! Хорошо, что теперь правила изменились.

– И все равно время от времени в суде из-за денег разгораются настоящие баталии.

– А что же твоя мать? – Росс улыбнулся:

– Она замечательная женщина. Самым счастливым днем в моей жизни стал тот, когда я пришел в дом, где она работала экономкой, и сказал хозяину, что больше она у него работать не будет и что я забираю ее.

– Где же она сейчас?

– Во Флориде. Наслаждается маленькими пенсионерскими радостями. Вышла замуж за одного замечательного человека.

– А твой отец?

– После развода с матерью он так и не женился. Сейчас работает в Калифорнии.

После недолгого колебания Псйдж спросила:

– И поэтому ты до сих пор не женат? Потому что у тебя перед глазами неудачный пример супружеской жизни твоих родителей?

Росс сел на кровати.

– А с чего ты взяла, что я не был женат? Пейдж удивленно уставилась на него.

– А разве был?

– Нет.

Росс был готов поклясться, что заметил на ее лице облег-

чение.

– Я не поэтому не был женат. Знаю, бывают разные браки – и хорошие, и плохие. То есть я хочу сказать, ты посмотри на собственных родителей. С первого взгляда видно, что они души не чают друг в друге и собственных детях. Я-то сам, в общем, не из трусливых. Признаюсь честно, я просто никогда не влюблялся так, чтобы мне захотелось провести с женщиной остаток своей жизни. Но уж если я все-таки женюсь, то это будет навсегда, до гробовой доски!

Пейдж задумчиво кивнула.

– Ну, а ты? – спросил Росс.

– Ты же видел мое семейство! – с улыбкой ответила она.
– У меня из-за них никогда не было ни минуты свободного времени!

В состоянии серьезной задумчивости Пейдж была очаровательна. Когда же она улыбалась, то при взгляде на нее просто захватывало дух. Росс даже немного рассердился на самого себя оттого, что возбуждался от одного только ее смеха.

– Что ты хочешь этим сказать?

Она провела обеими руками по волосам, отчего майка на ее груди соблазнительно натянулась. При виде такого великолепия Росс почувствовал, как во рту у него пересохло, а шорты вдруг стали очень тесными. А может, ему просто так показалось.

– Я первый юрист в нашей семье. – Он как будто издали слышал ее голос, заглушаемый током крови в ушах. – Вся

моя родня и слушать не желает, что как адвокат я занимаюсь только налогами. Для них я адвокат-на-все-руки-мастер. Как ты думаешь, сколько раз мне приходилось представлять в суде одну только тетушку Роуз?

Росс был уверен, что это лишь риторический вопрос. По крайней мере он надеялся на это. Потому что в это мгновение его мозг был полностью обескровлен. Эта жизненно необходимая субстанция, судя по всему, сконцентрировалась у него в паху.

Росс вскочил и принялся расхаживать по комнате.

– Что случилось? – встревоженно спросила Пейдж.

– Я думаю, что нам нужно заняться любовью, – ответил

Росс.

Пейдж удивленно посмотрела на своего соседа по больничной палате. Он что, серьезно это говорит? Неужто он так и сказал: «Нам нужно заняться любовью»? Ну и как она должна реагировать на его слова? Впрочем, Пейдж знала, как следует ответить – выразить негодование, или недоверие, или что-то еще в том же духе.

Однако ее тело оказалось явно не в ладу с разумом. В мысли о том, что с этим мужчиной можно заняться любовью, было немало привлекательного – гораздо больше, чем следовало бы. Главным образом по той причине, что ее тронул рассказ Росса о его родителях.

Этот человек избрал профессию юриста почти по благородной причине. А после того как стал прилично зарабаты-

вать, поспешил позаботиться о своей матери. Несмотря на неурядицы в семейной жизни родителей, пришедшиеся на его юность, он не воспринимал брак как оковы, клетку или наказание судьбы.

И дело вовсе не в том, что она увидела в нем возможного избранника. Просто ее никогда не привлекали мужчины, которые по каким-то своим, часто параноидальным соображениям не могли или не желали брать на себя обязательств.

Кстати, ее собственный брат Ник до известной степени из их числа. За что ему нет никаких оправданий.

– Ты меня слушаешь? – раздался голос Росса, вырвав Пейдж из состояния задумчивости.

– Что? – спросила она, чувствуя, как дрогнул ее голос. Росс вытянул вперед руки.

– Я ничего не знаю о тебе и из-за этого чувствую себя ужасно неудобно, мисс Харт.

– Так ты думаешь, это болезнь? – поинтересовалась она, намеренно затягивая время и уходя от ответа. Нет, у нее и в мыслях не было принять его безумное предложение, но все ее тело буквально исходило в ответном крике.

– Как знать? – ответил он. – Да и какая разница? Я хочу тебя. Судя по нашему поцелую, ты тоже ко мне равнодушна.

– Думаю, – сказала Пейдж, – нам следует немного поразмыслить, прежде чем мы сделаем то, в чем будем потом раскаиваться.

– Раскаиваться? В чем? Мы с тобой взрослые люди. Мы нравимся друг другу, то есть я хочу сказать, мы друг другу небезразличны. Почему бы нам не подчиниться взаимному влечению и не получить удовольствие?

Для нее сплошным удовольствием было уже просто смотреть на него. А целовать его – тем более. Интересно, а что она почувствует, если согласится заняться с ним сексом? Неужели ей не хочется узнать, как это будет на самом деле?

– О чем ты думаешь, Пейдж? – спросил Росс хрипловатым шепотом.

Она и сама не знала.

– А как насчет противозачаточных средств? – спросила Пейдж нерешительно, из-за чего даже слегка расстроилась. Похоже, она начинает, что называется, терять голову.

Луч надежды в дымчатых глазах Росса тут же исчез.

– Я как-то забыл об этом.

Пейдж ухватилась за этот повод как за последнюю нить благоразумия, способную удержать ее от необдуманного поступка.

– Нам ведь меньше всего хотелось бы совершить непоправимую ошибку, верно? – уточнила она.

Росс удрученно потер затылок.

– Конечно. Ты права.

Пейдж почувствовала, что немного разочарована тем, что Росс так легко сдался без боя. В конце концов, существуют и другие способы заниматься любовью, не обязательно при-

бегать к непосредственному половому акту. Неужели это не пришло ему в голову?

«Не упускай эту возможность, Пейдж!» Попробуй тут откажись, если она никак не может забыть тот сладостный поцелуй и одна только мысль о том, как его руки ласкают се тело, приводит в небывалое возбуждение. От этих мыслей у нее перехватило дыхание.

– Мне кажется... что... существуют и другие способы... то есть мы могли бы заняться и кое-чем другим... – услышала она слова, которые, как она с ужасом убедилась, оглядевшись по сторонам, предательски слетели именно с ее губ.

Росс наклонил голову и с лукавой улыбкой посмотрел на нее.

– Ты хочешь сказать, что мы можем просто ласкать друг друга, то есть заняться петтингом? – Он подошел ближе и прикоснулся к ее щеке, которая, как ей показалась, в следующее мгновение вспыхнула огнем. – Для меня это вроде игры в бейсбол. Не играл ни в то, ни в другое уже давно, пожалуй, со школьных лет. Если мне не изменяет память, это было приятное, хотя и комичное занятие.

Пейдж была готова сморозить очередную глупость, но в коридоре снова зажегся свет. Они с Россом одновременно издали стон недовольства.

Росс посмотрел на свои шорты.

– Боюсь, у меня не совсем подходящий вид, чтобы принимать посетителей.

Пейдж не смогла удержаться и удостоверилась в его затруднительном положении. А убедившись, была даже несколько шокирована тем, насколько велико его затруднительное положение. Неужели тому виной одно лишь упоминание о петтинге? При мысли о том, к каким последствиям может привести одно лишь ее прикосновение к нему, Пейдж испытала томительную истому внизу живота.

– Кто это там? – спросил Росс. – Еще какие-нибудь родственники? Если да, то я просто отгорожу свою кровать занавеской.

Пейдж заглянула ему через плечо. Нет, за стеклом стояли не члены ее многочисленного семейства или медперсонал. На этот раз посетительницей оказалась убийственной красоты жгучая брюнетка, которую Пейдж наверняка видела на снимке в каком-то журнале или настенном календаре. Незнакомка была одета с элегантно небрежностью, волосы собраны вверх и схвачены на макушке в бесхитростный хвостик. Она улыбалась и указывала на Росса явно с просьбой позвать его.

– Это к тебе! – сообщила Пейдж, изо всех сил пытаясь сдержать рвущееся наружу раздражение. Она была на сто процентов уверена в том, что эта брюнетка ни в коем случае ему не родственница.

Росс посмотрел через плечо, и его лицо расплылось в радостной улыбке. Однако тотчас снова обернулся к стеклу спиной и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Толь-

ко после этого он совершил поворот на сто восемьдесят градусов, подошел к стеклянной перегородке и щелкнул кнопкой интеркома.

– Привет, красавчик!

– Как дела, киска?

Брюнетка подняла высоко вверх корзину, вроде тех, что берут с собой на пикник.

– Я принесла тебе все, что ты просил!

– Спасибо, дорогая. Ты спасла мне жизнь!

– Я для тебя готова на все, дорогой! Медсестра сказала мне оставить все это здесь, в приемной.

– Отлично. Просто превосходно.

– Я бы с огромным удовольствием осталась здесь с тобой и составила бы тебе компанию, но у меня съемка в Бак-хеде. Жутко тороплюсь.

– Нет, нет, не беспокойся. Я тебе ужасно благодарен.

– Запомним это, – сказала женщина и в следующее мгновение, послав Россу воздушный поцелуй, грациозно упорхнула.

Желание, охватившее тело Пейдж всего пару минут назад, резко отхлынуло, как океанские волны во время отлива. На смену ему пришло чувство, которое, как ей показалось, способно было довести до смертоубийства.

– Так в каком месте наших занятий любовью ты собирался рассказать мне, что у тебя есть подружка? – спросила Пейдж

спустя пятнадцать минут после того, как медсестра внесла в палату принесенную брюнеткой корзину и ушла прочь.

Росс оторвал взгляд от аппетитного содержимого корзины.

– Что ты сказала?

Не нужно быть гением, чтобы понять, что приход неожиданной посетительницы вывел Пейдж из состояния равновесия. Причем еще как! Об этом недвусмысленно свидетельствовали и красные, как пожарная машина, щеки, и недобрый блеск в глазах. Когда она указала на стекло, ее рука слегка подрагивала.

– Вон та!

Росс выпрямился.

– Тина, что ли?

Пейдж скрестила на груди руки и топнула ногой.

– А что, она у тебя не единственная?

– Она не моя подружка. По крайней мере таковой больше не является.

– Вот как.

– Пет, я серьезно говорю, – сказал Росс, с некоторым удивлением отметив про себя, что ему очень хочется, чтобы Пейдж ему поверила. Он никогда и ни перед кем не оправдывался и не извинялся. Никогда. – Мы с ней когда-то пару раз встречались, только и всего. Она просто моя соседка.

– А с чего тогда вы так сюсюкаете – «красавчик», «киска»?!

Росс пожал плечами.

– Она фотомодель. Подозреваю, что все женщины этой профессии генетически запрограммированы на то, чтобы заигрывать с мужчинами, с любым мужчиной, можно сказать, с первым встречным.

Пейдж, похоже, на какой-то миг задумалась, давая Россу время поразмышлять о том, действительно ли она ревнует. Нет, принимая во внимание то, что она не слишком высокого мнения о нем – вернее, такого, что ниже не бывает, – то ни о какой ревности не может быть и речи.

И все же никакое другое объяснение не имело смысла. У нее совершенно не было оснований ревновать его к красоте Тине. Тину отличала небесная, ангельская красота, Пейдж же была воплощением красоты женской, земной.

Мысль об этом плюс соответствующая реакция его здорового мужского тела вывели Росса из состояния душевного равновесия. Наверняка сказывается заболевание, из-за которого их держат в больнице. Иначе почему он испытывает такие чувства, которые ранее были ему совершенно неведомы? Например, неожиданное стремление обзавестись большой семьей. Не говоря уже о неодолимой тяге к женщине, которая о нем отнюдь не самого высокого мнения.

Росс не удержался и съехидничал:

– А что случилось, мисс Харт, уж не ревнуете ли вы? Впрочем, конечно, ведь в данный момент я принадлежу исключительно вам. Так что позволяю делать со мной все, что

вам заблагорассудится.

Пейдж негодуяюще закатила глаза и скрестила на груди руки.

– Будь у меня право распоряжаться тобой – лететь тебе, Росс, сейчас на полной скорости куда-нибудь подальше!

Росс расхохотался. Ему действительно начинала нравиться ее язвительность. Хотя причины этого он никак не мог понять. Насколько он помнил, его никогда раньше не привлекали острые на язык женщины. Однако Пейдж он успел увидеть другой – испуганной и уязвимой. Но – кто бы мог подумать? – в боевом, задиристом настроении она нравилась ему даже больше. Раздражение Пейдж куда-то улетучилось, стоило ей потянуть носом воздух.

– Что это там такое в корзине? – поинтересовалась она. – Что бы ни было, но пахнет вкусно!

Росс подмигнул ей.

– Чистейшая амброзия!

– Правда? Ты поделишься, Росс? – Покопавшись в корзине, он извлек бутылку вина.

– Надеюсь, ты любишь каберне.

Пейдж парила высоко в небесах. Почти парила. Сидя на одеяле для пикника в красно-белую клетку, она изучала выставленную для пира снедь. Подруга Росса набила корзину до отказа. Здесь были только что сваренные клешни королевского краба, виноград, сыр и хрустящие французские батоны. Пейдж, конечно, следовало бы испытать презрение ко

всему этому изобилию. Особенно после того, как Росс решительно открестился от своей связи с этой... этой... женщиной. Однако чувство голода брало верх.

Росс поднял пластиковый стаканчик с вином.

– За свободу!

– Вот за свободу я точно выпью! – согласилась Пейдж. Действительно, это вынужденное заточение в больничных стенах уже начало сводить ее с ума. Как, впрочем, и Росс Беннет. Особенно когда он снова и снова прощал ей шпильки в его адрес. Будь он ну хотя бы чуточку мерзавцем, она бы не испытывала такого искушения.

– Замечательно, – сказала она, сделав глоток. – Все замечательно. Спасибо тебе.

– Не стоит благодарности, рад был доставить тебе удовольствие, – ответил Росс с легкой улыбкой.

Эта улыбка действительно доставила ей удовольствие. Или скорее всего несла в себе ее гибель. Пейдж оторвала взгляд от того, кто представлял для нее несомненную опасность, и принялась ковыряться в крабьей клешне, извлекая из нее нежное вкусное мясо. У нее слегка подрагивали ручки, поэтому эта несложная операция давалась ей с большим трудом. Заметив это, Росс взял обитателя морей у нее из рук. Пейдж ощутила прикосновение его теплых пальцев, и по ее телу пробежала дрожь.

Выватив у него крабью клешню, она отбросила ее в сторону.

– Кого мы с тобой пытаемся обмануть?! – воскликнула она и, схватив его за футболку, потянула на себя. Как ни странно, неожиданный пыл Пейдж ничуть не напугал Росса. Судя по тому, с какой яростью его губы прижались к ее губам, именно такого бурного всплеска чувств он от нее и ждал.

Они целовались так самозабвенно, как будто им осталась последняя минута жизни. Их поцелуй напоминал извержение вулкана. Они обнимали друг друга со страстью, еще больше распалывшей их ненасытный сексуальный голод. Руки Росса скользили по ее телу с той жадностью, с которой слепой стремится поскорее изучить алфавит Брайля. Любое его прикосновение отзывалось у Пейдж мучительно-сладкой болью в груди и внизу живота. Еще никогда за всю ее жизнь никто не хотел ее так страстно. Ни один мужчина. И того, кто сейчас сжимал ее в объятиях, она хотела так, что готова была кричать о своем неумном желании во весь голос. Положив руки ей на ягодицы, Росс крепко прижал Пейдж к себе, и она ощутила, как он возбужден. Росс поднял голову и, посмотрев ей прямо в глаза, прошептал:

– Я хочу тебя. До смерти хочу тебя.

О Господи, да ведь она тоже безумно хочет его! Она мечтала, чтобы его обнаженное тело так же крепко прижималось к ее нагому телу и чтобы эти драгоценные секунды счастья продолжались вечно.

Пейдж чувствовала, что ей не хватает дыхания. Его руки все так же скользили по ее телу, меняя ритм движения и си-

ду прикосновений. Ее голова приятно кружилась, а тело было готово петь от любви. Она уже смутно помнила, что существуют тысячи причин не делать того, что она делает, но в данный момент она была не способна припомнить хотя бы одну. Единственное, что Пейдж четко осознавала в эти минуты, – это безумное страстное желание слиться с ним, чтобы он проник в нее с такой силой, от которой можно умереть.

Поцелуй вдруг прекратился – так же неожиданно, как и начался. Росс застонал и выпрямился.

– О Боже, Пейдж, ты даже не знаешь, что делаешь со мной!

Пейдж также поднялась и на заплетающихся ногах попыталась сделать несколько шагов, но, покачнувшись, остановилась. Росс еле успел схватить ее за руки, чтобы не дать упасть. Или же для того, чтобы не потерять равновесие самому. Пейдж набрала полную грудь воздуха и задержала дыхание.

У Росса был такой вид, будто он, как и Пейдж, разочарован происшедшим. Губы крепко сжаты, на скуле подергивается мускул. В дымчатых глазах, – смешанное выражение похоти и сожаления.

– Что-то не так? – спросила Пейдж. Собственный голос показался ей каким-то чужим.

Росс прочистил горло и нервно сглотнул.

– Меньше чем через час сюда придут брать анализы.

– Что? Когда?

– Меньше чем через час, – повторил он, как будто сама эта фраза могла все объяснить.

Пейдж в отчаянии посмотрела на него, чувствуя, что се тело охватывает праведный гнев.

– Что же ты предлагаешь? Твои соображения?

– Мои соображения состоят в том, что времени у нас не остается, – ответил Росс, удивленно посмотрев на нее.

– Не остается времени? – переспросила она. – Разве часа мало?

– Послушайте, леди, когда мы с вами будем аниматься любовью в первый раз, это будет, черт побери, продолжаться бездну времени, гораздо дольше одного часа!

Пришел ее черед удивленно посмотреть на него. В том, что сказал Росс, прозвучало несколько раз кое-что такое, над чем следовало поразмыслить. Например, он сказал «когда», вместо того чтобы употребить слово «если», как будто их поцелуй обязательно предполагал, что за ним неизбежно следует нечто другое и что это всего лишь вопрос времени.

Ну а если говорить о продолжительности, то разве мыслимо заниматься любовью так долго? Вспоминая свой не слишком богатый любовный опыт, Пейдж не могла припомнить, чтобы занятие любовью продолжалось дольше десяти, ну, в крайнем случае пятнадцати минут.

Что можно придумать такого, чтобы оно могло значительно превысить эти границы? Да и как вообще можно остаться в живых, столь долго сохраняя любовный пыл и энергию?

Ей ужасно хотелось спросить об этом Росса. Но Пейдж боялась, вдруг он примет ее за наивную простушку, дожившую до такого возраста и не знающую самых простых вещей. Он-то наверняка знал, как все это делается. По мере того, как их лихорадочный жар понемногу пошел на убыль, Пейдж пришла к выводу, что варианты, которые она мысленно перебрала, были просто заурядным любопытством. А зуд, который испытывает все ее тело, просто побочный продукт этого любопытства.

Да, именно так.

Пейдж убрала упавшие на глаза волосы.

– А кроме того, – она попыталась как можно небрежнее пожать плечами, – у нас ведь нет противозачаточных средств.

– Для того чтобы заниматься тем, что я имею в виду, они нам не понадобятся.

Пейдж снова удивленно уставилась на него.

– В течение часа?

– Намного дольше, чем один час, – сказал Росс и подмигнул.

Воображение увлекло ее в такие недостижимые дали, что она не сразу поняла, что телефон звонит вот уже сколько-то там секунд. Фактически для этого понадобились улыбка Росса и взмах его руки перед ее лицом. Кроме того, второй рукой он указал на телефон на прикроватном столике. Пейдж помотала головой, пытаясь вытряхнуть из головы в изобилии

лии скопившиеся там к этому моменту эротические мысли, после чего приблизилась к телефону.

– Пейдж Харт у телефона!

Неразборчивая скороговорка на том конце провода прозвучала настолько невразумительно, что Пейдж не сразу узнала голос кузины.

– Ой, Жасмин, пожалуйста, помедленнее! Сделай глубокий вдох, а потом еще раз повтори то, что ты только что сказала.

Жасмин последовала ее совету и начала все сначала. Выслушав ее, Пейдж наконец поняла суть дела. Затем медленно приблизилась к Россу. Глаза ее зло сузились, превратившись в щелочки. О да, ей, конечно, следовало бы знать об этом! Какая же она дура!

Росс удивленно поднял брови и невольно развел руки в невинном жесте – мол, ничего не понимаю.

Когда Жасмин наконец завершила свой рассказ финальным «И что ты собираешься делать с этим?», Пейдж уже точно знала, что предпримет.

Повернувшись к Россу спиной, она произнесла:

– Не беспокойся, дорогая! Я обязательно этим займусь. Обещаю тебе. Успокойся и предоставь все мне.

После чего положила трубку и снова повернулась к негодяю, с которым ей пришлось оказаться в одной больничной палате. Ей было ужасно стыдно, что она проявила слабость и поддалась его коварным манипуляциям.

– Что случилось? – спросил Росс с прежним видом святого праведника.

– Ты самый настоящий ублюдок!

Глава 8

– Так все-таки что стряслось? – устало спросил Росс.

– Как будто ты не знаешь!

– Не имею ни малейшего представления, о чем ты! –

Пейдж дрожащей рукой показала на телефон.

– Звонила моя двоюродная сестра Жасмин!

– Я и сам догадался.

– Карл похитил у нее Дуддла.

– Что он сделал?

– То, что ты слышал. Он украл у нее собаку.

– Не может быть!

– Вот только не надо вести себя так, как будто ты этого не знал!

– Да я ни малейшего представления не имел!

– Неужели? – Боже, а она почти отдалась этому мерзкому слизняку! – Тогда кто надоумил его оставить записку, в которой говорилось, что собственность – это девять десятых закона?

Росс сглотнул застрявший в горле комок.

– Ну, я вполне мог упомянуть что-то в этом роде, но это ни в коем случае не касалось Дуддла.

– Твой Карл дорого за это заплатит!

– Ради Бога, успокойся, – сказал Росс, примирительно подняв руки. – Позволь, я поговорю с ним. Посмотрим, что

он там замышляет.

– Не знаю, что за мысли бродят в его голове, но если он не вернет Дуддла, то явно дождется гильотины.

Росс направился к своему телефону.

– Все будет нормально. Вот увидишь. Сейчас я все выясню.

Пейдж не сводила с него разгневанного взгляда, уперев кулачки в бедра.

Все-таки как это несправедливо – увлечься таким красавчиком негодяем, который оказывает юридические услуги человеку, превратившему жизнь ее двоюродной сестры в ад.

Между тем красавчик негодяй достал из ящика прикроватного столика телефонную книгу, полистал и нашел нужный номер. Набрав три цифры, он обернулся к Пейдж:

– Ты не обидишься, если я попрошу тебя отойти? – Пейдж смерила его испепеляющим взглядом и зашагала к ванной.

– Пейдж!

Она остановилась, но не обернулась к нему.

– Что?

– Скажи, мои шансы составить тебе приятную компанию сегодня ночью здорово упали, верно?

– У вас вообще не осталось ни единого шанса, мистер, – твердо произнесла Пейдж, не обращая внимания на то, что все ее существо противится ее же собственным словам.

– Даже если я попытаюсь загладить свою вину? – У нее

перехватило дыхание от такой наглости.

– Даже если ты попытаешься загладить свою вину! – смогла-таки отчеканить она.

– Обидно, черт побери, – еле слышно отозвался Росс. Сделав огромное усилие, Пейдж продолжила путь к ванной. В ее ушах эхом отозвались его последние слова.

Рейчел чувствовала, что устала до смерти. Направляясь к машине, стоявшей в подземном гараже больницы, она мечтала о том, как скоро погрузится в горячую ванну, а затем, прежде чем лечь спать, продолжит чтение детективного романа.

Два последних дня стали для нее сплошным кошмаром. Еще никогда в больницу не привозили столько пациентов с травмами. Хотя взрыв, слава Богу, обошелся без жертв, однако его результатом стали огромное количество переломов, сотрясений мозга и даже... вирусная инфекция.

Подумав об этом, Рейчел скорчила гримаску. Какой грех она совершила, что судьба уготовила ей новую, совершенно неожиданную встречу с Ником Хартом? Прошло уже целых пятнадцать лет, и можно было с абсолютной уверенностью считать, что он больше не властен над ее жизнью. Однако встреча, что состоялась буквально считанные часы назад, едва не лишила ее сознания.

Рейчел распахнула дверцу своего «лексуса». Прежде чем забраться в машину, она решительно распрямила плечи,

словно это могло помочь ей избавиться от ненужных чувств. Выбросить из головы мысли о неудачном романе с этим человеком. Не заниматься бессмысленными рассуждениями о том, что могло бы быть, если...

Ник сделал свой выбор уже давно, целую вечность назад. И она не собирается позволить ему внести туда поправки и изменения. Плохо, если его сейчас мучают угрызения совести. Хотя нет, хорошо, что он мучается. Поделом ему.

Рейчел завела машину и выехала из гаража, сосредоточившись на предстоящей встрече с горячей ванной и увлекательной книжкой.

Погрузившись в свои мысли, Рейчел лишь в последнее мгновение заметила одинокую фигуру, которая вынырнула откуда-то из тени и шагнула прямо на середину проезжей части дороги, перегородив ей путь. Неужели какой-нибудь сумасшедший?

Рейчел удивленно заморгала, не веря собственным глазам. Ник. Ник Харт. В его глазах застыло выражение непреклонной решимости, отчего ей стало не по себе. Сердце Рейчел бешено застучало. Не сводя глаз с Ника, она опустила стекло. Затем нагнула голову и крикнула:

– Дай мне проехать, Харт, и ступай своей дорогой!

– Я не сойду с места, пока ты не согласишься поговорить со мной, – ответил Ник, и его давно забытый голос самым непонятным образом пробудил в ней такие же давно забытые чувства.

– Я проеду по тебе, как по опавшему листу!

– Отлично. Давай. А затем ты перевяжешь мне раны.

– Черта с два!

– Вы что, забыли клятву Гиппократу, доктор Тернер?

– Хватит лицемерить!

– Если ты дашь мне десять минут, я все объясню. – Рейчел решила было снова завести мотор и отправиться в объезд Ника, но из опасения задеть его все-таки предпочла не рисковать. И вовсе не потому, что он не заслуживает наказания, даже такого жестокого. Просто нехорошо наносить увечья такому красивому мужскому телу.

Он был одет в обтягивающие джинсы и рубашку – ворот расстегнут, рукава закатаны до локтей. У него всегда была красивая фигура, подумала Рейчел. Широкие плечи и узкие бедра. В юности он был сильным, рослым и крепким, а за последние годы стал еще шире в плечах, отчего бедра по контрасту кажутся еще более узкими.

– Уходи с дороги, Ник! – сказала она, поймав себя на мысли о том, что ее голос предательски дрогнул.

– Не уйду, – негромко ответил он. Глаза сверкают, челюсти решительно сжаты. Рейчел узнала столь знакомое ей упрямое выражение лица. Ник Харт не привык уступать, никому никогда не давал спуска. Рейчел вспомнила, что именно его упрямство и привело к тому, что срочно потребовалось найти кого-то, кто помог бы ему по биологии. Перед всей учебной группой преподаватель биологии довольно

ехидно предложил Никю приобрести соответствующие знания где-нибудь в другом месте, сравнив его мозг с футбольным мячом, который он так и этак пинал на поле. Этого оказалось достаточно, чтобы Ник Харт окончательно и бесповоротно решил заново пройти учебный курс в стенах колледжа и сдать-таки экзамен. С упрямством фанатика-одиночки он выведал у однокурсников имя того, вернее той, кто мог бы поднатаскать его по столь трудному для него предмету. После чего обратился к ней за помощью.

Рейчел прекрасно знала, кто такой Ник Харт. Он был известен всему колледжу как лучший игрок студенческой сборной, подающий большие надежды. Сначала, когда этот красавчик спортсмен пришел к ней с просьбой позаниматься с ним биологией, это просто возмутило Рейчел, и она ему отказала. Вообще-то всего она отказала ему раз десять. Но Ник обращался к ней со своей просьбой снова и снова, и в конце концов она уступила.

Рейчел встряхнула головой. Упрямство Ника Харта ей хорошо было известно – с него станется! Он простоит здесь всю ночь и ни на шаг не сойдет с места.

– Пожалуйста; Рейчел! Давай выпьем по стаканчику! Я большего не прошу.

Несмотря на ощущение вековой усталости, Рейчел пришлось согласиться. Она тяжело вздохнула:

– Похоже, от тебя так просто не отделаться.

– Конечно, ты от меня не отделаешься, пока не выслуша-

ешь то, что я хочу тебе сказать.

– Тогда залезай в машину.

Ник недоверчиво замер, превратившись в подобие красивой античной статуи.

– Ты в самом деле согласна выслушать меня?

– Даю тебе пять секунд, чтобы сесть в машину, иначе я тебя задавлю!

Ему понадобилось не более двух секунд. Он открыл дверцу и моментально очутился на сиденье.

– Теперь я вижу – передо мной снова прежняя Рейчел Тернер! – заявил Ник, пристегиваясь ремнем безопасности.

– Ты просто поймал меня в самый неподходящий момент! – отозвалась Рейчел. – Я настолько устала, что у меня нет сил с тобой спорить. Куда едем?

– К тебе домой?

– Абсолютно исключено!

– Тогда ко мне?

– Тем более.

– Может быть, в «Лисицу и гончую»?

– Ты угощаешь.

– А как же иначе?

* * *

Все, с него довольно! Росс устал до смерти. Вернее, не устал, а просто бурлил энергией и желанием. Ему срочно на-

до хоть как-то отвлечься от этой женщины, что сейчас сидит в десятке футов от него и буквально излучает враждебность, безразличие и сексуальность.

На ней были шорты, выставлявшие напоказ ее длинные красивые ноги. И в каком бы положении они ни находились, они вызывали у Росса прилив такого невыносимого желания, что у него в любую секунду готовы были потечь изо рта голодные слюнки. Ее нынешнее отношение к нему по идее должно было бы отбить у него всякий сексуальный аппетит, но этого не произошло. Аппетит разгорался с каждой минутой. Тем более что се неприязнь вызвана исключительно желанием защитить собственную семью от всяческих неприятностей.

Понять этого он не мог, но ему очень хотелось бы. Ему ужасно хотелось знать, каково это – иметь близких родственников, которых ты спасаешь и защищаешь любой ценой. Нет, когда-то он спас мать, точнее, выручил ее из трудных обстоятельств, но пару месяцев спустя та счастливо сочеталась браком с мужчиной, который недвусмысленно дал понять, что Росс в их личной жизни лишний.

Вот в чем дело. Он чувствовал, что никому не нужен, за исключением, пожалуй, Сэм, которая явно его любит. Особенно когда Росс открывает ей жестянки с кошачьим кормом. Однако несмотря на любовь Росса к своей кошке, Сэм все-таки не была членом его семьи. Она, скорее, была кем-то вроде домохозяйки. И от Росса ей не было нужно ничего,

кроме еды и его груди, на которой она любила засыпать.

Ну почему в его жизни нет человека, ради которого он был бы готов пойти на любые жертвы, – и какая разница, прав тот человек или заблуждается? Как, например, двоюродная сестра Пейдж Жасмин. Ее муж Карл Пейтон в душе был не таким уж плохим парнем. Он не был против, чтобы Жасмин вела тот образ жизни, к которому привыкла. Карл вполне мог позволить себе быть щедрым.

Но Росс ни на единое мгновение не поверил бы в то, что Жасмин сражается за право получить опеку над пудельком Дуддлом из соображений иных, нежели заурядная вредность. Карл рассказывал ему, как отреагировала дражайшая супруга, когда он подарил ей собаку, – Жасмин тогда заявила, что если не украсить милашку Дуддла ошейником, инкрустированным огромными бриллиантами, то подарок теряет для нее всякую ценность.

Однако после того, как Жасмин изъявила желание заполучить себе при разводе собаку, Пейдж вознамерилась биться до последней капли крови, чтобы отстоять желание кузины. Ведь Жасмин – ее близкая родственница, а ради блага родственников Пейдж была готова на все. Хотя Росс знал Пейдж не слишком давно, он тем не менее успел проникнуться уважением к ее преданности членам своей семьи. Весьма похвальная черта характера.

– Жасмин по-прежнему недовольна достигнутой договоренностью, – произнесла Пейдж, как будто читая его мысли.

Росс вздохнул.

– Он согласился передать собаку при нашей следующей общей встрече. Чего ей еще нужно?

– Она вбила себе в голову, что Карл будет кормить Дуддла стейками, чем окончательно испортит его, и пес не захочет вернуться к ней.

– Жасмин – женщина подозрительная, верно? – Пейдж собралась что-то ответить, но потом, видимо, передумала и улыбнулась:

– Немного. Думаю, что это у нас наследственное.

Росса удивила ее неожиданная улыбка, и в нем с пугающей скоростью снова пробудились гормоны. Его уже стали одолевать опасения – глядишь, скоро одной ее улыбки будет достаточно, чтобы вызвать у него нескончаемую эрекцию. Если так будет продолжаться и дальше, то его ждет несколько тяжелых, мучительных дней неудовлетворенного сексуального голода.

Росс с усилием отвел от нее глаза в надежде сосредоточиться на чем-то другом и хоть как-то отвлечься от похотливых мыслей. Взгляд его остановился на телевизоре.

– Ты не будешь против, если я его ненадолго включу? – Пейдж отложила в сторону папку с бумагами и ответила:

– Неплохая идея. Телевизор поможет немного отвлечься.

– От чего?

– Что ты сказал?

– От чего тебе хотелось бы отвлечься?

Пейдж сделала неопределенный жест, избегая при этом смотреть на Росса.

– От работы. Верно?

Россу было понятно, что она хотела сказать что-то совершенно другое.

– А ты уверена, что тебе не надо отвлечься от кое-каких грязных мыслей в мой адрес?

– Ради Бога, прекрати!

– Что прекратить? – расплылся в улыбке Росс.

– Прекрати тешить свой эгоизм.

– Да ведь я не эгоист! – запротестовал он.

– Ну, может быть, и не совсем, – покладисто согласилась она. И насмешливо хмыкнула – на этот раз еще громче.

– Если я признался в том, что мне известно, с какой неприязнью ты ко мне относишься, это еще не означает, что я эгоист. Я просто откровенен с тобой.

– Я вовсе не... – начала было Пейдж, но осеклась. Затем, покачав головой, продолжила: – Что ж, может быть, я действительно немного преувеличиваю. Но я не собираюсь перед тобой расшаркиваться. Ты самый настоящий змей и представляешь дела мужа, уже почти что бывшего, моей двоюродной сестры. Таким образом, какой-либо интимный контакт с тобой был бы с моей стороны огромной глупостью. Так что можешь включать свой дурацкий ящик!

Росс повернулся к дурацкому ящику.

– Что желаете посмотреть, леди?

– Что-нибудь смешное.

Росс пощелкал пультом и, перебрав несколько каналов, отыскал комедию «Сейнфепд».

– Не возражаешь?

– Не возражаю, – ответила Пейдж и, взбив поудобнее подушку, села на кровать.

Росс неплохо помнил этот фильм, и сейчас, учитывая сложившиеся обстоятельства, он показался ему довольно забавным. Росс сделал вид, что ему чрезвычайно интересно смотреть телевизор, однако краем глаза продолжал наблюдать за реакцией Пейдж в тех эпизодах, темой которых был секс, вернее, отсутствие такового.

– Может, все-таки посмотрим что-нибудь другое? – вскоре предложила она. В ее голосе одновременно звучали оттенки отчаяния и мольбы.

– Зачем же? Разве тебе не нравится фильм? – спросил Росс, невинно подняв брови.

– Просто переключи на другой канал. Может, там будет что-нибудь поинтереснее.

Росс пожал плечами и, еле сдерживая улыбку, послушно выполнил ее просьбу. Пощелкав пультом, наткнулся на сериал «Друзья». Показывали эпизод, в котором Моника и Чандлер никак не могут разомкнуть объятия. Росс подумал, что сегодня весь мир, видимо, на его стороне.

Пейдж выдержала не более пяти минут.

– Посмотрим что-нибудь другое? – спросила она. Тем вре-

менем на экране Фрейзер обнимал в постели красотку супермодель.

– Другой канал! – приказным тоном заявила Пейдж. Еще один щелчок пультом, и на экране возникли эпизоды «Мелроуз-Плейс».

– Этот сериал уже целую вечность не показывали! – пожаловалась Пейдж.

– Верно. Чудеса творятся на кабельном телевидении.

– Неужели сейчас нет по программе никаких спортивных соревнований или чего-нибудь в этом роде? – спросила она.

Росс еще немного пробежался по пульту дистанционного управления.

– Вот! – радостно вскрикнула Пейдж, увидев нечто вроде «Кулинарного поединка». Впрочем, и в этой телепередаче, причем в весьма игривых выражениях, пересказывался рецепт приготовления куриных грудок под-пикантным соусом.

На этот раз ей даже не пришлось просить его переключить на другой канал. Росса и самого уже порядком утомило это скакание по телепрограммам. Телевизор оказался совершенно неудовлетворительным средством отвлечения от плотских проблем.

– Куда это пропадают «Три бездельника», когда случайно захочешь их посмотреть? – пробормотала Пейдж.

– А мне казалось, ты терпеть не можешь этот сериал.

– Верно.

– Ясно, – ограничился этим коротким словом Росс. При-

ятно, черт побери, узнать, что она, оказывается, страдает не меньше его. И чем дольше продлятся ее страдания, тем скорее она забудет причины своей неприязни к нему. Эх, вот если бы телевидение помогло пробудить в ней вспышку страсти и она сама бросилась бы ему на шею! А он, как истинный джентльмен, конечно, не отказал бы ей.

К несчастью для Росса, от Пейдж не укрылась улыбка, скользнувшая по его губам как раз в тот момент, когда он обдумывал возможность развития их отношений в этом направлении.

– Чему ты улыбаешься? – с подозрением в голосе спросила она.

– Э... э... я просто вспомнил один забавный случай «Трех бездельников». Мой любимый.

Глаза Пейдж – а она, надо сказать, продолжала при стально разглядывать его губы – сузились.

– Нет. Меня не проведешь. Когда вспоминают такие штуки, то улыбаются совсем по-другому.

– Разве?

– Точно!

– Что же это за улыбка такая? – полюбопытствовал Росс.

– Улыбка кота, который облизывается на канарейку!

– Ах так.

Пейдж скрестила руки на груди.

– Но почему у меня такое ощущение, будто я – эта самая канарейка?

Росс покачал головой:

– Нет, нет и еще раз нет. Если бы я покушался на тебя, а я этого точно не делаю, – то наверняка не причинил бы тебе никакого вреда.

– Да? А что бы ты сделал? – спросила Пейдж. Хотя она и продолжала хмуриться, взгляд ее немного потеплел. Заметив это, Росс тотчас же посчитал изменение ее настроения своей большой победой.

– Я бы заставил тебя стонать от наслаждения. – Пейдж тут же издала стон, в котором, правда, от наслаждения ровным счетом ничего не было.

– Я скоро с ума сойду от тебя и твоих шуточек. Переключи лучше на «И-эс-пи-эн».

Все-таки сегодня действительно весь мир на его стороне. По «И-эс-пи-эн» транслировали матч по бейсболу.

– Бейсбол, – улыбаясь, произнес он. Пейдж облегченно вздохнула.

– Отлично. Как раз будет над чем поскучать!

– Скажите-ка мне, орлица юриспруденции, когда вы впервые попали на вторую базу?

Глава 9

– Спасибо тебе, что согласилась поговорить со мной, – сказал Ник после того, как им подали бокалы с коктейлями. Он оглядел Рейчел с головы до ног, жадно впитывая всю ее до последней черточки, подобно тому, как кактус жадно впитывает влагу во время дождя. На ней была зеленая хлопковая рубашка-поло, удивительно гармонично оттенявшая ее огромные серые глаза. Без очков ее глаза он видел в последний раз в ту самую ночь, которую они провели вместе, но с тех пор забыл, насколько они красивы.

– Как я тебе уже сказала, я очень устала и у меня нет сил спорить с тобой, – ответила Рейчел и выжала ломтик лайма в бокал с коктейлем. Она остановила свой выбор на водке с тоником.

Повнимательнее присмотревшись, Ник заметил темные круги у нее под глазами.

– Я не задержу тебя надолго. По крайней мере сегодня. – Рейчел поперхнулась, услышав его слова. Затем быстро-быстро заморгала.

– Сегодня мы встречаемся в последний раз.

Вот уж нет, подумал Ник, но озвучивать свою мысль не стал. Судьбе было угодно снова устроить им встречу, и теперь он ни за что не упустит свой шанс. Нет, он не позволит Рейчел снова уйти из его жизни.

В давнюю пору их знакомства, во время учебы в колледже, он был молод и самоуверен, но даже тогда понимал, насколько она небезразлична ему. При всей своей тогдашней юношеской самовлюбленности и легкомыслии он пережил острую боль, когда в один прекрасный день она исчезла не только из колледжа, но и из его жизни.

Увлечение спортом не оставляло ему времени благодарить судьбу за знакомство с Рейчел, однако он никогда не забывал о ней. И пусть она не была самой сексуальной женщиной из всех, что повстречались ему на жизненном пути, все равно та единственная ночь, которую они провели вместе, показалась ему божественно неповторимой, не похожей ни на что изведенное им прежде. Он решил обязательно вернуться в колледж, вернуться к ней потому что понимал, что не может без нее жить.

Но она неожиданно исчезла...

Боже, как же все-таки она изменилась и повзрослела? В колледже он был без ума от Рейчел. Сейчас же гамма чувств, которые Ник испытывал к ней, стала несколько иной. И дело было даже не в том, что она изменилась физически или добилась успехов на профессиональном поприще, а в том, что стала зрелой, уверенной в себе, самостоятельной, умной красивой женщиной. Если бы при этом Рейчел удалось сохранить нежность и трогательность юности, перед ней наверняка не смог бы устоять ни один мужчина.

– Ты действительно была на военной службе? – спросил

он.

– Сейчас я в отставке. А вообще отслужила в ВВС четыре года.

– Почему?

– А почему бы и нет? – парировала она.

– Ты же прекрасно училась в колледже. Зачем тебе понадобилось идти в армию?

Рейчел пожала плечами, ничего не ответив.

– Пожалуйста, скажи мне, что не я был причиной твоего отъезда.

Рейчел отставила бокал в сторону и улыбнулась.

– Тебе не кажется, что мы придаем этому слишком большое значение?

– Рейчел...

Она подалась вперед.

– Мой отъезд абсолютно не имел к тебе никакого отношения.

Ник не знал, что ему делать – оскорбиться или, наоборот, обрадоваться.

– Ну... хорошо...

– Хотя ты мог по крайней мерс проявить любезность и поблагодарить меня после того, как сдал экзамен.

– Мне очень жаль. Извини. Думаю, тебе было бы приятно узнать, что я сдал его на «отлично».

– Что ж, я в восторге, – съязвила Рейчел.

Ник подумал, что не имеет морального права обижаться

на нее за то, что она равнодушна к его успеху пятнадцатилетней давности. В ту пору ей очень хотелось помочь ему, она так радовалась, когда видела, что он понимает и запоминает ее объяснения. Так что, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, ожидать бурных восторгов с ее стороны было явно неуместным.

– Могу ли я предположить, что та ночь была своего рода проявлением твоей признательности? – спросила Рейчел. Ее голос прозвучал слегка хрипловато и еще ниже обычного. – Бедная, наивная Рейчел Тернер! Ей следовало быть по гроб жизни благодарной самому крутому парню в колледже за то, что он великодушно приобщил ее к таинствам секса.

– Нет, Рейчел, все было совсем не так, как ты говоришь!

Но она оставила его протест без внимания. Ее лицо заметно порозовело.

– Ну и как, ты отлично повеселился с друзьями, рассказывая им, как ты отблагодарил глупышку студентку за помощь при подготовке к экзамену?

– Нет, черт побери, я же говорю тебе, что все было не так!

– А как же тогда все было, Ник? Какое оправдание ты приготовил для нашей сегодняшней встречи?

– Я... у меня тогда... – Он заколебался, опасаясь вызвать неудовольствие Рейчел. – У меня возникли семейные проблемы.

Услышав его слова, Рейчел только рассмеялась. Ее смех, чуточку хрипловатый, мог бы показаться ему вполне сексу-

альным, если бы не был наполнен некрен ним недоверием.

– Не слишком-то у тебя богатая фантазия?

– Клянусь могилой родной бабушки! – торжественно поднял руку Ник. – Это правда.

– Семейная проблема, причем сразу после последнего экзамена. – Слова Рейчел прозвучали не как вопрос, а как спокойная констатация факта.

– Вообще-то проблема возникла немного раньше, но мои родители не захотели отвлекать меня от занятий, так что я обо всем узнал в день экзамена. Я тут же собрал вещи и уехал. Понимаю, с моей стороны было нечестно не найти времени, чтобы позвонить тебе, но в ту минуту я не мог думать ни о ком другом, кроме моей сестры Пейдж.

Лицо Рейчел приняло серьезное выражение.

– Так это было связано с твоей сестрой Пейдж?

– Да, – коротко ответил Ник, надеясь, что она не станет выведывать у него подробности той давней истории. Это была довольно драматическая страница в жизни его сестры, и Ник понимал, что она будет недовольна, если он кому-нибудь расскажет об этом.

– А ты не усматриваешь в этом некую иронию судьбы? – спросила Рейчел, отпив маленький глоток из бокала. Заметив, как она высунула язык, чтобы слизнуть капельку влаги с нижней губы, Ник тотчас ощутил, что отреагировал на это гораздо сильнее, чем следовало бы.

– Иронию судьбы? – с некоторым опозданием ответил он

вопросом на вопрос.

– Ты же сам сказал, что Пейдж стала причиной твоего поспешного отъезда. И та же Пейдж явилась причиной твоего возвращения.

– Верно, – сказал Ник и улыбнулся своей самой обольстительной улыбкой. – Напомни мне, чтобы я позже обнял ее и поблагодарил за это.

Рейчел решительным жестом поставила бокал на стол.

– В этом нет никакой необходимости. Потому что сейчас мы с тобой навсегда расстанемся! – С этими словами она встала.

– Но ты не допила свой коктейль! – не нашелся сказать ничего более умного Ник.

– С меня достаточно. И коктейля, и тебя. – Сказав это, Рейчел перекинула сумочку через плечо и направилась к выходу.

Ник вскочил на ноги. Положив на стол деньги рядом со своим нетронутым бокалом, он поспешил вслед за Рейчел. Он догнал ее у самого выхода. Открыв перед ней дверь, Ник спросил:

– Ты действительно стала такой беспощадной? Значит, мне нет прощения?

– Да. Именно.

Он схватил ее за руку.

– Но почему, Рейчел? – уже более спокойным тоном спросил он. – Что с тобой произошло? Та девушка, которую я

знал в колледже, была самым добрым, всепрощающим созданием из всех, кого я когда-либо знал!

– Я с тех пор сильно повзрослела!

– Но тогда между нами все-таки что-то было! Может быть, нам удастся вернуть прошлое?

Рейчел тяжелым взглядом посмотрела на его руку, высвободила свою, затем снова посмотрела ему в глаза.

– А почему ты думаешь, что мне захочется его вернуть?

– Ты бы сейчас не злилась на меня, если бы я тогда не обидел тебя, – с горечью произнес он.

Рейчел замолчала, и Ник, к своему ужасу, увидел, что ее глаза полны слез.

– Все это давно в прошлом, Ник.

Он притянул ее к себе и обнял. Она напряглась, но отстраняться не стала.

– Пожалуйста, прости меня. Пожалуйста, – прошептал он. – Я сделаю все, что ты захочешь. Я отвезу тебя куда угодно, куда ты только скажешь. Только не делай так, чтобы шанс, который нам подарила судьба, остался неиспользованным. Это ведь шанс для нас с тобой – стать частью жизни друг друга.

– Так ты не собираешься от него отказываться, верно? – спросила она и слегка отстранилась, чтобы посмотреть на него. Ее глаза блестели от слез.

– Ты же меня знаешь! – с улыбкой ответил Ник.

– К несчастью – знаю!

– Ну пожалуйста, Рейчел!

Она замолчала и ничего не отвечала ему довольно долго – с полминуты.

– Я такая неудачница, – наконец произнесла она. От ощущения того, что перед ним наконец сверкнул луч надежды, у Ника на долю секунды перехватило дыхание.

– Позволь мне сделать все, что ты только захочешь, – повторил он – правда, на сей раз еле слышно.

Снова наступила пауза.

– Как? – прошептала Рейчел.

– Давай куда-нибудь сходим вместе, – ответил Ник и провел кончиком пальца по ее щеке. – Пожалуйста.

– Это действительно безрассудная идея.

– Вовсе нет. Обещаю угостить тебя ужином и постараюсь сделать все, чтобы ты приятно провела вечер. Что ты теряешь от моего предложения?

– Многое.

– Лишь один вечер твоей жизни. Подари его мне. – Рейчел в притворном ужасе закатила глаза.

– Ну хорошо. Согласна.

– В самом деле?

– Но только один раз. Только один вечер.

– На большее я и не смею рассчитывать! Пока что.

– А после этого ты оставишь меня в покое. – *Низачто, чертпобери!*

– Если ты этого захочешь.

– В пятницу вечером.

Он бы предпочел встретиться завтра, но был рад и этому.

– Отлично. Значит, до пятницы.

На следующее утро Пейдж была готова грызть от досады ногти. Бейсбольный матч по телевизору вчера вечером ни в коей мере не помог ей отвлечься от терзающих ее мыслей. Особенно если принять во внимание, что Росс постоянно пытался вовлечь ее в разговор о том, как в бейсболе перебегают от одной базы к другой. Они ведь не на стадионе! Когда она отказалась отвечать ему, Росс пустился в воспоминания о том, как и где он играл в бейсбол и как ему удавалось обставлять своих соперников.

Пейдж открыла книгу и сделала вид, что не обращает внимания на его рассказы, но ей никак не удавалось выбросить из головы картину того, как Росс страстно обнимает Салли Джин Риппен на заднем сиденье «шевроле», стоящего перед придорожным кинотеатром, в котором показывают «Звездные войны». Поскольку братья всегда присматривали за ней зорко, как ястребы, ей практически так и не удалось насладиться подростковыми радостями подобного рода. Однако у нее возникло подозрение, что если бы она была знакома с Россом Беннетом в средней школе, то отдала бы все на свете, чтобы узнать, что это такое – обниматься с ним на заднем сиденье автомобиля.

Она была уверена – даже больше, чем следовало бы, –

что Росса скорее привлекли бы физические формы Салли Джин, нежели формы Принцессы Лейи. В конце концов, разве «Звездные войны» не были самым любимым фильмом молодых парней?

Прошлой ночью ей не удалось поспать и десяти минут. Сначала Росс мучил ее бесконечными разговорами о сексе, но затем наконец сдался, пожелал ей спокойной ночи и немедленно уснул. Вот индюк!

После того, как к ним в палату заходили и просто заглядывали медсестры, и после довольно паршивого завтрака Пейдж попыталась заняться неотложными проблемами родственников – своего рода пожаротушением очагов возгорания повышенной сложности. Однако ничего толкового у нее из этого не получилось. Осознание того, что в опасной близости от нее находится мужчина, заставляющий кипеть кровь у нее в жилах, буквально сводило ее с ума.

Росс же снова нарядился в спортивные шорты. Правда, на сей раз в красные. А белая спортивная рубашка была расстегнута не только в вороте, как раньше, но и не застегнута вообще. Пейдж хотелось прикрикнуть на него и потребовать, чтобы он застегнулся, но она побоялась, что Россу придет в голову извращенная мысль, будто ей приятно разглядывать его обнаженную грудь. Что совершенно не соответствует действительности. Хотя вообще-то соответствует – грудь у него мускулистая, литая, – но она скорее согласится съесть пригоршню дождевых червей, чем признается в этом.

Чтобы Росс не слишком-то задавался, она натянула на себя нарочито небрежно обрезанные джинсовые шортики – может быть, чуточку коротковатые и откровенные, – а также топик, правда, не в обтяжку, но довольно узкий, выгодно подчеркивавший ее стройную фигурку. Росс едва не подавился, когда она в таком виде появилась из дверей ванной. Пейдж испытала чувство глубочайшего удовлетворения, хотя и сделала вид, будто не заметила его растерянности.

Сам Росс большую часть утра провел у телефона. Но каждый раз, устремляя на нее взгляд, он совершенно неприлично подмигивал ей, улыбаясь своей до неприличия обаятельной улыбкой, что неизменно вызывало у нее готовность в любую секунду растерзать его на мелкие клочки. Немного успокоившись, Пейдж решила отплатить ему той же монетой. Она извлекла на свет божий лак для ногтей и принялась наводить красоту на пальцах ног. Она испытала неопишуемое удовольствие, когда Росс неожиданно оборвал телефонный разговор на полуслове и не сразу смог продолжить беседу со своим невидимым собеседником. Когда же он явно скомкал конец разговора, пообещав перезвонить попозже, Пейдж почувствовала себя еще лучше. Росс еще раз посмотрел на ее ноги.

– Послушайте, леди, вы играете с огнем!

Пейдж удивленно подняла брови и невинно спросила:

– Прости, о чем ты?

– Если ты не хочешь пробудить во мне голодного сексу-

ального хищника, то лучше прекрати это – прямо сейчас!
Иначе я за себя не отвечаю!

Пейдж вытянула ногу и, хорошенько рассмотрев ее, осталась довольна увиденным.

– А ты, случайно, не фетишист, который возбуждается от одного вида пальцев на ногах женщины?

– Раньше ничего такого за собой не замечал, но сегодня, похоже, сделался фетишистом. – Росс шумно вдохнул и выдохнул. – А как называется такой оттенок лака?

– Фламинго.

– Фламинго, – повторил он, не сводя глаз с ее ног. – Готов спорить на что угодно – он ведь светится в темноте, верно?

– Точно. Светится.

– Ты и на пальцах рук так же красишь ногти?

– Иногда.

– Круто. Это нас с тобой здорово позабавит! – Пейдж довольной улыбнулась:

– Пожалуйста, прояви немного сдержанности.

– Тебе нравится сдержанность? Что ж, могу проявить и сдержанность.

Ее внутренняя улыбка улетучилась. И к несчастью, не от отвращения. И не потому, что ей было бы трудно сдержаться. Скорее наоборот, ей следовало бы разозлиться гораздо сильнее, чем у нее получилось.

Помимо всего прочего, ей снова удалось поменяться с ним ролями. Он, конечно же, змей, и притом хитрющий. Вот

было бы здорово раззадорить его, доставить ему несколько неприятных минут, но вместо этого Пейдж почему-то охватила тревога. Ей даже показалось, что ногти, которые она красила, начали заливаться краской смущения – как и лицо. Она быстро закончила красить ногти второй ноги, торопливо закрыла флакон с лаком и поспешно запихнула его обратно в чемодан.

Желая поскорее высушить лак, Пейдж принялась лихорадочно махать руками над пальцами ног, по-прежнему избегая встречаться взглядом с Россом. Она точно знала, что он обязательно одарит ее своей суперинтимной улыбкой, которую можно перевести на нормальный язык следующей фразой: «Я воображаю тебя полностью обнаженной».

Когда в помещении за стеклянной перегородкой вспыхнул свет и перед ними предстало улыбающееся лицо доктора Рейчел Тернер, у Пейдж, что называется, отлегло от сердца. Хотя ей до смерти надоело без конца сдавать анализы, сейчас она была рада появлению человека в медицинском халате.

Щелкнул включатель интеркома.

– Доброе утро всем!

– Доброе утро! – в унисон откликнулись пациенты. Доктор Тернер принялась надевать на себя противобактериологический костюм, к которому Пейдж успела привыкнуть и даже испытывала к нему нечто вроде благодарности. Она точно знала, что не хотела бы стать виновницей распро-

странения этого жуткого инфекционного заболевания: никто ведь не обязан страдать, как она, изнемогая от влечения к тому, кого вовсе не собирался любить.

Обуреваемая подобными мыслями, Пейдж все же понимала, что обманывает саму себя. Есть все-таки в Россе Беннете что-то притягательное. Но от этого Пейдж все равно не чувствовала себя счастливой.

Доктор Тернер закончила переодеваться и натянула на руки резиновые перчатки. Затем взяла что-то со столика и вошла в палату. Пейдж увидела, что в руках у нее блокнот на дощечке с зажимами, который Рейчел сразу передала Россу.

– Ваша секретарша просила передать вам его. – Росс удовлетворенно кивнул.

– Спасибо, это как раз то, что мне нужно, – сказал он и положил блокнот на кровать. – Что нового, доктор?

– Из ЦКИЗа поступил результат анализа крови. Спешу обрадовать вас – никаких признаков заболевания у вас обоих не обнаружено.

Вопреки сказанному ожидаемого облегчения Пейдж не испытала. Больше того, она просто не поверила словам доктора. Реакции ее организма недвусмысленно свидетельствовали в пользу того, что коварный вирус все-таки проник ей в кровь. И за последние сутки ровным счетом ничего не изменилось.

Пейдж посмотрела на Росса, ожидая увидеть на его лице такое же недоверие. Но этот индюк, перехватив ее взгляд,

лишь широко улыбнулся ей.

– Разве это не прекрасная новость?

Пейдж недовольно фыркнула, однако быстро взяла себя в руки.

– Ну конечно, это прекрасно. Хотя и удивительно, судя по тому, что я вообще никаких симптомов не испытываю.

Росс разразился жизнерадостным смехом.

– У вас, советник по юридическим вопросам, за время пребывания в больнице сильно вырос нос. Слава Богу, что тебе не нужно принимать присягу. – Отсмеявшись, он повернулся к врачу: – Доктор, к вам огромная просьба. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы отменили ночные анализы. Прерванный сон, ей-богу, не пойдет на пользу нашему здоровью.

На лице его было написано вполне невинное выражение, которое тем не менее не могло ввести Пейдж в заблуждение. Этот змей всегда найдет способ закамуфлировать свои коварные планы.

– А меня, например, это совершенно не беспокоит, – сказала она и скрестила на груди руки.

– Ну, не знаю, прошлой ночью ты говорила совсем другое.

– Я отдам распоряжение не брать анализы в ночное время, – сказала Рейчел. – Два раза – в полдень и перед сном.

– Вы волшебница, доктор. Лучшая из лучших докторов!

Пейдж возмущенно закатила глаза.

Рейчел внимательно посмотрела на пациентов.

– Мне нужно измерить давление. Кто первый?

– Уступаю очередь представительнице прекрасной половины человечества, – усмехнулся Росс. В его интонации читалось явное ехидство, но Пейдж осталась невозмутимой. Одарив его ослепительно фальшивой улыбкой, она направилась на свою половину палаты. Доктор Тернер последовала за ней и задернула за собой занавес.

Пейдж уже усвоила процедуру измерения кровяного давления. Она села на кровать и протянула доктору руку. Рейчел натянула на нее манжету миниатюрного измерительного прибора.

– Скажите серьезно, Пейдж, как вы себя чувствуете? – спросила Рейчел, понизив голос.

– Прекрасно, – ответила Пейдж. Действительно, она нормально себя чувствовала – горло у нее не болит, насморка или кашля тоже нет. Просто гормоны не на шутку разбушевались, а так ничего серьезного.

Рейчел понимающе кивнула, накачивая манжету.

– Вашему брату будет приятно узнать об этом.

– Как он себя вел? Вы на него не обиделись? Он иногда бывает ужасным занудой.

– Мне кажется, что он был серьезно озабочен вашим здоровьем, но в основном вел себя вполне нормально.

– Приятно слышать.

Посмотрев на показания прибора, Рейчел сделала какую-то отметку в блокноте.

– Давление по-прежнему чуть выше нормы.

– И у вас бы повысилось давление, окажись вы, как и я, в обществе такого несносного типа, как Беннет.

Доктор Рейчел Тернер рассмеялась:

– О таких типах я знаю все.

– И мой брат тоже относится к их числу? – Серые глаза Рейчел сузились.

– Что он вам рассказывал?

– Да просто что была когда-то одна история. – Доктор Тернер вздохнула.

– Мы какое-то время учились вместе в колледже.

– В самом деле? Вы учились в Технологическом?

– Недолго.

– И я тоже. Правда, после первого курса перевелась отсюда, – сказала Пейдж, изо всех сил стараясь скрыть горечь воспоминаний о том злосчастном времени.

– Это был тот самый год, когда Ник оставил Технологический? – спросила Рейчел.

– Да.

– В тот год мы с ним потеряли друг друга. Он исчез куда-то сразу после выпускных экзаменов, а когда вернулся, меня там уже не было.

– Так он исчез тогда?

– Исчез.

– Сразу после выпускных экзаменов?

– Точно.

Рейчел замолчала и направилась к выходу. Пейдж удерживала

жала ее, взяв за руку.

– Он когда-нибудь рассказывал вам, почему так неожиданно исчез? – спросила она, предчувствуя, каким будет ответ Рейчел.

– Он пытался что-то объяснить.

Ответ оказался не совсем таким, каким его ожидала услышать Пейдж. Скорее всего Ник не рассказал этой женщине всей правды. Впрочем, он ведь и не должен был распространяться о случившемся. От Ника всякого можно ожидать, но в его верности сомневаться никогда не приходилось. Однако похоже, что доктора Рейчел Тернер его объяснения не удовлетворили.

– Той весной он неожиданно исчез из-за меня, из-за моих проблем, – негромко произнесла Пейдж.

Рейчел внимательно посмотрела на нее, как будто измеряя степень достоверности сказанного. Немного помолчав, она покачала головой.

– Получается, что он сказал правду... хотя бы один раз, – пробормотала она.

Глава 10

– Так значит, мы не больны. По крайней мере... еще не заболели, – сказал Росс через секунду после того, как за Рейчел закрылась дверь.

– Как знать, – отозвалась Пейдж. – Вирус мог еще никак не проявить себя у нас в крови, но заразились мы им, это уж точно.

– Почему ты никак не можешь честно признаться, что испытываешь ко мне традиционную, старомодную симпатию?

– Чепуха!

– Почему же? – спросил Росс, скрестив на груди руки. Пейдж сделала неуверенный жест, избегая его взгляда.

– Ты не мой тип мужчины.

– Да ну? Неужели? И какой же твой излюбленный мужской тип?

– Не такой, как ты. Не такой огромный, как ты.

– А тебе нравятся задохлики?

– Я хотела сказать, у тебя слишком широкие плечи.

– Значит, все-таки тебе нравятся костлявые парни?

– И еще мне нравятся интеллектуалы.

– Ты мне не поверишь, но я умею читать.

– И уж точно я никогда не назначаю свиданий адвокатам, занимающимся разводами.

– Нам всем приходится чем-то заниматься, чтобы зарабо-

тать себе на кусок хлеба. Что ты имеешь против адвокатов, которые занимаются разводами?

Ее глаза продолжали блуждать по всей комнате в надежде избежать его взгляда.

– А разве тебе не понятно?

– Непонятно.

Пейдж пожала плечами.

– Мне кажется, я уже упоминала, одно мое знакомство с таким же адвокатом оказалось не слишком удачным.

– У тебя? Личное знакомство? А я думал, что ты никогда не была замужем.

– Не была. Никогда.

Росс шагнул к ней и осторожно приподнял ей подбородок, заставив посмотреть ему в глаза.

– Расскажи, – тихо произнес он. – Расскажи мне об этом неудачном знакомстве.

Пейдж отвела взгляд и покачала головой:

– Ты еще подумаешь, что я круглая идиотка.

– Послушайте, леди, я видел, как вы работаете, как занимаетесь делом вашей Жасмин и множеством других дел. Все это я имел честь наблюдать здесь, в больничной палате. Разве круглая идиотка способна так ловко решать запутанные юридические вопросы?

Ее кожа показалась Россу чертовски нежной и приятной, просто-таки восхитительной. А губы, похоже, способны соблазнить самого целомудренного монаха! Зеленые глаза ед-

ва ли не умоляли стиснуть ее в объятиях – правда, сейчас в них читались одновременно и затаенная страсть, и скрытая боль. Пейдж начала рассказывать свою историю, и он убрал руку от ее лица.

– Когда я училась в колледже, то начала встречаться с одним мужчиной. Вообще-то он был преподавателем. Правда, не мой непосредственный преподаватель, обрати на это внимание, – поспешно добавила она.

– Конечно же, нет, – согласился Росс. – Он был твоим первым мужчиной?

– Моим первым возлюбленным? Да нет же! Я в свое время была без ума от Томми Душевски.

– Счастливчик этот Томми!

Пейдж легонько толкнула его в грудь, и Росс понял, что она просит, чтобы он помолчал. Соскочив с кровати, она принялась мерить шагами палату.

Россу было трудно понять, с какой стати она удостоила его такой чести и рассказывает ему о том, что когда-то давно случилось с ней. Однако ему было ясно, что он заинтересован в ее рассказе намного больше, чем ему полагается. Он даже весь напрягся в ожидании ее откровений.

Что было удивительно само по себе. И дело не в том, что ему было бы крайне неприятно узнать о том, что у некоей нравящейся ему женщины был роман с неким мужчиной, а в том, что это была именно *эта* женщина, которая являлась его грозной соперницей в адвокатском бизнесе. Но вместе с

тем соперницей чертовски красивой и соблазнительной.

Ее волосы были распущены и оказались гораздо длиннее, чем думал Росс, ведь во время работы за компьютером Пейдж обычно собирала их в малосимпатичный пучок. Сейчас они ниспадали на плечи и спину красивой волной и, учитывая влажность местного воздуха, наверняка бы вились еще сильнее. Росс был готов спорить на что угодно, что, когда она их не причесывает, они придают ей вид буйной, неукротимой амазонки.

Услышав, что Пейдж продолжила свой рассказ, Росс не осмелился и дальше размышлять в этом опасном направлении. Он искренне хотел узнать, что же все-таки с ней случилось.

– ...я подумала, что профессор Дрю Стенгал именно такой человек. Я в это действительно поверила.

Росс был готов поспорить на свою адвокатскую лицензию, что это и был тот самый человек, которому Пейдж подарила свою девственность. Женщины в этом отношении очень сентиментальны.

– И что же случилось? – спросил он, когда Пейдж на секунду замолчала.

Она повернула к нему лицо. Ее ноздри слегка подрагивали, а глаза сверкали гневом.

– Дальше появилась миссис Стенгал.

– О Господи! Ты шутишь! Быть того не может!

– Какие тут могут быть шутки!

– Насколько я понимаю, о существовании миссис Стенгал ты даже не подозревала, верно?

– Конечно же, не подозревала! – едва ли не выкрикнула Пейдж. – За кого ты меня принимаешь?!

Росс примирительно поднял руки.

– Извини. Это был исключительно риторический вопрос.

Сокрушенно вздохнув, Пейдж произнесла:

– Нет, это ты меня извини. Я была так глупа!

– Наивна, – поправил ее Росс.

– Нет, глупа! Мне никогда не приходило в голову задать самой себе вопрос – почему он не давал мне номера своего телефона. Я думала, что ему так удобнее. Я никогда не спрашивала его, почему его квартира настолько неряшлива и в ней практически нет никакой мебели – кроме огромной широкорной кровати.

Россу все стало понятно. Они определенно были любовниками.

– Мне никогда не приходило в голову спросить его, почему каждый раз, когда мы куда-нибудь выезжали, он старался выбрать какое-нибудь местечко подальше от Атланты, милях в шестидесяти. Мне казалось, что причиной тому его романтическая натура. Все правильно. Какой же душой я была!

– Неправда, Пейдж. Ты просто была молода, неопытна и доверчива. А он настоящий мерзавец. Скорее всего ты у него была не первая и не единственная. У него всегда имелся наготове для тебя ответ, а соврать ему ничего не стоило. По-

верь мне, я таких ловкачей на своем веку повидал немало. Это настоящие мерзавцы.

– Но многих из них ты представлял в суде, – сказала она, правда, уже без обычного пренебрежения в голосе. Ее ровная интонация даже вселила в него надежду, что она уже не злится на него по-прежнему.

– Послушай, дорогая, все не совсем так, как ты думаешь. Первое, о чем я спрашиваю своих клиентов, – не кроются ли причины развода в обмане или измене с той или иной стороны. Если да, то таким клиентам я даю от ворот поворот. Не люблю защищать неверных супругов.

– В самом деле? – недоверчиво спросила Пейдж, глядя на него широко открытыми глазами.

– Честное слово скаута!

– Послушай, живо прекрати!

– Что именно?

– Говорить то, что заставляет меня все меньше разочаровываться в тебе. – Росс воспринял слова Пейдж как самую серьезную уступку с ее стороны, но решил, что будет благоразумнее не озвучивать эту мысль.

– Извини меня, я не хотел. А что же было дальше? – спросил он, хотя прекрасно представлял себе, что было дальше. Имя и репутацию юной студентки бессовестно вываляли в грязи.

– Что было дальше? Дальше мое имя и мою репутацию вываляли в грязи. Я стала «особой, с которой мистер Стен-

гал состоял в интимных отношениях». Представляешь себе? Я сделалась «некой особой»! И кто это придумал такой юридический термин?! И конечно, никто, кроме моей семьи, не поверил, что я была настолько наивна, что не представляла себе истинного положения вещей.

– Мне очень жаль, Пейдж. Сочувствую тебе, – совершенно искренне сказал Росс, чувствуя, как у него чешутся кулаки. Окажись сейчас перед ним этот, с позволения сказать, наставник юношества, ему наверняка бы светил визит к стоматологу-протезисту.

– Его жена была вне себя от злости и вознамерилась серьезно отомстить мужу. Меня вызвали в суд. Заставили подробно рассказать о наших отношениях. О том, сколько денег он потратил на меня за время нашего знакомства, – и все для того, чтобы его жена и ее адвокат смогли подготовить иск и отсудить у неверного супруга побольше денег.

Росс моргнул. Он хорошо знал, что за этим кроется. Ее заставили вспомнить, в каких отелях они останавливались, какие загородные места посетили, сколько денег платил ее любовник, угощая ее обедами, какие драгоценности или одежду он покупал для нее, а также многое, многое другое. Скорее всего ей тогда пришлось столкнуться с напористым, циничным и бессердечным адвокатом, который изо всех сил пытался угодить своей клиентке и, конечно, позаботиться и о себе любимом.

– На юридическом языке это называется растратой семей-

ного имущества, – пробормотал Росс.

Пейдж кивнула.

Что ж, теперь ему все понятно. Чему удивляться, что она причислила и его к числу таких же бессовестных ловчил адвокатов. Да у него, Росса, просто нет права обвинять ее! Она когда-то слишком больно обожглась при общении с человеком его профессии.

Теперь Росс даже не знал, как успокоить ее. Хотя разве станет она прислушиваться к словам утешения человека, профессионально представлявшего то, что было ей столь ненавистно? Но, черт побери, почему бы не попытаться это сделать!

Росс осторожно приблизился к Пейдж и прикоснулся к ее руке.

– Мне действительно очень жаль, что тебе пришлось пережить этот кошмар.

– И знаешь, что самое неприятное?

– Что же?

– Что я тебе верю.

Почему-то от этих слов у него едва не разорвалось сердце. Росс не мог объяснить почему.

– Я рад. В самом деле.

– А ты знаешь, что хуже всего?

– Что же может быть еще хуже?

– То, что я хочу тебя.

Россу не удалось рассмотреть заявление Пейдж со всех

сторон – в данном случае рассмотреть саму Пейдж – до самого конца дня. В бесконечной череде посещений медперсонала и бесчисленных родственников Пейдж они за целый день провели наедине в общей сложности не более пяти минут.

С одной стороны, это было не так уж и плохо, потому что ему надо было заниматься неотложными юридическими делами. С другой – он по-прежнему продолжал одним ухом ловить разговоры Пейдж с родственниками.

Он не переставал восхищаться мужественностью, с какой она несла на своих хрупких плечах тяжкое бремя семейных проблем. Уважение к Пейдж возрастало в нем с каждой минутой. Однако хотя он и немного завидовал тому, как любят друг друга и как заботятся друг о друге многочисленные члены клана Хартов, ему стало ясно, почему на Пейдж время от времени находит такая раздражительность. Но вообразить себе, как она со всем этим справляется, Росс просто не мог.

В общем, его восхищение ею росло не по дням, а по часам. Особенно сейчас, когда он знал о причине ее первоначальной враждебности к его персоне. Как он мог винить ее в том, что она не любит его коллег по бракоразводным процессам! Россу казалось, что он должен убедить Пейдж в том, что далеко не все они такие же хищники, как тот адвокат, который вынудил ее пройти через мучительные судебные процедуры. В большинстве своем это добросовестные профессионалы.

Росс снова поймал себя на мысли о том, что это все поче-

му-то беспокоит его больше, чем следовало бы. Но вдаваться в излишне подробный анализ мотивов своего интереса к ее судьбе ему тоже не хотелось.

Нет, конечно, было бы здорово, если бы женщина, с которой ему так сильно хочется заняться любовью, все-таки проявляла к нему хотя бы малую толику уважения. А как же иначе?

Хотя бы сейчас. Пусть не всегда. Это вовсе не обязательно.

Наконец ушли последние родственники Пейдж, и она устало опустилась на свою кровать. Взяв в руки блокнот с деловыми записями, принялась его перелистывать. Затем, пробормотав что-то себе под нос, отложила блокнот в сторону.

– Что? – переспросил Росс, закрыв дипломат с бумагами.
– Что ты сказала?

– Как тебе повезло, что у тебя нет семьи, – со вздохом ответила Пейдж.

– Ты, видимо, хочешь сказать, что среди твоих родственников нет ни одного адвоката, кроме тебя. Верно?

– Мой двоюродный брат Лютер – помощник нотариуса. А Джиллиан – нотариус. Их можно – с большой натяжкой – считать работниками юриспруденции.

Бедняжка. Росс потянулся за баночкой колы.

– Тогда хотя бы остается надежда, что среди твоих родственников имеется по меньшей мере один фармацевт.

Губы Пейдж растянулись в подобии слабой улыбки.

– Есть один. Мой дядюшка Хьюго.

– Готов на что угодно поспорить, что он ужасно занятой человек.

На этот раз Пейдж даже рассмеялась, и Росса немедленно поразило, как все его мужское естество отозвалось на ее смех. Как, впрочем, и на ее улыбку, и взгляд ее огромных зеленых глаз. Когда эта женщина не бранилась, от ее красоты у него захватывало дух, причем в самом прямом смысле, потому что Росс явственно ощущал, как у него начинает жечь легкие.

Он с шумом втянул в себя воздух.

– Не желаешь ли бокал вина?

– Прекрасная мысль! С удовольствием. Хотелось бы немного развеяться.

Росс проворно соскочил с кровати, вознеся хвалу небесам за то, что сейчас на нем просторные мешковатые шорты. Просто поразительно, как быстро он заводится от одной только ее улыбки! Он тут же поклялся, что сделает все, что в его силах, чтобы улыбка появлялась на лице Пейдж как можно чаще.

Росс откупорил бутылку и разлил оставшееся со вчерашнего вечера вино по пластиковым стаканчикам. Затем устало подошел к ее кровати и протянул стаканчик.

– Спасибо, – прочувствованно поблагодарила Пейдж.

Отпив глоток, она одобрительно хмыкнула. Затем пошевелила плечами и принялась наклонять голову поочередно

то к одному плечу, то к другому.

– О, что за день был сегодня!

– Хочешь, я сделаю тебе массаж?

– Ты умеешь? В самом деле?

– Это будет настоящий шок, так что приготовься. Сейчас ты видишь перед собой, возможно, единственного в мире адвоката по разводам, который никого не обманывает.

Пейдж усмехнулась, но Росс посчитал ее недоверчивую улыбку хорошим признаком того, что в их отношениях достигнут пусть небольшой, но все-таки прогресс.

Затем она повернулась к нему спиной. Убирая волосы с ее спины, чтобы они не мешали сеансу массажа, Росс на какое-то мгновение, чуть дольше, чем необходимо, задержал их в руках. Он едва не застонал от удовольствия – настолько приятно было прикоснуться к этим шелковистым волосам! Росс представил себе ощущение, которое испытает, когда они прикоснутся к его обнаженному телу, в то время как он будет сжимать Пейдж в объятиях.

Огромным усилием воли он тем не менее отодвинул похотливые мысли в самые дальние уголки сознания и сосредоточился на массаже. Он начал с лопаток, таких напряженных и зажатых, но удивительно по-женски нежных. О Боже, как ему нравилось женское тело, а особенно тело именно этой женщины.

– Как хорошо, – пробормотала Пейдж. – Восхитительно. Где ты этому научился?

Росс пожал плечами.

– Я как-то вел дело одной женщины, специалиста по терапевтическому массажу. Она не смогла заплатить мне наличными. Нет, я серьезно. Все было совершенно законно.

– Боже...

Росс улыбнулся и принялся массировать ей плечи, разминая большими пальцами напряженные мышцы.

– Я уже признавался тебе, что восхищаюсь тем, как ты заботишься о своей огромной семье?

– А разве я могу не делать этого? Неужели у меня есть выбор? – рассмеялась она.

– Вообще-то выбор есть. Ты ведь из всех возможных вариантов помощи выбираешь какой-нибудь один, наиболее оптимальный.

Пейдж повернула голову, чтобы посмотреть на него.

– Ты на самом деле так думаешь?

– Ты же знаешь, что я всегда говорю правду.

– Порой прямога несколько непривычна.

– Конечно. Я вот что хочу сказать. Пока мы тут с тобой находимся взаперти, почему бы тебе немного не разгрузить список твоих неотложных юридических дел? Отдай мне часть твоих родственников, и я займусь их делами.

– Я бы даже не осмелилась просить тебя об этом!

– А тебе и не надо ни о чем просить. Я тебе сам предлагаю.

Росс продолжил массировать ей плечи, и Пейдж застонала от удовольствия.

– Все это здорово, но, ты не обижайся, мои родственники вряд ли смогут позволить себе платить соответствующие гонорары.

Росс перестал разминать ее плечевые мышцы.

– Ты хочешь сказать, что ты делаеть все для них совершенно бесплатно?

– Пожалуйста, не останавливайся, массируй дальше, – попросила она, и Росс продолжил массаж. – Нет, я, конечно, не могу браться за эту работу совершенно бесплатно, иначе я уже через неделю вылетела бы в трубу. Я назначаю специальные «семейные ставки».

– От них я потребуую только то, что оговорено такими «ставками».

Пейдж снова повернулась к Россу:

– Зачем тебе это нужно? Зачем ты это мне предлагаешь?

– Может, потому, что я хороший парень? – Пейдж какой-то миг пристально смотрела на него.

– Ну хорошо. Ты когда-нибудь занимался завещаниями?

– Занимался. Думаю, что смогу сделать их вполне легальными.

Пейдж взяла с кровати блокнот и принялась листать.

– Тете Алисии нужно внести в завещание кое-какие изменения.

– Отлично. Лестера вычеркиваем, чучельщика вносим в завещание. Пейдж снова посмотрела на него. На этот раз с видимым недоверием.

– Возможно ли такое? Человек, который все запоминает с первого раза?

Росс решил не обижаться.

– У тебя, мягко говоря, интересная семейка. – Пейдж рас- смеялась:

– Да уж, неплохо сказано – мягко говоря! – Вырвав лист из блокнота, она протянула его Россу. – Тетя Алисия – не исключение.

Росс посмотрел на список изменений, которые следовало внести в завещание. Помимо таксидермиста Гармена, среди тех, кому она завешала денежные суммы, стояло также имя Мела Гибсона.

– Мел Гибсон? – переспросил он, удивленно подняв бро- ви.

Пейдж повернулась к нему, полагая, что сеанс массажа, видимо, закончен.

– Она на прошлой неделе посмотрела фильм с его участи- ем – «Патриот» и заявила, что он сущий милашка.

– А чем, простите, ее немилость заслужил Харрисон Форд?

– Да ничем, это дело случая. Тетя Алисия не может лю- бить больше одного киноактера одновременно. В этом отно- шении она женщина очень верная.

– Понятно.

Пейдж полистала блокнот дальше.

– Может быть, ты сможешь дать совет дяде Трою? У него

возникла небольшая проблема.

– Что это за небольшая проблема?

– Он попался при попытке нелегально приобрести гранаты.

– Он что, террорист, твой дядя Трой?

– Да нет же, они нужны ему для борьбы с землеройками.

– Не понял?

– С землеройками. Дядя Трой фермер и очень страдает от этих жутких созданий, которые портят ему урожай.

– Значит, он хочет истребить их при помощи гранат?

– Он исчерпал все другие возможные средства. Ничего больше не помогает.

– Все ясно.

– Ты займешься также моей двоюродной сестрой Стефани?

– Неужели у всех членов твоей семьи возникли юридические проблемы? – вопросом на вопрос ответил Росс.

– Это всего лишь капля в море.

– А что за проблема у этой твоей Стефани?

– Вообще-то она парикмахер.

– Чувствую, тут дело касается претензий по поводу плохой завивки.

– Верно. А также покраски волос, – кивнула Пейдж.

– Может, ей стоит заняться чем-нибудь другим? Сменить профессию?

– Нет, нет! Она превосходный специалист. Как правило.

Просто в то утро она была в дурном настроении.

Росс прочитал записи в блокноте Пейдж.

– Значит, некая Ширли Нусбаум обвиняет твою кузину в том, что та причинила ей боль и нанесла морально-психологическую травму?

– Верно. Что весьма смахивает на шутку, если принять во внимание, что Стефани стало известно о романе ее приятеля с этой Ширли Нусбаум.

– На мой взгляд, Ширли поступила достаточно опрометчиво. Шутки с парикмахером могут закончиться весьма плачевно.

– Это верно. – Она, должно быть, заметила, что Росс готов в любую минуту расхохотаться, поэтому тоже заулыбалась: – Что ж, смейся, паяц! Все правильно. Ситуация прекомичнейшая.

Ситуация была действительно комичная, однако улыбка Пейдж вызвала у него отнюдь не смех.

Она вызвала у него желание впиться ей в губы. Жарко и страстно.

Улыбка на лице Пейдж медленно погасла. Россу показалось, что она сейчас читает его мысли. Он прикоснулся к ее щеке.

– Ты совсем недавно кое-что сказала обо мне. Что ты хочешь меня. Я не ослышался? – понизив голос, спросил он.

– К сожалению, да, не ослышался.

– А почему к сожалению?

– Мне кажется, что все это может обернуться большой ошибкой.

– Почему же?

– Один из нас может очень сильно обжечься. И только не обижайся, мне не хотелось бы, чтобы это случилось со мной.

– Я, как правило, предпочитаю никого не отвергать.

– Похоже, что тебя никто в жизни еще не отвергал, – сказала Пейдж.

– Ошибаешься, – ответил Росс. – Тебе покажется это смешным, но очень многие женщины находят меня крайне уступчивым.

– Неужели? – Он кивнул.

– Я сам пришел в ужас, когда узнал.

– Бедняжка! – рассмеялась Пейдж.

– Если ты меня так сильно хочешь, то вполне можешь воспользоваться этой моей слабостью.

– Секс из чувства сострадания, из жалости? – спросила она, красиво изогнув бровь.

– Если ты к этому стремишься, то да. Но я могу фактически дать тебе гарантию, что к тому времени, когда я устану от тебя, ты ни о чем не пожалеешь.

Пейдж сделала шумный глубокий вдох.

– А что, если один из нас действительно инфицирован и заразит другого?

– Мы с тобой дышим одним и тем же воздухом вот уже несколько дней. Так что вирус мог воздушным путем зара-

зить того из нас, кто еще оставался здоров. Шансы у нас одинаковы.

– Мне кажется, что в суде тебя никому не удастся переубедить.

– У меня неисчерпаемый арсенал аргументов.

– А что, если нам обоим не удастся...

– ...получить наивысшее наслаждение? – закончил он ее вопрос.

– Совершенно верно, – с облегчением сказала она и улыбнулась.

– Готов дать гарантию – нареканий с твоей стороны не будет.

– Почему ты в этом уверен?

– Если бы ты слышала совет, который дала мне наш добрый доктор, когда я пожаловался на... на некоторый дискомфорт, у тебя не возникло бы никаких сомнений на сей счет.

На какое-то мгновение Пейдж смутилась.

– Она наверняка посоветовала, чтобы мы не валяли дурака.

– А мы и не думаем!

Пейдж ненадолго задумалась.

– О Господи! – воскликнула она и покраснела.

– Значит, ты все поняла, – сказал он негромко, чтобы она до конца осознала, что со всей неизбежностью должно произойти между ними. – Этого просто нельзя не понять.

Пейдж посмотрела начасы.

– Скоро придут брать анализ крови.

– Верно. Мы дождемся прихода медсестры, и после этого в нашем распоряжении будет целая ночь.

– Целая ночь? Мне показалось, что ты сказал «целый час».

Разве нет?

– Я сказал «дольше, чем один час».

– Но ты имел в виду всю ночь?

– Да, всю ночь, – ответил Росс.

Глава 11

Вечером, вернувшись к себе домой, Рейчел почувствовала, что валится с ног от усталости. Все тело казалось ей отяжелевшим, как будто отлитым из свинца. Сбросив с ног туфли, она прошлепала босиком на кухню в надежде на то, что за время ее отсутствия в доме побывала добрая фея и загрузила холодильник продуктами.

Увы, чуда не произошло! В холодильнике по-прежнему обитали коробочка пищевой соды, бутылка кетчупа, которому исполнилось уже лет пять, и несколько бутылок питьевой родниковой воды. Чтобы приготовить из всего этого нечто съедобное, нужен повар куда более опытный, чем она.

Чего бы ей сейчас хотелось? Что-нибудь из китайской кухни? Или пиццу? Будет чудом, если она сумеет преодолеть безумную усталость и дождется-таки, когда привезут заказанную на дом еду. Есть хочется ужасно, и если она сейчас не съест хоть что-нибудь, то утром точно проснется с жуткой головной болью.

Единственное, что радовало Рейчел в данный момент, – это мысль о том, что для доставки пиццы или китайского блюда достаточно лишь нажать соответствующую кнопку телефона.

Но стоило ей потянуться к телефону, как раздался звонок в дверь. Рейчел в недоумении обернулась. Неужто рас-

сылный фирмы по доставке еды на дом каким-то шестым чувством предугадал ее заказ? Если же это кто-то другой, то пусть уходит: она сейчас никого не желает видеть.

Приникнув к дверному глазку, Рейчел увидела юношу с красивой, упакованной на манер подарка коробочкой в руках. Она поспешила открыть дверь и устало изобразила на лице улыбку.

– Вам посылка, мадам!

– Неужели? Чудесно!

Она не могла даже представить, по какому поводу и кто мог прислать ей посылку, но неожиданному подарку все-таки обрадовалась. Затем достала из бумажника пятидолларовую банкноту и вручила ее юному посыльному, который откровенно обрадовался чаевым. Молодой человек откланялся и ушел. Закрыв за ним дверь, Рейчел отнесла коробку в гостиную. Сняв упаковку, разорвала крошечный конверт и вынула из него записку.

«Рейчел!

Я увидел эту штучку в магазине подарков и вспомнил, что-то когда-то собирала такие. С нетерпением ожидаю вечера пятницы.

Н.».

Ник. Сначала в голове Рейчел мелькнула мысль, а не вернуть ли посылку, даже не разворачивая, однако любопытство взяло верх над прочими соображениями. Неужели он действительно вспомнил о ее давнем хобби? Она сорвала упа-

ковку и открыла коробочку. Ее сердце едва не остановилось. Да, он на самом деле вспомнил о ее страсти к собирательству антикварных музыкальных шкатулок. Шкатулка, которую Ник сейчас прислал ей, была восхитительна, истинное произведение искусства – тонкая работа, удивительное изящество линий. На маленькой крышечке был выгравирован прелестный букетик роз.

Рейчел приоткрыла ее, и прозвучала хорошо знакомая ей мелодия песенки «И тогда ты вспомнишь меня».

– О Ник! – прошептала она.

На глаза навернулись слезы. Рейчел заморгала, пытаюсь справиться с предательской слабостью. Прошло столько лет, а он не забыл ее давнего увлечения. Он, конечно же, не имеет представления о том, что вскоре после ее ухода из Технологического ей пришлось продать всю свою коллекцию. Сделать это было нелегко, едва ли не равносильно самоубийству, но в те дни у нес было так туго с деньгами, что нечего было и думать о том, чтобы коллекцию сохранить. Позднее Рейчел стала подумывать о том, а не вернуться ли ей к былому увлечению, но дальше намерения дело не зашло.

Тогда, во время учебы в колледже, Ник посмеивался над ее шкатулками. Он называл это девчоночьим хобби, неизменно сопровождая насмешливые слова очаровательной улыбкой. Она же сердито ударяла его кулачком в плечо и негодуя фыркала.

Шкатулка, которую она сейчас держала в руках, была про-

сто чудо и стоила, очевидно, целое состояние. Принимать подарок или нет? А если она оставит шкатулку у себя, то что Ник об этом подумает? Как истолкует ее поступок? Что она простила его?

Ее охватило смятение. Шкатулка приглянулась ей с первого взгляда, но Рейчел в равной степени не могла вообразить, что оставит ее у себя. Два взаимоисключающих решения буквально разрывали ей сердце.

Рейчел усилием воли заставила себя закрыть крышку шкатулки и поставила красивую вещицу на столик. Затем потянулась к телефону и, набрав номер больницы, попросила соединить ее с палатой, в которой находится Пейдж Харт.

Когда Пейдж взяла трубку, ее голос показался Рейчел взволнованным, словно пациентка слегка задыхалась.

– Пейдж, это Рейчел Тернер. С вами все в порядке?

– Да, со мной все в порядке.

– Вы уверены?

– Да. Конечно. Я тут... немного работала, занималась своими юридическими делами.

– Извините, если помешала.

– Да нет, все нормально. Чем могу помочь вам, Рейчел? Вам нужна консультация по телефону, совет юриста?

– Нет-нет. Ничего подобного. Просто... вы не могли бы оказать мне любезность?

– Да, пожалуйста.

– Не могли бы вы дать мне номер телефона вашего брата?

Мне... мне нужно поговорить с ним.

– Никаких проблем. – В трубке было слышно, как Пейдж листает блокнот.

Затем она протараторила номер телефона, и Рейчел мысленно отметила про себя местный код.

– Это что, номер какой-то гостиницы?

– Нет, это номер его домашнего телефона.

О Боже! Она по непонятной причине вообразила, что Ник приехал в Атланту, чтобы навестить сестру, оказавшуюся в больнице. Ей даже не пришло в голову, что он уже давным-давно живет с ней в одном городе. Это значительно ухудшало дело.

По крайней мере именно так она истолковала бурную реакцию собственного сердца.

– Огромное вам спасибо.

– Могу я спросить вас, зачем вам понадобилось срочно переговорить с ним? Это связано не со мной?

– Нет, нет. Он просто... просто прислал мне одну вещицу, и мне нужно вернуть ее.

– Ясно. Значит, он пытается ухаживать за вами.

– Это что, его обычная практика – начинать с подарков? – спросила Рейчел, не слишком довольная тем, что она не единственная, кому Ник делает подарки.

Пейдж доверительно понизила голос:

– Я знаю, что когда-то давно Ник очень обидел вас, доктор Тернер. Но клянусь вам, что, несмотря ни на что. Ник –

замечательный парень.

Взгляд Рейчел снова остановился на подарке Ника Харта.

– Подарок очень даже симпатичный, он мне понравился, – неуверенно продолжила она. – Но я все-таки должна вернуть его обратно. Не могу принять, и все тут.

– Простите мое любопытство, но что это такое? Вы можете сказать?

– Музыкальная шкатулка.

На том конце провода надолго замолчали.

– Музыкальная шкатулка? – наконец нарушила молчание Пейдж. Она говорила теперь почему-то шепотом.

– Да. А почему вас это удивляет?

– У нее на крышечке выгравированы розы?

– Да. А откуда вы знаете?

– А какую мелодию она исполняет? Случайно не «И тогда ты будешь помнить меня»?

У Рейчел от удивления перехватило дыхание.

– Верно. Но все-таки откуда вы это знаете?

– Вы собираете музыкальные шкатулки?

– Когда-то собирала.

– Послушайте, доктор Тернер, мой брат купил эту шкатулку много лет назад. Для того чтобы накопить необходимую сумму денег, ему пришлось разнести столько порций пиццы и гамбургеров и постричь столько газонов, что вы даже представить себе не можете.

Сердце Рейчел екнуло.

– Только не говорите, что он занимался этим в годы своей учебы.

– Да, именно.

– Но этого не может быть!

– Нет. Может. Все было именно так. – Услышанное настолько ошеломило Рейчел, что она даже не попрощалась со своей собеседницей, а просто бросила трубку на телефонный аппарат.

Этот сукин сын действительно достоин восхищения!

– Кто это там звонил? – спросил Росс, подняв голову. До этого он самым внимательным образом разглядывал ноги Пейдж.

Пейдж сделала глубокий вдох. Как же все-таки Росс сексуален! И неутомим. То, что она разговаривала по телефону, несколько не отвлекло его от поцелуев, которыми он покрывал ее ногу от ступни до края шорт. Пейдж потребовалось невообразимо огромное усилие воли, чтобы сосредоточиться на том, что говорила ей Рейчел Тернер.

Они оба были одеты в футболки и шорты Росс обходился без рубашки весь день и сделал исключение лишь для медсестры, которая вечером пришла делать анализ крови.

Они были одни. Вернее, наконец остались одни На всю ночь.

– Что ты сказал? – спросила она, совершенно забыв, о чем он только что спросил ее.

– Я и сам забыл, – ответил он и прижался губами к ее губам.

Его поцелуй был подобен землетрясению. Его губы сильные губы прижались к ее рту, и от этого поцелуя в ней затрепетал каждый нерв. Его язык касался лишь ее языка, но Пейдж казалось, будто он ласкает и ее кожу, и грудь, и все остальное тело.

Росс поднял голову и посмотрел ей в глаза.

– Разденься. Сейчас. Пожалуйста.

– И ты. Тоже, – произнесла Пейдж хрипло, не узнавая собственный голос. Затем взялась за край его футболки и медленно потянула вверх.

Росс поднял руки, позволяя освободить себя от одежды. Сердце Пейдж замерло от восторга в ожидании не просто увидеть его грудь, но и прикоснуться к ней и даже ошутить вкус его кожи.

Когда футболка оказалась у Росса над головой, Пейдж пронзила неожиданная мысль, и она замерла в нерешительности. Она совершенно не представляла себе, что они будут делать дальше. Ее опыт интимного общения с мужчинами был небогат и ограничивался тем, что она позволяла профессору Стенгалу прикасаться к своему телу, а тот довольствовался тем, что пользовался ее юной плотью незамысловатым старомодным способом. Иного опыта у нее не было. Может, лучше все прекратить? Что, если она подвергает себя унижению? Вполне вероятно, что он просто хочет посме-

яться над ней.

– Эй, Пейдж! – донесся до нее приглушенный слоem ткани голос.

– Что?

– Обычно одежду снимают полностью.

Однако Пейдж по-прежнему оставалась неподвижной. Ее охватил испуг – она боялась, что сейчас совершит что-то непоправимое.

– Росс!

– Что?

– Я должна тебе кое в чем признаться.

– В чем же?

– Без этого просто нельзя. – Пейдж вернула футболку в прежнее положение, хотя, по правде говоря, она предпочла бы сделать признание, обращаясь к его закрытой тканью голове.

– В чем дело?

– Ты можешь присесть на секунду?

– Только при условии, что ты сядешь мне на колени.

– Успокойся, пожалуйста, хотя бы на одну секунду. Для меня все это очень трудно.

Росс нахмурился, однако сел, сказав при этом:

– Дорогая, я же обещал проявить себя с наилучшей стороны. В чем же дело?

– Я... не знаю правил. Я не все понимаю.

– Что? Чего ты, собственно, не понимаешь? Что случи-

лось, киска? Мы оба хотим друг друга. У тебя что, критические дни?

– Ты только не смейся. Не будешь? Обещаешь мне? – Росс ласково провел рукой по ее волосам.

– Да я не смеюсь. Честное слово!

– Я не знаю, как все это дальше делается, понимаешь? – начиная раздражаться, произнесла Пейдж.

Какое-то мгновение он удивленно смотрел на нее.

– Не знаешь, что такое секс? Никогда им не занималась?

Пейдж вздохнула:

– Я не знаю, что ему предшествует.

– А мы не будем заниматься тем, что предшествует. Мы будем заниматься необычным сексом.

– Здорово. У меня никогда не было необычного секса. – Росс продолжал смотреть на нее немигающим взглядом.

– Так ты хочешь сказать, что твое нежелание разговаривать со мной об игре в бейсбол вызвано тем, что ты никогда раньше в него не играла?

– У меня было много старших братьев, – ответила Пейдж, избегая встречаться с ним взглядом.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, что делать? – Пейдж кивнула:

– Да. Наверное, у меня сейчас жалкий вид.

– При чем тут жалость. Наоборот, соблазнительный. – Пейдж недовольно поморщила очаровательный носик.

– Не надо задаваться, советник!

– Я и не думаю, Пейдж. Я именно этим и хочу заняться – соблазнить тебя. Стать тем первым и единственным, кто тебе все правильно покажет и объяснит.

– А как? Я ведь даже не знаю, с чего следует начать. – Росс немного помолчал, потом поднял на нее глаза, в которых светился лукавый огонек.

– Я все тебе скажу. Ты не будешь против, если я обучу тебя правилам игры в бейсбол?

– Но это... это как-то уж очень по-детски получается! Разве не так?

– Ошибаешься. Это старо как мир, как и сама игра в бейсбол. Для молодых людей это возможность озвучить то, что они хотят сказать, – произнес он и провел пальцем по ее щеке. – Тебе понравится, вот увидишь!

– Хорошо. Я согласна.

– Но сначала нужно провести кое-какую подготовительную работу.

– Какую же?

– У тебя еще остался лак для ногтей оттенка фламинго?

– А зачем он тебе?

– Я хочу накрасить тебе ногти.

Лак, которым Росс покрасил ногти Пейдж, высох не так быстро, как ему хотелось бы: он сгорал от нетерпения. Но когда он вместе с ней стал дуть ей на ногти, чтобы они высохли быстрее, то одновременно начал анализировать то, что он

узнал о ней. Как же такое может быть, чтобы молодая красивая женщина в свои тридцать с небольшим лет никогда еще не испытала радости от ласк, предваряющих то, что называется апофеозом любви? Единственное тому объяснение скорее всего следующее: этот негодяй профессор, приобщивший ее к сексу, был настоящим эгоцентриком, который думал исключительно о собственном наслаждении, и потому пренебрегал необходимостью дарить наслаждение женщине. Недолгая радость для него, неизбежное разочарование для нее.

Но если этот мерзавец был ее первым мужчиной – а скорее всего дело было именно так, – то ей просто не с кем было его сравнить. А это означает, что у нее может возникнуть опасение, будто такие же безрадостные ощущения ей суждено испытать и с ним, Россом. Это одновременно и пугало, и возбуждало его.

– Высохли, – прошептала она.

– Что?

– Мои ногти. Они высохли.

По мере того как Росса охватывало ожидание предстоящей радости, его опасения отступили. Он выключил лампу на ее прикроватном столике, чтобы избавить ее от смущения и заодно чтобы проверить, как смотрится лак оттенка фламинго в темноте. Да, верно, ее ногти светились в полумраке палаты. Черт, ситуация действительно обещает быть восхитительной и чертовски сексуальной.

– А что... теперь? – робко спросила Пейдж.

– Ложись на кровать.

– Может быть, нам стоит для начала раздеться?

– Правила бейсбола таковы, что начинать следует полностью одетыми.

– Полностью одетыми? – переспросила она со смехом. –

Но мы же в шортах и футболках.

– Этого достаточно.

– Ну, хорошо.

– Ложись, Пейдж.

Пейдж послушно выполнила его просьбу и легла на середину кровати. В комнате было довольно темно, так что Росс мог видеть лишь смутные очертания ее фигуры, однако слабо светившийся в темноте лак на ногтях позволил ему легко разглядеть ее руки. Было заметно, что они дрожат. Россу пришла на ум аналогия с библейским жертвенным агнцем.

Он протянул руку и погладил Пейдж по нежным шелковистым волосам.

– Еще одно правило игры в бейсбол. Если кто-нибудь из нас вдруг почувствует дискомфорт, будет немедленно объявлен тайм-аут. Понятно?

– Да, – прошептала Пейдж.

– А теперь немного подвинься, дорогая!

Она на секунду задумалась, но затем отодвинулась, правда не к стене, а к противоположному краю кровати. Росс усмехнулся:

– К другой стороне.

Пейдж коротко ойкнула и откатилась к дальнему краю. Росс опустился на кровать и лег, повернувшись к Пейдж лицом. Левую руку он положил ей на талию.

– Надеюсь, ты помнишь, мы можем остановиться в любое мгновение.

– Помню.

Если она остановит его, то он умрет прямо здесь, на этой кровати. Все его существо сотрясала лихорадка, какой он никогда раньше не испытывал.

– Итак, начинаем. Ты устремляешься к первой базе, если, конечно, тебе этого хочется.

– Если не ошибаюсь, я знаю этот термин, но для полной уверенности объясни мне, что такое первая база.

– Поцелуй. Просто поцелуй. Ты ведь хочешь начать с первой базы?

– Да, конечно!

Ее готовность вызвала в нем восхищение. Росс медленно опустил голову и прижался губами к ее губам. Сначала поцелуи были легкими и короткими. Росс не спешил, наслаждаясь вкусом ее губ, ароматом нежной кожи.

Пейдж издала короткий стон, что подтолкнуло его к решению, что им сейчас нужен поцелуй более продолжительный и глубокий. Однако перед этим Росс спросил ее:

– Ты действительно хотела бы приблизиться к первой базе? Тебе этого хочется?

– Да.

Целуя ее на этот раз, он раздвинул ее губы. Затем его язык коснулся ее языка. Это, похоже, подействовало на нее как электрический разряд. Пассивная готовность принимать мужские ласки сменилась желанием отвечать на них. Ее руки сомкнулись у него на затылке, безмолвно требуя новых поцелуев.

Росс послушно откликнулся на ее призыв, затеяв безумную пляску языков и губ. Восприятие времени оставило их обоих. Поцелуи, которыми они обменивались, длились то ли минуты, то ли долгие часы. Для Росса окружающий мир сузился до губ, лица и прядей шелковистых волос Пейдж. Он чувствовал, как от возбуждения кровь сгущается в его жилах, учащается пульс, а сердце готово в любое мгновение разорваться в груди.

Целоваться Росс любил всегда, но ничего подобного происходящему сейчас он еще никогда не испытывал. Теперь поцелуи казались ему не прелюдией к чему-то более значимому, а самим актом любви. Поэтому если она желает, чтобы эта восхитительная игра подольше продолжалась, он ни в коем случае не должен спешить.

Наконец Пейдж все-таки немного отстранилась, прервав поцелуй. Росс же, не желая ни на мгновение отрываться от нее, продолжал целовать ее шею и лицо.

– Росс! – прошептала она.

– Что? – произнес он, добравшись до нежной мочки ее

уха.

– Вторая... вторая база... что это?

– Прикосновение к твоей груди, – почти беззвучно выдохнул он ей в ухо. – Ты хочешь, чтобы я это сделал?

– А я... я могу прикоснуться к твоей груди? – Он почувствовал, что сейчас взорвется.

– Если ты захочешь.

– Я хочу.

Он снова прижался к ее губам и взялся за край ее футболки. Его пальцы скользнули по ее талии и замерли на миг в нерешительности.

– Скорее, – потребовала она.

– Медленно и неторопливо, дорогая.

– Нет. побыстрее. – Пейдж схватила его за руку с той стороны, через ткань футболки, и потянула вверх.

– Ох, – вырвалось у них одновременно.

Хотя Пейдж лежала на спине, ее грудь по-прежнему сохраняла форму упругого выпуклого холмика, который идеально поместился в его ладони. Росс прижал большой палец к ее соску и услышал, как у нее снова перехватило дыхание.

– Тебе приятно?

– Да. – Она сняла руки с его шеи и провела ими по его плечам. – Теперь моя очередь.

– Нет, нет. Даже не думай. Я еще не закончил со второй базой.

Кончики его пальцев скользнули по ложбинке между ее

грудями, и он накрыл ладонью ее левую грудь, уделяя ей равное внимание с правой.

Это не на шутку распалило Пейдж. Она тут же ухватила Росса за футболку и прикоснулась к его теплой мускулистой груди.

– Восхитительно, – прошептала она. – Какая у тебя гладкая кожа!

Когда ее рука коснулась его сосков, у Росса перехватило дыхание. Он никогда даже представить себе не мог, что его грудь может быть эрогенной зоной. Он чувствовал, что его охватывает безумное, всепоглощающее ощущение бесконтрольной страсти, но ему теперь было не до размышлений. Главное – это ощущение небывалого блаженства.

– Третья база, – шепотом напомнила ему Пейдж. Прежде чем поднять голову и всмотреться в ее лицо, Росс жадно поцеловал ее. Его глаза уже настолько приспособились к темноте, что он сумел заметить, как в ее взгляде разгорается огонь нешуточной страсти.

– Сначала дается дополнительное время, – сообщил он каким-то скрипучим голосом, который сам с трудом узнал.

– Покажи мне.

Урок пошел ей на пользу. Она стремительно превращалась в безумную маленькую развратницу. Осознание этого возбуждало его еще больше. Росс приподнял ее в сидячее положение и снял с нее футболку. Прежде чем он снова лег на спину, Пейдж, в свою очередь, стащила футболку с него.

Росс даже не думал сопротивляться.

Он снова легонько толкнул Пейдж обратно на подушку и, закинув ногу на ее бедра, сел на нее. Теперь он мог наилучшим образом видеть ее восхитительную грудь.

– Боже, как ты красива!

– Ты тоже прекрасен! – сказала она и снова потянулась к его соскам.

Ему потребовалось еще несколько секунд, прежде чем он почувствовал, что напряжение в паху усиливается с фантастической скоростью. Он поспешно взял ее за миниатюрные запястья и развел ее руки в стороны. Затем нагнулся и прильнул своей обнаженной грудью к ее груди. Прижавшись крепко к ее губам, он услышал, как успел приглушить рвущийся из ее горла стон.

Затем он опустился чуть ниже и, не обращая внимания на протесты Пейдж, впился губами в ее грудь.

– Росс! – вскрикнула она, и ее тело тут же выгнулось дугой.

– Спокойно, малышка, наслаждайся! – прошептал он. Сначала он поцеловал одну ее грудь, затем другую, увлажняя и успокаивая вмиг отвердевшие соски. Впрочем, не успокаивая, поскольку прикосновения его языка лишь сильнее возбуждали Пейдж – словно не находя себе места, ее тело беспокойно заерзало под ним. Она попыталась высвободить запястья из его захвата. Ее пальцы, скользя по его волосам на затылке, еще сильнее прижали его голову к себе.

– Перейдем на третью базу? – спросил он, оторвавшись наконец от груди Пейдж. У него возникло ощущение, что она вполне готова к продолжению игры, и, честно говоря, сам он уже находился на самом краю забвения и уже почти не имел сил сдерживаться и дальше.

Его удивила та сила, с которой она толкнула его в плечи.

– Нет. Я пока еще не достигла полностью второй базы.

– Похоже, что ты превращаешься в опытного игрока, – процедил Росс сквозь стиснутые зубы, стараясь придать голосу шуточные нотки, мечтая найти в себе силы достойно выдержать это сладостное испытание и все-таки добраться вместе с ней до третьей базы.

Если она намерена подарить ему то же наслаждение, которое он подарил ей, то отказывать Пейдж в этом он, конечно, не станет. Даже если это окажется смертельно трудно.

Росс перекатился на спину, вознамерившись собрать остатки сил. Пейдж воспользовалась этим, чтобы повнимательнее рассмотреть его. Она опустила на колени и горящими от возбуждения глазами принялась разглядывать его обнаженную грудь, не решаясь прикоснуться к ней – видимо, не зная, с чего начать.

– Прикоснись ко мне ртом, – предложил Росс.

К его ужасу, она восприняла его слова как руководство к действию. Сначала ее губы скользнули по его горлу, и в следующее мгновение Пейдж уже покрывала медленными поцелуями бешено пульсирующую артерию ниже кадыка. Кон-

чики ее пальцев легко, как бабочки, скользнули по его вискам и щекам, после чего переместились на плечи. Покрывая короткими огненными поцелуями его грудь, губы Пейдж наконец коснулись напряженного соска.

– О Господи! – блаженно выдохнул Росс.

Голова Пейдж дернулась, и она встревоженно посмотрела на него.

– Что-то не так? Тебе... неприятно?

– Нет! Что ты!

Пейдж довольно улыбнулась и продолжила свое увлекательное занятие, явно вдохновленная его реакцией. Росс снова зажмурил глаза, не зная, как бы ему слегка охладить стремительно возрастающее в нем сексуальное возбуждение. Ее волосы, что касались его обнаженного тела, их дурманящий, пьянящий аромат лишь усиливали эту сладкую муку, как и прикосновения горячего язычка Пейдж к его соскам, пронзавшие его тело подобно резким электрическим разрядам.

Ощущая близость неминуемого взрыва, Росс не выдержал и, схватив ее за плечи, опрокинул на спину.

– Третья база, – попытался сказать он, но даже сам не понял, действительно ли эти слова сорвались с его языка.

– Мне кажется... я знаю, как к ней приблизиться, – прошептала Пейдж.

– Ты всегда отличалась сообразительностью.

Он снова наклонился над ее грудью, пытаясь при этом рас-

стегнуть молнию у нее на шортах. Не стягивая их, Росс просунул пальцы под трусики как раз ей между ног. Пейдж мгновенно «взорвалась», вскрикнув и конвульсивно дернувшись от его прикосновения, едва не заставив его «разрядиться» одновременно с ней. Он продолжал поглаживать ее, пока не убедился, что она испытывает от этого максимальное удовольствие. Наконец она сжала его руку, жадно хватая ртом воздух, и почему-то захихикала.

– Хватит! Довольно! Мне становится щекотно!

Росс усмехнулся. Забавно. После оргазма ее начал раздражать смех, видите ли, ей сделалось щекотно. Вооруженный этим знанием, Росс может стать для нее опасен. Отлично.

– О, Росс, что это ты сейчас только что сделал со мной? – улыбаясь, с довольным видом прошептала она.

– Это была лишь пробежка к центру поля, – улыбнулся в ответ Росс. – Я вывел тебя из игры.

– Нет, нет. Игра еще не закончена, – запротестовала Пейдж. – За мной еще удар.

У Росса вырвался стон, однако это был стон не столько страсти, сколько невыносимых физических страданий – его эрекция сделалась ужасно болезненной. Он почти не сомневался, что Пейдж вот-вот достигнет желаемого результата.

Он позволил ей слегка оттолкнуть себя, после чего ему пришлось стиснуть зубы – это Пейдж, взявшись за пояс-шнурок его шортов, принялась стягивать их с его ног.

– О Боже, – на одном дыхании прошептала она, прежде

чем сжать руками его плоть.

Росс мгновенно воспламенился. Он со стоном закрыл глаза, а когда открыл их снова, то увидел, как се губы приближаются к нему.

– О Господи, что ты делаешь?

– Что я делаю? – низким хрипловатым голосом ответила она. – Приближаюсь к третьей базе.

– О Боже!

Глава 12

Рейчел чувствовала себя крайне взволнованной – в гораздо большей степени, чем того требовали сложившиеся обстоятельства. Ведь в конце концов в ее жизни свидания были и раньше. Пусть и не слишком много, но вполне достаточно для того, чтобы понять – она еще ни разу не испытывала тревожного ощущения при мысли о том, что ей предстоит с кем-то встретиться. Уже меньше чем через десять минут в ее дверь позвонит Ник – если, конечно, придет вовремя. Хотя было бы лучше, если бы он струсил и не пришел вообще.

Правда, эта мысль по какой-то непонятной причине ее не обрадовала.

Бросив очередной, на этот раз последний взгляд в зеркало, Рейчел задумалась над тем, что же делать с подарком Ника. Она не на шутку разозлилась на него. Как он только посмел много лет назад тяжким трудом зарабатывать деньги на приобретение этой шкатулки? Как осмелился все эти годы хранить ее у себя? Ей было бы куда приятнее считать его неудачником и истинным негодяем! И вот теперь ей как назло стало известно, что Ник отличается сентиментальностью – открытие, которое походя разрушило гармонию ее хрупкого внутреннего мира и наконец-то обретенного покоя.

И наверное, чтобы показать ему, что она утратила к нему всякий интерес, а скорее для того, чтобы убедить в этом се-

бя, Рейчел тщательно выбрала свой наряд. Она остановила выбор на длинном, до щиколотки, черном платье без рукавов, под которое надела белую шелковую блузку с коротким рукавом. Это одеяние полностью скрывало изящные контуры ее фигуры, так что Ник не посмеет обвинить ее в том, что она пытается соблазнить его. Вместе с тем оно смотрелось достаточно аскетично. Так что поведи он ее в какой-нибудь дорогой ресторан, Рейчел наверняка бы почувствовала себя неловко.

Вместе с последним ударом часов раздался звонок в дверь. Значит, он пришел вовремя. Впрочем, это не удивило ее, потому что еще в студенческие годы Ник отличался завидной пунктуальностью.

Рейчел встала и направилась к двери, по пути прижав руки к бешено стучавшему в груди сердцу, отчаянно желая, чтобы оно хотя бы на долю секунды замедлило свой безумный темп. Сделав глубокий вдох, она распахнула дверь. И тут же удивленно замерла.

На пороге стоял Ник – в брюках цвета хаки и белоснежной рубашке, великолепно контрастировавшей с его загорелым лицом и голубыми глазами. Вид у него был совершенно неотразимый.

Самое ужасное состояло в том, что в руках у него был букет чайных роз на длинных стеблях. Ее любимых.

Ник улыбнулся и протянул ей цветы:

– Если мне не изменяет память, это твой любимый сорт.

– Память ему действительно не изменила.

– Спасибо. Только ты это зря.

– Почему? – Неплохой вопрос.

– Видишь ли... это как-то слишком.

– Почему? Роз всего шесть.

– Я не о цветах. Я имею в виду музыкальную шкатулку. –

Перед такой улыбкой не устояла бы даже монахиня.

– Так ты ее получила? Отлично!

– Да, получила. Но я не могу оставить ее у себя, Ник. –

Улыбка моментально исчезла с его лица.

– Почему? Скажи!

– Потому что я больше не собираю такие вещи. – Ник на-

хмурился.

– Не собираешь? – переспросил он.

– Нет.

– Почему? Ты же любишь музыкальные шкатулки!

– Понимаешь, времена меняются, вкусы тоже.

Он попытался перехватить ее взгляд, но Рейчел старательно отводила глаза, изо всех сил стараясь не зашмыгать носом из-за утраты любимых вещей, которых она лишилась много лет назад. Взамен этих безделушек перед ней сейчас стоял тот первый и единственный мужчина, с которым ей когда-то пришлось расстаться. Ах, как давно это было...

Это было так неожиданно, так странно...

Она расплакалась.

– Рейчел! Что с тобой?

Она попыталась поспешно вытереть слезы, чтобы вновь ощутить себя надменно-спокойной Снежной королевой. Увы, это ей не удалось. Даже когда Ник положил розы на стол и схватил ее за плечи. Выражение его лица было испуганным и слегка озабоченным.

– Рейчел, что случилось?

– Нет... ничего.

– Да, конечно, я понимаю.

Ник обнял ее, и, слава Богу, в его объятиях она почувствовала себя удивительно приятно и спокойно. Пятнадцать лет независимой, самостоятельной жизни, конечно же, сказались на ней. И вот теперь она находится во власти его сильных нежных рук, в буквальном смысле опираясь на его надежное плечо, но, вместо того чтобы успокоиться, Рейчел разрыдалась еще сильнее. Господи, как только она могла проявить непозволительную слабость! Причем в присутствии человека, перед которым ни за что не следовало бы плакать.

– Успокойся, дорогая! Что бы ни было причиной твоих слез, давай поговорим, и вот увидишь, тебе станет легче.

– Я... мне... у меня вряд ли получится, – пролепетала она, понимая, что намочила слезами белоснежное великолепие его рубашки.

– Да нет же, непременно получится, вот увидишь! Ну, говори! Ты только начни, и слова польются сами собой!

Обняв ее за плечи, он довел ее до стоявшего в гостиной

дивана и бережно усадил. В следующее мгновение сам сел рядом с ней и снова обнял.

– Доктор Ник готов начать прием. Рассказывайте, мадам, что вас беспокоит! – шутливо произнес он.

– Ты.

Ник удивленно отпрянул.

– Я?

– Помимо всего прочего.

Он довольно долго пристально смотрел на Рейчел, затем подушечками больших пальцев смахнул слезинки с ее щек.

– Могу догадаться, что ты не знаешь, как со мной поступить. Я надеялся, что сегодня вечером мне удастся все исправить и я заслужу твое прощение. Но, как ты только что красноречиво заметила, что бы ни случилось в прошлом, это уже часть прошлого... Того, что случилось, видимо, уже не исправить. А что же еще случилось, Рейчел?

– Просто дело в том... что... – Слова давались Рейчел с трудом. – Ты напоминаешь мне о самом неприятном периоде моей жизни.

– Прости меня, Рейчел. Если сможешь, – понизив голос, произнес Ник.

Как ей хотелось возложить на него все беды прошлого! Чувство справедливости тем не менее не позволило ей это сделать.

– Дело не в одном тебе, Ник. Ты просто стал началом в цепочке несчастий. В то лето произошло много всего.

– Так что же тогда случилось?

Его вопрос привел Рейчел в замешательство. Стоит ли прямо сейчас ворошить прошлое? Да и действительно ли ей хочется вывалить на него целый ворох былых неприятностей?

– Рейчел, я понимаю, тебе по-прежнему больно вспоминать прошлое. Иначе ты бы не сидела здесь и не разбивала бы мне сердце слезами. Но может быть, все-таки лучше выговориться, а не держать все в себе? Может, так будет лучше?

Черт возьми. Точь-в-точь как и тогда в колледже, когда он почти что читал ее мысли.

– Тебе вряд ли будет интересно все это выслушивать, – ответила Рейчел. Странно. Ведь этот человек причинил ей когда-то такую душевную боль, но сейчас ей почему-то не хотелось расстраивать его своими горестными рассказами.

– Ошибаешься. Очень даже интересно. Как же я смогу искупить свою вину перед тобой, не зная всего?

– Но разве у нас не заказан где-то ужин или что-то в этом роде? – спросила она в последней надежде избежать малоприятного разговора.

Ник посмотрел на часы.

– Вообще-то да, но я могу изменить заказ. Антонио – мой хороший друг и пойдет мне навстречу. Ведь я сделал проект его ресторана.

– Так это ты построил ресторан «У Антонио»?

– Да, я.

– Это же лучший ресторан на свете!

Рейчел не преувеличивала. Кормили «У Антонио» фантастически, сказочно вкусно, но главным в его ресторане была атмосфера, которую порождала сама архитектура сооружения. В Джорджии ресторан «У Антонио» считался самым романтичным заведением. По всему штату о нем ходили настоящие легенды. Говорили, что именно «У Антонио» каждый вечер делается не менее трех брачных предложений и что уже не один десяток женщин отказали своим избранникам только потому, что те – вот уж кому явно не хватило романтики! – не додумались пригласить их в ресторан «У Антонио».

– Я рад, что он тебе нравится. Потому что туда мы и пойдем.

Неплохо. Очень мудро с его стороны – сначала музыкальная шкатулка, ее любимые розы, а теперь вот и самый изысканный и романтический ресторан в городе. Этот парень либо самый внимательный мужчина в мире, либо величайший ловкач и мошенник. Скорее всего последнее.

– О Ник! – прошептала она, чувствуя, что ее горло сжимается от волнения.

Он нежно провел пальцем по ее щеке.

– Я предлагаю следующее. Ты сделаешь для нас двоих по коктейлю, а я позвоню Антонио, и он назовет час, на который для нас будет заказан столик. Что ты на это скажешь?

Рейчел восприняла его предложение как новую возмож-

ность слегка отдалить нежелательный разговор, хотя и понимала, что это лишь временная отсрочка. По крайней мере это давало ей несколько драгоценных мгновений, чтобы окончательно решить, действительно ли стоит излить душу этому человеку, который все еще вызывал в ней самые противоречивые чувства.

– Похоже на план боевой операции, – сказала она, стараясь придать голосу как можно больше жизнерадостности. – Какой коктейль тебе приготовить?

– У тебя есть тоник?

– Конечно.

– Может быть, сделаешь водку с тоником?

Рейчел мысленно улыбнулась. Это был и ее любимый алкогольный напиток. Конечно, если учесть, как часто она прикасается к спиртному, то выходило, что пробовала она этот коктейль не больше четырех раз в год. Но если она все-таки решила собраться с духом и рассказать Нику все, что тот желает узнать, то немножко алкоголя не повредит, верно?

– Телефон вон там. Я скоро вернусь, – сказала Рейчел и отправилась на кухню, стараясь не удаляться слишком далеко. Интересно, что Ник будет говорить по телефону? Она услышала, что он сердечно, как старого приятеля, поприветствовал своего невидимого собеседника.

Поскольку Рейчел усомнилась в том, что Нику ответил сам Антонио, то она предположила, что он хорошо знаком с персоналом ресторана. Из этого напрашивался вывод, что

Ник бывает там довольно часто.

С женщинами?

С этим вопросом она разобралась, готовя коктейли, – просто решила больше не думать об этом. Во-первых, потому, что этот вопрос совершенно ее не касается. Во-вторых, потому, что вызывает неприятные ощущения.

Когда Рейчел вернулась в гостиную с двумя бокалами в руках, Ник при ее появлении широко улыбнулся и встал. Черт, какой он все-таки обаятельный и сексуальный! На груди у него по-прежнему выделялось мокрое пятно, оставленное ее слезами. Передавая бокал, Рейчел не удержалась и потрогала влажную ткань.

– Извини, я испортила тебе рубашку.

– Не стоит переживать по этому поводу, дорогая! Иногда бывают такие минуты, когда нужно хорошейко выплакаться кому-нибудь в жилетку.

Сомнительно, конечно, чтобы такому мужчине когда-нибудь в жизни приходилось плакать. Он был из тех, кого в жизни в избытке сопровождают ангелы-хранители. Настоящий любимец богов! Умный, красивый, удачливый.

– Не знаю, что это на меня нашло, – вздохнула Рейчел, удивляясь, что почему-то не чувствует себя подавленной. Она села и отпила из своего бокала. В напитке было очень мало алкоголя, но Рейчел тотчас ощутила его крепость, почувствовав, как ей сделалось тепло и спокойно.

Ник сел рядом с ней.

– Мне кажется, это признак того, что тебе нужно выговориться. – Он тоже сделал глоток и поставил бокал на столик.

– Ну, рассказывай, Рейчел.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Может, с самого начала?

Рейчел принялась разглядывать пузырьки на поверхности коктейля.

– С начала так с начала – сказала она, вздохнув. – Наверное, с того, как ужасно меня расстроило то, что ты скрылся, даже не попрощавшись.

– Ох.

Рейчел услышала, как он издал шумный вздох, но по-прежнему не поднимала на него глаз.

– Я сказал тебе правду, Рейчел, – не сразу отозвался Ник. – У меня действительно возникла серьезная проблема в семье.

– Я знаю. Пейдж мне подтвердила.

– Она тебе сказала? – Изумление, прозвучавшее в его голосе, заставило ее наконец поднять на него взгляд. Ник снова сделал большой глоток. – А она рассказала тебе о сути... о сути этой проблемы?

– Я не спрашивала. Она сказала, что твое внезапное исчезновение произошло исключительно по ее вине.

– Нет, совсем не так. Не было в этом никакой ее вины! Но это действительно было связано с ней. В ту пору она была

моей младшей, неопытной сестренкой. Я должен был отправиться ей на помощь, Рейчел.

– Я знаю.

– Ради Бога, извини меня. Я тогда просто не подумал о том, как ты это воспримешь. Я очень сильно волновался за нее.

– Хочешь верь, Ник, хочешь не верь, но я восхищена твоим отношением к сестре. Сейчас восхищена. Но тогда, сам понимаешь, я не знала, что и думать.

– Мол, весело покувыркались в постельке, а теперь чао! До следующего семестра, крошка! Ты так обо мне подумала? Рейчел не удержалась от смеха.

– Что-то в этом роде.

– Клянусь тебе, все было совершенно иначе, – сказал Ник, ставя бокал на стол. Взяв бокал у нее из рук, он поставил его рядом со своим и переплел свои и ее пальцы. – А что было дальше?

– Ну, примерно через месяц я решила, что меня по непонятной причине отвергли. Я продолжала упрямо ждать, что ты позвонишь мне, расскажешь о том, как тебя похитили бандиты, но потом ты сбежал от них и долго пробирался через джунгли Борнео, лишь бы поскорее вернуться ко мне.

Ник состроил забавную гримасу.

– Увы, со мной не произошло ничего, даже отдаленно похожего на такое романтическое приключение.

– Затем я наконец решилась посмотреть правде в глаза.

И пришла к выводу, что мне в чем-то даже повезло: я повзрослела, и судьба вовремя преподала мне неплохой урок. И я сумела справиться с первой неудачей в своей жизни и сделать правильные выводы. Я все-таки выжила. Но вот однажды в моем доме раздался, – в этом месте голос Рейчел дрогнул, – телефонный звонок.

Ник почувствовал, как напряглись ее пальцы, но не стал ничего говорить.

Рейчел с трудом проглотила застрявший в горле комок.

– Звонил старинный друг нашей семьи. Док Уилберн. Он... он позвонил и сказал, что скоро придет ко мне. Он не объяснил почему, но я догадалась, что он придет с недобрыми вестями.

– Господи!

Рейчел кивнула, подумав, что было бы неплохо, будь у нее такие же длинные, как и в студенческие годы, волосы. Они закрыли бы ей лицо, спрятав от посторонних взглядов блеснувшие в глазах слезы.

– Он пришел вместе с шерифом. И я все поняла – по одному лишь выражению их лиц.

– Что-то случилось с кем-то из твоих родителей? Болезнь? – попытался угадать Ник почему-то с надеждой в голосе, и Рейчел моментально поняла, что он надеялся на благополучный исход.

Встретив его взгляд, она отрицательно покачала головой.

– Оба. Погибли. В авиакатастрофе.

– О Боже! – воскликнул Ник и обнял ее. – Мне очень жаль, Рейчел.

Она глубоко вздохнула, уловив пьянящий аромат здоровой мужской кожи. Этот запах показался ей удивительно знакомым. Оказывается, она все еще его не забыла. Правда, сейчас к нему прибавился аромат туалетной воды с легким запахом сандалового дерева.

– Мне тоже.

– Как тебе, должно быть, было тяжело.

– Да.

Его тело напряглось.

– Ну почему в те минуты меня не было рядом с тобой! – Рейчел усмехнулась уголком рта.

– Откуда тебе было знать?

Он поднял ее подбородок, и теперь их глаза находились на одном уровне.

– В том-то и дело. Мне следовало об этом знать. Мне следовало во что бы то ни стало не терять контакта с тобой.

– Все эти «следовало бы» – из области фантастики, Ник.

Он какое-то время продолжал смотреть ей в глаза, затем сокрушенно покачал головой.

– Чему ж тогда удивляться, что ты едва ли не ненавидишь меня.

– Зачем же мне тебя ненавидеть? – совершенно искренне произнесла она.

Как бы она ни сердилась на Ника все эти годы, сейчас она

не чувствовала ненависти к нему. Ведь каким искренним и сердечным было его сочувствие по поводу гибели ее родителей. К тому же теперь Рейчел точно знала, что его внезапный отъезд был вызван срочной необходимостью ехать на выручку родной сестре – видимо, Пейдж тогда действительно угодила в серьезную беду.

– Ты имеешь полное право говорить так, – негромко сказал он.

– Все это слишком непросто.

Ник посмотрел на нее и мрачновата улыбнулся.

– Могу обещать тебе вот что – я буду делать все, что ты пожелаешь. Не знаю, сколько времени потребует, чтобы заслужить твое прощение, но я непременно сделаю так, что ты меня простишь.

– Это вовсе не обязательно.

– Нет-нет, ты не права, это обязательно. – Ник погладил ее по волосам. – Почему ты так коротко подстриглась? У тебя раньше были чудесные длинные, невообразимо длинные волосы.

– Армия, – коротко объяснила Рейчел, чувствуя, что даже одно-единственное слово и то далось ей с трудом. Его прикосновение было столь приятным, что ей захотелось застывать от удовольствия. Вопреки разуму ее тело автоматически отзывалось на мужскую ласку. Странно. Ведь ей следовало бы совершенно иначе реагировать на человека, который когда-то нанес ей столь болезненные душевные раны. Почему

она испытывает к нему совсем не те чувства – наверное, одна из великих загадок человеческого бытия.

– А что заставило тебя пойти на армейскую службу? – Набравшись решимости, Рейчел одним духом выложила всю правду:

– Потому что мне ужасно захотелось стать врачом.

– Но ты же прекрасно училась в нашем Технологическом!

Рейчел осторожно высвободилась из объятий и, потянувшись к столу, взяла бокал.

– Мои родители оставили кучу долгов, Ник. Говоря начистоту, они были по уши в долгах.

– Черт возьми!

– Док Уилберн был вынужден сообщить мне и об этом. Он был душеприказчиком моих родителей.

– Ну а как же стипендия? Ты же была прекрасной студенткой! Я поверить не могу, что ты могла ее лишиться.

Рейчел грустно покачала головой.

– После того как за долги пришлось отдать дом и землю, я все еще оставалась должна некоторую сумму. Док Уилберн предлагал мне взять немного денег у него, но этого я не могла себе позволить. Потом он как-то раз в разговоре обмолвился, что армия оплатила его образование. И мне в голову пришла блестящая мысль – уж коли правительство практически обобрало меня до нитки, то почему бы не сделать так, чтобы оно оплатило мне диплом врача?

– Что б ему тоже воздалось? – Рейчел усмехнулась:

– Наверное.

– Можно задать тебе нескромный вопрос?

– Можно. Конечно.

– Ты действительно продала свою коллекцию музыкальных шкатулок?

Рейчел ответила не сразу. Ответ дался ей нелегко.

– В те дни она была для меня непозволительной роскошью.

Ник прикоснулся к ее щеке.

– О Боже, Рейчел. Извини меня еще раз.

Неожиданно для самой себя Рейчел смутилась. Почувствовала, как кожа ее вспыхивает от его прикосновений. Она попыталась отодвинуться, но Ник не позволил ей.

– С тех пор я жила самостоятельно, – вздохнув, произнесла она, – Ведь жизнь берет свое. Но сегодня вечером... увидев тебя... я не знаю. Как будто из глубины моей души вырвалась боль, что таилась там до этой минуты.

– Я рад, что ты доверилась мне и все рассказала. Ты больше никогда не будешь одинока.

Рейчел внимательно посмотрела на него.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что теперь я здесь и никуда не собираюсь уезжать.

– Но ведь прошло столько лет.

– Столько лет было потеряно зря. В этом ты совершенно права. Нам предстоит многое наверстать.

– Послушай, Ник...

В ответ он ладонью закрыл ей рот.

– Сейчас я скажу тебе то, что должен был сказать еще пятнадцать лет назад. Ты можешь мне не верить, но я все равно скажу, а ты должна спокойно выслушать меня. Хорошо?

Чуть помедлив, она кивнула.

Ник кивнул ей в ответ, снова взял ее за руку и, сделав глубокий вдох, продолжал:

– Пятнадцать лет назад я встретил одну юную женщину, от которой просто потерял голову. Она была ужасно умной и немного смешной, одновременно такой стеснительной и жизнерадостной. Она была также терпеливой и очень доброй и отдавала мне всю себя без остатка.

– Попрошу без шуточек!

– Пожалуйста, не перебивай меня! – Рейчел поджала губы.

– И чем больше я ее узнавал, тем больше она нравилась мне. И причем не как товарищ или наставник, а как женщина. К концу семестра я уже изнемогал от желания, я так ужасно хотел ее. Но она была так мила, так наивна и, я готов поклясться, совершенно неопытна в делах любви.

Рейчел собралась было что-то ответить, но промолчала, наткнувшись на его серьезный предупреждающий взгляд.

– Та последняя ночь, Рейчел... Все произошло не потому, что мне хотелось отблагодарить тебя за помощь по биологии, а потому, что я не смог удержаться, чтобы не поцеловать тебя, и когда ты ответила на поцелуй, я понял, что пропал. Я был просто в ужасе от того, что ты оказала мне такую

честь. И знаешь еще что? И до того, и после занятия любовью не приносили мне такой радости. Никакая другая женщина не способна и близко сравниться с тобой! Та ночь, она была восхитительна, как сказка!

– О Ник! – вырвалось у нее, и она почувствовала, как на глаза снова навернулись слезы. Она доверчиво прижалась к его груди.

– Мои родные всегда спрашивают меня, когда же я собираюсь жениться. Я им постоянно отвечаю, что когда найду единственную для меня женщину. Мне почему-то кажется, что я ее нашел. Нашел когда-то давно, а затем потерял на долгие годы. Но благодаря судьбе она снова вернулась в мою жизнь. И я ни за что не прошу себе, если не смогу удержать ее. Для этого я сделаю все, что только в моих силах. По крайней мере попытаюсь...

Его слова стали последней каплей, переполнившей чашу терпения и сдержанности. Рейчел снова разревелась. Ник продолжал нежно, как ребенка, обнимать ее, давая возможность выплакаться.

Рейчел утратила представление о времени, забыв, сколько минут или часов она сидит вот так, рядом с ним, уткнувшись носом в его широкую грудь. Когда она перестала плакать, Ник погладил ее по спине и прошептал:

– Умоешься, прежде чем отправляться к Антонио? – Рейчел отрицательно покачала головой.

– Так ты готова идти?

Она снова покачала головой. Ник испуганно покосился на нее.

– Надеюсь, ты не собираешься выставить меня отсюда?

– Нет, совсем нет.

– Тогда что, Рейчел? Чего ты хочешь?

Поскольку она уже совершенно безнадежно испортила ему рубашку, то, прежде чем поднять голову и посмотреть на него, Рейчел промокнула об нее слезы.

– Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью.

На какой-то миг Ник потерял дар речи. Затем высвободился из ее объятий, и Рейчел почувствовала, как тотчас лишилась его тепла и исходившей от него спокойной силы. Неужели он снова собирается оттолкнуть ее? После всех этих прекрасных слов? После этих высоких чувств?

– Извини, дорогая. Я на секунду отвлекусь, – сказал Ник и потянулся за телефонной трубкой. Набрал номер и не сводя с нее глаз, он произнес: – Бобби? Это снова Ник Харт. Скажи Антонио, что я прошу прощения, но мне придется отменить заказ. Всего доброго!

После того как прошло еще десять ночей, Росс и Пейдж занимались уже не одним только изучением бейсбольных правил. Одну ночь, например, он обучал ее премудростям футбола. В следующую она растолковала ему все тонкости игры в теннис. Но наиболее продуктивным оказалось освоение теоретических основ хоккея, потребовавшее недюжин-

ной физической подготовки.

Пейдж очень быстро сделалась любительницей спорта. Однако, несмотря на то что их ночи были полны страсти и огня и она с нетерпением дожидалась наступления сумерек, ее не оставляло странное ощущение ущербности этих ночных часов. Хотя толком объяснить это она не могла. Впрочем, нет, могла, ей просто не хотелось об этом задумываться.

Но если она не откровенна сама с собой сейчас, то позднее ее постигнет большое разочарование. А учитывая то, что она когда-то перенесла потрясение, нового горя ей не выдержать.

Росс не любил ее. Он дал ей это понять в последние несколько ночей. Нет, конечно, он ни словом не обмолвился об этом. Он ведь не сказал ей прямо в лоб: «Пейдж, дорогая, я не люблю тебя, но давай мы с тобой немного покрутим любовь. Не желаешь ли сыграть в сквош?» Нет, она была бы круглой душой, если бы приняла их страсть за любовь.

В конце концов, Росс ведь ничего не знал о ней до тех пор, пока они не оказались вместе в одной больничной палате. Впрочем, формально это не совсем верно – все-таки они провели долгие часы в разговорах, рассказывая о себе, обмениваясь мыслями, взглядами на жизнь и прочим. И все же Росс никогда не назначал ей свидания, они никогда не были друг у друга в гостях.

Ну а кроме того, ни в одну из ночей их плотских утех Росс ни разу не упомянул о своей любви к ней. В минуты страсти даже профессор Стенгал клялся ей в вечной любви. Если,

конечно, все это можно было назвать страстью. Она-то сама очень быстро поняла, что Стенгалу неведомо, что такое настоящая страсть.

Что касается Росса, тот был истинным воплощением страсти. Может, он просто не хочет излишне распространяться на темы любви. Может, она действительно нравится ему, и он уж точно – в чем Пейдж ничуть не сомневалась – страстно желает ее. Впрочем, все это наверняка вызвано вирусом любви, провоцирующим сексуальное влечение. После того как их вылечат и они покинут больничные стены, Росс скорее всего будет и дальше встречаться со своей красоткой фотомodelью.

Истолковать проведенное ими вместе время как нечто серьезное было бы второй по значимости глупой ошибкой, которую она совершила бы в своей жизни. И хотя Пейдж страшилась мысль о том, что их связь подходит к концу, все-таки в один прекрасный день она должна завершиться. Если ей повезет и их обоих окончательно вылечат, воспоминания о ночах, проведенных с Россом, станут для нее не больше чем просто памятью о приятных минутах ее жизни. А она... она будет жить дальше, став немного мудрее и опытнее.

После того как их выпустят отсюда, будет разумнее всего расстаться. Навсегда.

Пейдж поймала себя на том, что одна мысль все же никак не дает ей покоя. Мысль, вернее, надежда, что вирус поселился в них обоих надолго, а может, и навсегда.

Глава 13

На утро четырнадцатого дня пребывания в больничной неволе Пейдж, к своему ужасу, увидела, как в палату входит Рейчел Тернер – на сей раз без своей обычной брони, защищающей от всевозможных коварных вирусов.

– Доброе утро! – жизнерадостно поприветствовала она Пейдж и Росса.

– Доброе утро! – автоматически ответили те. Бросив украдкой взгляд на своего «сокамерника», Пейдж заметила, что тот выглядит не менее озадаченно, чем, видимо, и она сама.

Помимо растерянности, Пейдж заметила в нем и еще кое-что. Не обязательно разочарование, хотя немалая толика этого во всем его облике все же читалась. Как и в ней самой. Что было абсолютно смешно. Смехотворно. Ей-то следовало радоваться их выздоровлению. Пейдж была полна решимости возликовать.

– Можете собирать свои вещи. Вы свободны.

– Вы это серьезно? – спросил Росс голосом, в котором не слышалось особой радости.

– Абсолютно. Анализы, сделанные в ЦКИЗе, подтверждают, что вы совершенно здоровы и вас незачем больше держать в изоляторе. Можете возвращаться в обычный, нормальный мир.

– Это... замечательно, – выдавила из себя Пейдж.

– Да, замечательно, – безрадостным эхом отозвался Росс.

Рейчел скрестила на груди руки и внимательно посмотрела на обоих, теперь уже бывших пациентов. До нее стало доходить истинное положение вещей.

– Если я не ошибаюсь, вы не слишком-то рады освобождению из плена – не скачете, не прыгаете от восторга. Что-то я вас не узнаю. – Она помахала рукой перед их лицами. – Эй! Вы меня слышите? Я говорю вам, что вы свободны. Можете отправляться домой. На свободу.

Пейдж моргнула.

– Да, конечно! Да. Это великолепная новость!

– Просто фантастика! – согласился Росс.

От его слов Пейдж сделалось грустно, уж ей-то известие доктора Тернер фантастикой не показалось. Нет, конечно, ей хочется домой. Даже злейшему врагу не пожелаешь провести взаперти целые две недели, ограничиваясь взглядом на мир из больничного окна.

Да, вид на Атланту из этого окна был не слишком радостен. Однообразие угнетает! Что же касается выхода на долгожданную свободу, можно подумать, они не знали, что пребыванию на карантине когда-то придет конец. После выхода из больницы каждый неизбежно вернется к своим повседневным заботам.

Именно этого ей и хотелось все эти дни. Как она мечтала поскорее вернуться к адвокатской практике, вместо того

чтобы бесконечно глазеть в экран телевизора или играть в «монополию»! Обычно она проводит дни с большей пользой.

А вот ночи...

Пейдж тряхнула головой и попыталась не думать о ночах, проведенных в больнице. Прежде чем началось это сумасшествие, у нее не было проблем со здоровым сном. Да, сначала она испытывала чувство одиночества, но затем сознательно отказалась от него. Ей нравилась независимость, возможность делать то, что она хочет, не спрашивая ни у кого разрешения. Нет, все-таки это действительно было восхитительно. Сказочное время! Пейдж поклялась себе, что будет и дальше так поступать.

– ...вы можете забрать с собой все ваши вещи, – донесся до нее голос Рейчел Тернер, и Пейдж поняла, что, пытаясь убедить себя в том, как безумно она счастлива, прослушала начало фразы.

– Но мне казалось, что нам не разрешат забрать с собой вещи. Вы же сами так говорили, – произнес Росс.

– Мы бы запретили это только в том случае, будь вы действительно инфицированы, мистер Беннет.

– Значит, мы не были инфицированы? – еле слышно проговорила Пейдж. Как же так? Последние десять ночей они только тем и занимались, что отчаянно пытались облегчить симптомы друг у друга. Значит, дело вовсе не в вирусе...

– Если исходить из данных ваших анализов, вы абсолютно

здоровы.

Пейдж взглянула на Росса: выражение его лица оставалось непроницаемым.

– Значит, мы в любую минуту можем уйти отсюда?

– В любую минуту. Совершенно верно.

– Здорово! – сказала Пейдж.

– Замечательно! – отозвался Росс.

– Восхитительно!

Пейдж скрестила на груди руки.

– Это лучшая новость за последние две недели.

– За последние годы.

Отлично. Раз так, она безжалостно отколошматит его, как только доктор выйдет из палаты. Росс энергично пожал руку Рейчел:

– Спасибо вам огромное за все, доктор! – Рейчел рассмеялась:

– Ну конечно, я уверена, что вы оба от меня в восторге!

– Пейдж внимательно посмотрела на врача. Несмотря на то что они впервые получили возможность так близко увидеть ее без защитного обмундирования, что-то в облике Рейчел Тернер показалось ей несколько необычным. Что именно, этого Пейдж сказать не могла. Может быть, она просто счастлива оттого, что наконец пришло время сообщить им радостную весть об их освобождении из больничного «заключения»? Кстати, врач была крайне удивлена, когда неделю назад пришла к ним и сообщила, что освободилось несколь-

ко больничных палат и они могут перебраться в отдельные помещения, а в ответ на это и Росс, и Пейдж промямлили что-то невнятное, что, мол, не хотели бы причинять беспокойство медицинскому персоналу.

В следующее мгновение в тамбуре за стеклянной перегородкой возник Ник и приветственно помахал рукой. Рейчел подошла к перегородке и щелкнула кнопкой интеркома.

– Доброе утро, мистер Харт!

– Доброе утро, доктор Тернер! – ответил Ник. Почему-то и голос, и выражение его лица по контрасту с блестящими голубыми глазами были поразительно серьезны. – Как чувствуют себя наши пациенты?

– Почему бы вам не зайти к ним и самому не убедиться?

– Так с ними все в порядке? Они здоровы?

– В порядке. Здоровы.

Ник расплылся в улыбке и, ворвавшись в палату, сжал Пейдж в своих медвежьих объятиях.

– Привет, сестренка! Готова возвратиться домой? –

Пейдж немного отстранилась и посмотрела брату в глаза.

– Откуда ты узнал, что меня выписывают именно сегодня?

– Ну... видишь ли... прошло уже две недели, так что я... это самое...

Пейдж засомневалась – не обман ли это зрения? Неужели ее брат покраснел?

– Ваш брат сегодня утром позвонил, чтобы узнать результаты последних анализов, – явно пришла на выручку Нику

доктор Тернер.

Ник произнес в ответ на это что-то нечленораздельное. Пейдж показалось, что за необычным поведением брата кроется что-то неладное. Однако найти объяснение этому предположению она так и не смогла. Сейчас ей нужно было продемонстрировать окружающим, что она ужасно рада покинуть больничные стены, а также навсегда расстаться с Россом Беннетом. Ник выпустил ее из объятий и сказал:

– Тебе помочь собрать вещи? Я тут подогнал пикап, чтобы забрать все сразу за один рейс.

– Это ты умно придумал. Просто замечательно, – повторила Пейдж уже, наверное, в десятый раз после того, как в палату вошла доктор Тернер. Причем с одинаково восторженной интонацией.

К счастью, в разговор вмешалась Рейчел, и Ник не заметил этой деланной восторженности.

– Извините, но мне придется оставить вас. У меня еще обход других больных. Так что занимайтесь сборами сами.

Она собралась выйти из палаты, но Ник остановил ее, произвольно взяв за руку.

– Подождите!

Затем смущенно улыбнулся и обменялся с ней энергичным, сердечным рукопожатием.

– Мне хотелось бы поблагодарить вас за все, что вы сделали для моей сестры!

Замешкавшись на какое-то мгновение, Рейчел также от-

ветила ему рукопожатием.

– Не за что. Хотя, как мне кажется, я сделала нечто большее, нежели просто лишила этих двоих небольшого количества крови.

Рукопожатие продлилось чуть дольше, чем того требовали формальные приличия. Пейдж еле сдержалась, чтобы не лягнуть брата в лодыжку.

После того как Ник все-таки выпустил руку Рейчел, та поспешно вышла из палаты, оставив Ника с Пейдж и Россом.

Пейдж дорого бы заплатила за возможность узнать, о чем сейчас думает Росс, поспешно отвернувшийся и занявшийся сбором вещей. Свои действия он сопровождал негромким посвистыванием. Пейдж последовала его примеру и на все вопросы брата отвечала коротко и односложно. Упаковав чемодан и поставив его на пол, она протянула Нику портативный компьютер-лэптоп и попросила готовить машину к отъезду, а она пока себе оет еще кое-какие мелочи. Собрать вещи она не перестала и после того, как за братом закрылась входная дверь. В следующее мгновение ее коснулась рука Росса.

– Что такое? – поспешно обернулась к нему Пейдж.

– Похоже на то, что все обошлось.

– Да, похоже.

– Приятное известие, правда?

– Наилучшее.

– Почему же ты на меня злишься?

– Не злюсь я на тебя.

– Нет, злишься, и еще как!

Пейдж огромным усилием воли заставила себя улыбнуться. Точнее, изобразить улыбку.

– С чего бы это мне злиться на тебя? Я так за тебя рада, ведь сегодня ты услышал самую радостную весть за все эти годы. Или вообще за всю жизнь. – В ее голосе прозвучало самое настоящее ехидство, но она была просто не в состоянии сдержаться или хоть как-то замаскировать свое раздражение.

– Послушай, я не единственный здесь, кто радуется нашему долгожданному освобождению из больничной неволи!

Как с этим поспоришь! Тем более когда горло сжато судорогой, за которой должны последовать горькие рыдания. Целых десять ночей они дарили друг другу самое сокровенное из всего, чем только можно одарить другого человека. Как безмятежно она забыла обо всех тревогах мира, приписывая эту радостную безмятежность воздействию вируса! Ей казалось, что мужчина и женщина не смогли бы испытывать такое блаженство без присутствия у них в крови стимулятора, усиливающего чувственное влечение.

Чем же тогда объяснить их взаимное притяжение, если не было никакой инфекции? Пейдж не хотелось даже задумываться об этом.

– Как ты думаешь? – спросил Росс. – Получается, что мы

даже не были инфицированы. И нас на две недели посадили на карантин из самой обычной предосторожности.

– Да, но все выглядело так, словно мы и впрямь заразились вирусом.

– Тогда выходит, что медики там, в лаборатории, сказали неправду? Ошиблись?

– Все может быть. Возможно, для выявления этого вируса они еще не научились делать правильные анализы. И поэтому им кажется, что мы здоровы.

Росс со скептическим видом посмотрел на нее:

– Ты так думаешь, потому что боишься признаться самой себе, что мы понравились друг другу без всякого там вируса тибетского монаха!

– Да. Ты прав.

Росс молчал. Повисла настолько долгая пауза, что Пейдж почувствовала себя неловко. Но Росс заговорил снова:

– Послушай, давай немного поразмышляем вслух. Мне кажется, что поскольку мы сейчас с тобой расстаемся и каждый будет жить теперь своей собственной жизнью, то будет лучше, если мы забудем обо всем, что здесь было.

Легко сказать. У Пейдж возникло ощущение, что ей понадобится полная фронтальная лоботомия, чтобы навсегда забыть Росса Беннста и то, что было между ними.

– Вполне может статься, – добавил Росс, пожав плечами, – если мы все же инфицированы, то начнем получать удовольствие с кем угодно.

Пейдж совсем не понравилась мысль о том, что Росс мог бы оказаться в объятиях другой женщины. Уж чего-чего, а этого она ни за что не допустит.

– А может, действие вируса уже закончилось и мы с удовольствием вернемся к воздержанию.

Пейдж поспешно ухватилась за эту идею.

– Верно! – воскликнула она. – Так оно и будет! Как только мы покинем больницу, жизнь снова войдет в нормальное русло!

Едва успев закончить эту фразу, Пейдж почувствовала, насколько фальшиво прозвучали ее слова.

Росс схватил ее за руку и, поднеся ее указательный палец к своим губам, облизнул его. Пейдж едва не застонала от удовольствия.

– А что ты скажешь на такое предложение, – сказал он, по-прежнему не отпуская ее руки, – взять два-три дня отдыха, чтобы понемногу привыкнуть к повседневной рутине, доделать срочные дела, а затем пообедать в ресторанчике и посмеяться вволю над нашим, теперь уже прошлым, пребыванием на карантине. Ну, так как?

Поскольку предложение звучало слишком соблазнительно, Пейдж отрицательно покачала головой:

– Не думаю, что это удачная идея. А что, если с нами случится рецидив?

– Ну, не будем исключать такой вероятности.

В том, что касалось Пейдж, это скорее не вероятность, а

вполне реальное развитие событий. Ведь стоило ей оказаться лицом к лицу с Россом, как этот змей явил собой соблазн в чистом виде. Нет, нет, если хочешь навсегда выбросить его из головы, лучше свести к нулю любые личные контакты.

– Я так не считаю.

– Ну, как скажешь.

– Скажу. – «И не важно, согласна я сама с собой или нет».

Отпустив наконец ее руку, он вымученно улыбнулся. Ее бедное сердце было готово разбиться на части: она никогда не сможет выбросить его из головы.

– Желаю тебе приятных сновидений, Пейдж Харт. Сегодня ночью и всегда.

– Вид у тебя кошмарный, – бесцеремонно сообщила Пейдж ее офис-менеджер Бетти Найлз, когда она на следующее утро переступила порог своего офиса.

– Я тоже рада видеть тебя, Бетти.

Бетти беспечно помахала в ответ увешанной браслетами рукой.

– Я думала, что тебе пойдут на пользу две недели отдыха. Но у тебя такой вид, будто ты дни и ночи напролет не смыкала своих прекрасных глаз!

Бетти была человек опытный и проницательный. Хотя Пейдж действительно практически не спала большую часть ночей своего карантина, в это утро она чувствовала себя удивительно свежей и помолодевшей. Причиной того, что вы-

глядела она, по мнению Бетти, как ходячая смерть, была как раз последняя, вчерашняя ночь.

«Приятных сновидений». Легко сказать! Вчера ночью Пейдж так и не сомкнула глаз. Она была настолько возбуждена и полна сил, что фактически даже не прилегла. Она расхаживала по всему дому, пыталась разобрать накопившуюся за время ее отсутствия почту, наводила повсюду порядок, вытирала пыль, убирала паутину, смотрела по телевизору «Трех бездельников». Ничто не помогло ей, даже попытка собрать мозаику из тысячи фрагментов.

В четыре часа она сдалась окончательно, признавшись себе, что отвыкнуть от ощущений десяти последних ночей она не в состоянии. Ночи, проведенные в постели с Россом, сделали из нее своего рода наркоманку. Она окончательно и бесповоротно кое к чему пристрастилась. Не к Россу, конечно, а к сексу.

До этого она даже не представляла себе, что значит засыпать в объятиях мужчины. Противный профессор Стенгал никогда не позволял ей оставаться у него на ночь, мотивируя это тем, что жутко храпит и не желает превращать ее сон в пытку. Как выяснилось позже – слишком поздно! – он просто не желал превращать в пытку сон своей законной супруги, опасаясь, как бы та не пронюхала о существовании юной любовницы.

А вот просыпаться в объятиях крепких мускулистых рук Росса было чертовски приятно. К этому Пейдж привыкла

очень быстро.

Кроме того, следовало признать и еще одну истину. Независимо от того, что Росс – снова и снова – старался доставить ей удовольствие, она, обессиленно погружаясь в сон, всякий раз испытывала какую-то непонятную опустошенность. Причину этого ей все никак не удавалось выяснить. Единственный вывод, какой Пейдж смогла для себя сделать, состоял в следующем: не слишком похоже, чтобы ее так сильно тянуло к мужчине, которого она совершенно не любит.

– Космический корабль приземлился, – донесся до нее сквозь пелену эротических мыслей голос.

– Что?

В следующее мгновение она увидела перед собой Бетти. Та обогнула письменный стол и легонько постучала по ее виску.

– Пора выходить на поверхность планеты Земля, босс!

Приземление Пейдж совершила и, слава Богу, коснулась поверхности Земли благополучно, без аварии и пожара. Пока что.

– Я вернулась, – сказала она, проведя ладонью по лбу.

– А где же ты была?

– Наверное, я просто сплю на ходу, – увильнула от правдивого ответа она.

– Почему бы тебе не отдохнуть денек-другой, Пейдж? Отправляйся домой. Сделай себе вдоволь коктейля с мятным ликером. Закажи себе новый модный гардероб в «Саксе».

Лично мне это всегда помогает.

Мысль о коктейле прозвучала многообещающе. Коктейль – это неплохо. Только вместо мятного ликера она остановит свой выбор на водке и вермуте.

– Сколько человек записалось сегодня на прием?

– Ни одного. Я не знала точно, когда тебя отпустят, и поэтому на сегодня и завтра никого не записывала. Хотя готова поспорить, что прямо сейчас сюда ворвется твоя дорогая кузина Жасмин, – ответила Бетти, показывая большим пальцем себе за спину. – Она будет здесь через три... две секунды...

Стеклянная дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Жасмин, распространяя вокруг себя густой аромат дорогих духов.

– Пейдж!

Пейдж горестно вздохнула, покоряясь судьбе.

– Привет, Жасмин!

– Нам срочно нужно поговорить, Пейдж! – Верная Бетти кинулась боссу на выручку:

– Прошу прощения, но я не помню, чтобы вам было назначено на сегодня!

Кому-нибудь другому Жасмин, безусловно, нашлась бы что ответить, но только не Бетти Найлз. Не зря же та являлась своего рода королевой высшего общества Атланты. Даже такая настырная особа, как Жасмин (о чем прекрасно знал ее бывший муж Карл Пейтон), предпочитала не сталки-

ваться с ней лбом.

– О да, конечно, – забормотала она одновременно с шелестом своих шелковых одеяний и звоном браслетов. Ее темно-рыжие волосы были перехвачены бриллиантовыми заколками. – Вы можете записать меня на самое ближайшее время?

Бетти сделала вид, что перелистывает свой рабочий блокнот.

– Хорошо. Что вы скажете, если я запишу вас на следующую среду, на два часа дня?

– Пе-е-йдж! – простионала Жасмин.

Пейдж изо всех сил постаралась сдержать улыбку, следя за действиями Бетти. Ее офис-менеджер относилась к своим служебным обязанностям абсолютно серьезно. По неоспоримому мнению Бетти, ее главная обязанность состояла в том, чтобы выступать в качестве буфера между Пейдж и многочисленными бесцеремонными членами ее семьи. И с этой обязанностью она справлялась безукоризненно.

Пейдж посмотрела на часы.

– Знаешь, Жасмин, мне кажется, я смогу найти для тебя пару минут, но только если ты будешь предельно краткой. У меня накопилось ужасно много работы, и нужно как можно скорее наверстать упущенное за время болезни.

– Я все быстро тебе расскажу.

– Тогда позволь, я налью себе кофе. Ты тоже будешь?

– Кофеин вреден для кожи, Пейдж, – не преминула вы-

сказать свое мнение Жасмин.

– А я воспользуюсь суперувлажняющим кремом. Давай проходи и садись!

Пейдж закинула повыше на плечо ремень сумки, в которой лежал ее ноутбук, и шагнула вслед за кузиной через порог своего кабинета. Обернувшись, она с улыбкой сказала Бетти:

– Да, как все-таки здорово вернуться на родную работу!

Росс был подавлен. Совсем недавно он все на свете был готов отдать, чтобы поскорее выбраться из ненавистной больницы, в которую угодил по дурацкой случайности. Сейчас же, на следующий день после выписки, когда он наконец оказался дома, свобода представилась ему далеко не такой привлекательной и желанной, как пару недель назад.

Что же такое с ним случилось? Вопрос явно риторический. Можно подумать, он не знает, что с ним происходит. Он больше никогда не увидит Пейдж, разве что случайно, по служебной, так сказать, необходимости. В общем-то он и не ожидал, что она примет его предложение увидеться после выписки из больницы, так что ее отказ не слишком удивил его. Что действительно стало для него сюрпризом, так это что он так мучается. А спустя примерно сутки после того как он покинул больничные стены, эти мучения грозили заслонить для него весь остальной мир.

Любимая, королевских размеров кровать под балдахии-

ном, занимавшая большую часть пространства спальни, уже не казалась ему по-прежнему манящей. Она была огромной и холодной. И пустой. От этой мысли на душе сделалось тоскливо. Нет, вряд ли он влюбился в Пейдж за эти две недели. Во всяком случае, он так не думал. Она, конечно, очень ему нравилась, он хорошо общался с ней, и, безусловно, было чрезвычайно приятно заниматься с ней любовью. Любовью ли? Нет.

Росс даже выпрямился в кресле, когда ему в голову пришла эта мысль. В техническом плане они еще не занимались любовью. Нет, они, конечно же, дарили друг другу наслаждение. Но сейчас, как и две недели назад, он все еще сомневался, что до конца осознает, что такое обладать ею, чувствовать настоящую близость с ней.

Может, в этом все дело. Их взаимоотношения и вправду еще не закончены, не достигли своей высшей точки. Россу всегда нравилось доводить любое дело до логического конца. И по-видимому, неудовлетворенность, которую он испытывает, и вызвана тем, что он еще не принял в отношении Пейдж окончательного решения.

Конечно, шанс добиться ее сейчас невелик. У Росса возникло ощущение, что, скажи он ей о том, что будет удовлетворен, лишь когда они доведут игру до конца, Пейдж рассмеется ему в лицо или отвесит пощечину.

Помня о том, какой энергичной и страстной Пейдж была в больнице, он не мог понять, почему она решила по выходе

на свободу окончательно прервать их отношения. Если, конечно, она не пришла в страшное смущение, вспомнив, насколько далеко они зашли.

Росс постучал шариковой ручкой по столу, пытаясь составить что-то вроде плана предстоящих действий. Ведь в их обоюдных интересах довести их взаимоотношения до логического завершения. Но как ни гордился Росс своей сообразительностью, никакого подходящего решения он сейчас найти не мог. Прийти к ней домой и прямо с порога заявить: «Как насчет этого дельца?» Нет, не сработает. Попытка пригласить ее в какой-нибудь ресторан тоже вряд ли увенчается успехом. Можно, конечно, похитить ее. Мысль неплохая, но не следует забывать, что Пейдж все-таки юрист. Не успеет Росс глазом моргнуть, как она отправит его за решетку.

– Черт возьми, – пробормотал он вслух. Затем вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате. Что же делать? Как избавиться от тоски? Выбросить Пейдж из головы? Завести роман с какой-нибудь другой, более уступчивой женщиной?

Вполне достижимо, но не слишком интересно. Именно с Пейдж он еще не закончил столь увлекательно и оригинально начавшийся роман. Именно ее он и должен добиться.

Раздался зуммер интеркома, и Росс с радостью ухватился за возможность немного отвлечься от тревожных мыслей. Он бросился к столу и нажал кнопку.

– Да, миссис Уиппл! Я слушаю!

– На второй линии сейчас Пейдж Харт. – Росс почувствовал, как у него участился пульс.

– Благодарю вас! – Он сделал глубокий вдох и переключился на вторую линию. – Ну что, мисс Харт, – произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно небрежнее. – Уже успели соскучиться по мне?

– Вам, наверное, приснилось это, Беннет.

В том-то и проблема. Снов он не видел, потому что урывками спал этой ночью в общей сложности не более десяти минут.

– Чем могу быть полезен? – «Кроме того, что умираю от желания тебя увидеть».

– Твой клиент снова взялся за свое.

Поскольку они с Пейдж были противоположными сторонами только в одном-единственном бракоразводном процессе, ему не было нужды уточнять, о ком идет речь.

– Что он вытворил на этот раз?

– Он выставил на продажу особняк в Бакхеде.

– Ну и что? Особняк – его собственность. Он может делать с ним все, что ему заблагорассудится.

– Он пообещал Жасмин, что подождет шесть месяцев.

– Он пообещал ей, что она может еще шесть месяцев жить в нем, но это не означает, что он не имеет права выставить дом на продажу.

– А ты представляешь себе, что это такое, когда по дому день и ночь шастают риэлторы?

Росс вздохнул. Он не любил выносить о людях скоропалительных суждений. Разве что о родителях, не занимающихся воспитанием своих отпрысков, и неверных супругах. Однако Жасмин выводила его из себя. У этой особы вполне хватало денег, чтобы при желании выкупить особняк у собственного мужа, если, конечно, таковое желание пришло бы ей в голову. И бездомной ее тоже не назовешь. В целом Росс с симпатией относился к семейству Хартов, и это отношение распространялось и на саму Пейдж. Росс даже был готов на что угодно поспорить, что, будь на месте Жасмин его Пейдж, ей бы даже в голову не пришло протестовать по такому абсурдному поводу. Нет, она совсем не такая, как эта взбалмошная эгоистка Жасмин.

– А что ты скажешь, если я смогу убедить Карла согласиться на следующее: каждый раз, когда риэлторы соберутся посмотреть дом, он будет сообщать ей об этом за сутки до их прихода? – спросил он.

На другом конце телефонной линии стало тихо – не иначе как его собеседница явно ошеломлена таким предложением. Но истинной причины ее молчания Росс знать, к сожалению, не мог.

Наконец в трубке раздался голос Пейдж:

– Могу я попросить тебя не класть трубку, пока я позвоню Жасмин по сотовому и все расскажу ей?

Больше всего Росс терпеть не мог ждать ответа по телефону, однако на сей раз он ответил согласием:

– Конечно. Я подожду.

Ожидая, пока Пейдж заговорит снова, Росс сделал в рабочем блокноте несколько записей касательно дел некоторых других ее родственников. Он постарается сделать для них все, что в его силах. Проблема не в том, что он по-разному относился к своим клиентам. Просто ему не хотелось, чтобы Пейдж подумала, что возмись она сама за их дела, то справилась бы с ними лучше.

– Росс!

Она снова стала называть его по имени. Неплохо.

– Я слушаю.

– Мне пришлось прибегнуть к разным формам убеждения, и Жасмин все-таки согласилась на твоё предложение.

– Хорошо. А я свяжусь с Карлом. Если он заартачится, я обязательно тебе перезвоню.

– Прекрасно, – отозвалась Пейдж. Росс был готов поклясться, что ее голос прозвучал чуть ниже обычного, в нем промелькнула легкая хрипотца, немедленно напомнившая ему некоторые эпизоды их недавнего совместного пребывания в больничной палате. Росс тотчас ощутил привычное возбуждение, вернее, определенную реакцию некоей части тела.

– Росс!

Ему срочно нужна эта женщина. Прямо сейчас. Неужели, если он попросит ее приехать, в его просьбе будет что-то непривычное?

– Росс!

Он был почти уверен в том, что если бы они хоть раз по-настоящему занялись любовью, то оба были бы вольны в дальнейшем распоряжаться своими жизнями по собственному усмотрению. Независимо друг от друга. И были бы счастливы. Расстаться. Им нужно расстаться.

– Росс!

Неужели она повторила его имя уже несколько раз?

– Извини, ты что-то сказала?

– Нам с тобой нужно назначить встречу наших клиентов, чтобы они смогли уладить вопрос с Дуддлом.

Значит, встреча. Отлично. Получается, что это будет исключительно деловое свидание. Но они по крайней мере снова увидятся лицом к лицу. Может, это поможет ему разобраться в ее отношении к нему. У Пейдж такое подвижное лицо и выразительные глаза, что в них будет несложно прочесть ее мысли и настроение.

– Отлично, – сказал он, причем гораздо спокойнее, чем даже сам ожидал. Видимо, с ним творится что-то неладное, коль он так радуется предстоящей встрече. А ведь она может только осложнить и без того непростую ситуацию. – Какой день на этой неделе тебя лучше всего устроит?

– Вообще-то мне хотелось бы встретиться как можно быстрее. Бетти сейчас как раз составляет график моей работы с клиентами. Ей нужно точно знать, когда я наконец приступлю к работе.

Миссис Уиппл совсем недавно сделала то же самое.

– Завтра тебя устроит? – спросил он. – У нас на подготовку будет один день – сегодня.

Ему, Россу, это позволит выкроить время для стратегического планирования.

– Завтра меня вполне устраивает. А у Жасмин график дел, он... достаточно гибок.

Кто бы сомневался.

– Я позвоню Карлу и все скажу ему.

– Отлично.

И вновь долгая пауза. Вешать трубку и таким образом обрывать разговор Россу не хотелось. Все понятно и легко объяснимо. Ведь они с Пейдж провели вместе в одной палате целые две недели, привыкли к присутствию друг друга. Поскольку дальше любовных игр дело не зашло, они скорее всего останутся просто хорошими друзьями. Что ж, это еще не худший вариант. И он его устраивает.

Потому что Пейдж ему нравилась. Очень. В этом нет ничего плохого. В конце концов, она ведь красивая женщина, веселая, добрая и, можно даже сказать, страстная. И как оказалось, не такая уж неприступная.

– Значит, – нарушила она наконец тишину, – я к этому вернусь.

– Постой!

– Что?

– Э-э-э... как ты поживаешь?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, как тебе снова в большом, свободном, скверном мире?

Пейдж рассмеялась:

– Приспосабливаюсь потихоньку, привыкаю. Хотя воздухом свободы с непривычки трудно дышать.

– Ты хорошо... хорошо спала этой ночью? – Пауза.

– Конечно.

– Понятно.

– А ты?

– Естественно. Спал как убитый.

– Понятно.

Росс почувствовал, что больше не может врать.

– Вообще-то если честно, то не очень.

– Серьезно?

– Абсолютно. Привыкнуть к новой жизни оказалось труднее, чем я предполагал.

В трубке раздался вздох. Вздох облегчения?

– Я рада, что не одна такая.

– В самом деле? Тебе тоже не спалось?

– Я за ночь успела сложить мозаику из тысячи фрагментов.

– А я читал «Преступление и наказание». По крайней мере пытался читать.

– Бедняжка! Неужто было так плохо? – усмехнулась

Пейдж. – А я смотрела «Трех бездельников».

– В самом деле?

– Клянусь тебе!

– Я еще смотрел канал «Магазин на диване».

– Да ну!

– Еле удержался от того, чтобы не заказать открывашку для консервных банок.

– Хорошо, что нашел в себе силы и удержался-таки.

– Если учесть, что у меня уже есть две штуки!

Пейдж рассмеялась снова, и пульс Росса тотчас участился. Прошло всего двадцать четыре часа, а он уже тоскует по ее смеху. Да, ситуация, пожалуй, даже серьезнее, чем он предполагал.

– Думаю, мы в конце концов привыкнем к жизни на свободе, – философски изрекла Пейдж.

– Конечно. Какие могут быть сомнения, – отозвался Росс без особой уверенности в голосе.

Возникла очередная пауза.

– Ну что ж, – произнесла она, – позвони мне, чтобы уточнить время завтрашней встречи.

– Обязательно. Послушай, Пейдж...

– Д-а-а?!

– Приятных тебе сновидений.

– Спасибо. Тебе тоже.

Повесив трубку, Росс задумался о том, удастся ли ему уснуть сегодня ночью. Затем напомнил себе, что кроме открывашек у него уже есть два совершенно ненужных ему то-

стера.

Глава 14

– Где Дуддл? – вырвалось у Жасмин, когда на следующее утро Карл Пейтон вошел в служебный кабинет Пейдж один, без собаки.

У Росса возникло желание срочно проглотить еще одну таблетку аспирина – настолько болезненно отдался в его голове резкий голос двоюродной сестры Пейдж.

А еще этот ее наряд. На Жасмин было лиловое платье пляжно-коктейльного типа, оставлявшее взору окружающих слишком многое для обозрения. В такой одежде в самую пору выступать на съезде представительниц древнейшей профессии. В кабинете же Пейдж этот откровенный наряд казался явно неуместным. Жасмин, конечно, женщина симпатичная, но ее вкус в одежде, мягко говоря, вызывает сомнения. А макияж? А прическа? Выкрасите парик Долли Партон в рыжий цвет, и вы легко представите прическу Жасмин.

Карл, наоборот, напоминал Россу типичного джентльмена-южанина из классических фильмов, одетого в безукоризненного покроя белый костюм с черным галстуком-шнурком.

Пейдж поспешно встала из-за стола, скорее всего для того, чтобы помешать их возможной стычке.

– Все в порядке, Жасмин! Я попросила Карла оставить Дуддла в приемной Бетти, чтобы пес не мешал нашему ма-

ленькому деловому совещанию. – С этими словами она посмотрела на бывшего супруга кухни. – Ты ведь привел его, а, Карл?

– Разумеется, – ответил Карл. – Я по крайней мере держу свое слово.

– Что ты хочешь этим сказать?! – моментально вскипела Жасмин. – Что я в отличие от тебя...

– Успокойтесь, – поспешил вступить в разговор Росс и тоже встал. Он испытывал такую страшную, прямо-таки непреодолимую усталость, что даже удивился, что ноги все еще держат его. Обойдя стол, он подошел к Карлу и обменялся с ним рукопожатием.

– Рад снова видеть вас, Карл. Вы не будете против, если мы вчетвером сядем за стол и цивилизованно, без задержек все обсудим? Можно начать в любую минуту.

– Приготовить тебе кофе, Карл? – предложила Пейдж.

– С удовольствием выпью чашечку, дорогая, – ответил Карл и, притянув ее к себе, чмокнул в щеку. – Рад снова видеть тебя, Пейдж. Ты сегодня очаровательно выглядишь!

Пейдж улыбнулась, и на ее лице промелькнуло выражение искренней симпатии. Это означало, что клиент Росса нравится ей. Но это ни в коем случае не мешает ей отчаянно, изо всех сил отстаивать интересы своего собственного клиента – Жасмин, сохраняя при этом нормальное, вполне доброжелательное отношение к Карлу.

Налив в чашку кофе, она, не спрашивая Карла, добавила

сливок и добрую порцию сахара. Ей даже было известно, какой кофе тот пьет.

Росс наблюдал за ее быстрыми движениями, любовался ее стройными ножками и затянутой в элегантный темно-синий деловой костюм фигурой. Он не смог удержаться, чтобы мысленно не раздеть ее. Ему был знаком каждый дюйм, каждый тайный, интимный уголок ее тела. Ну, почти каждый. И каждый этот дюйм и уголок был ему дорог. Да, у Пейдж есть чем любоваться.

А от ее походки и движений Росс был в бешеном восторге. Пейдж отличали грация балерины и тело профессиональной стриптизерши. Сочетание было просто убийственным. Вот и сейчас она смотрелась великолепно. Разила наповал.

Пейдж протянула Карлу чашку, затем вернулась на свое место во главе массивного стола. Жасмин и Карл уселись на противоположных сторонах, друг напротив друга. Двоюродная сестра Пейдж старательно избегала взгляда своего пока еще нынешнего мужа, в то время как тот смотрел на нее исключительно как на свою будущую экс-жену. На его лице блуждала улыбка, подразумевавшая нечто вроде «Я знаю тебя намного лучше, чем ты сама».

Пейдж отпила из своей чашки и кивнула Россу. Тот успел заметить темные круги у нее под глазами – свидетельство очередной бессонной ночи. По идее ему следовало бы обрадоваться, но почему-то эти темные круги обеспокоили его. Тем не менее, вынужден был признать он, даже при явном

недостатке сна Пейдж выглядела прекрасно. И все-таки поспать ей следует, иначе через пару дней она сляжет с нервным истощением.

Мысль об этом встревожила его. Даже слишком.

Росс силой заставил себя оторвать от Пейдж взгляд и обратился к Карлу:

– Мы все знаем, что Жасмин очень расстроена тем, что огромное количество незнакомых людей являются в особняк в Бакхеде без всякого предупреждения. Теперь решено, что все риэлторы, желающие осмотреть дом, должны сообщать о предстоящем визите не меньше чем за двадцать четыре часа. Верно?

– Именно так, – подтвердил Карл.

– Не понимаю, почему тебе так не терпится избавиться от особняка, – процедила Жасмин, в голосе которой тем не менее странным образом прозвучала искренняя обида. – Это был наш дом. Он что, теперь кажется тебе безвкусным и некрасивым?

– Нет, дорогая, просто он полон воспоминаний, – ответил ей муж. – Я никак не могу взять в толк, почему ты за него так цепляешься. Я думал, что ты купишь себе новый милый уютный домик.

– Да как ты только смеешь так говорить! Я люблю этот дом! Мы же вместе с тобой построили его! Ну, пусть не мы сами, а Ники, это он сделал проект и построил его, но ты понимаешь, что я имела в виду!

– Но ведь ты даже не стала бороться за дом! – заметил Карл. – За все остальное ты сражалась, как тигрица, но дом тебе был безразличен!

– Я пыталась проявить справедливость! – парировала Жасмин.

В этом месте Росс еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Пейдж взглядом остановила его.

– Хорошо, – включился в разговор он. – Значит, с риэлторами мы решили. С этой стороны согласны. Верно?

– Согласны, – ответил Карл.

Жасмин явно приготовилась произнести какую-то резкость, поэтому Пейдж поспешила ответить за нее:

– Согласны.

Росс удовлетворенно кивнул и вынул из папки четыре экземпляра односторонней поправки к договору о разделе имущества.

– Вопрос будет окончательно решен, если вы оба подпишете вот это.

Жасмин, которая в тот момент с мрачным видом разглядывала пол, подняла голову и наконец удостоила Карла взглядом.

– Как там Дуддл? С ним все в порядке? – спросила она неожиданно спокойным нежным голосом.

– Он чувствует себя лучше, чем молодой подсолнечник в ясный солнечный день. Но иногда жутко скучает по тебе.

Жасмин улыбнулась краешком рта, но затем ее лицо при-

няло подозрительное выражение.

– Ты, случайно, не избаловал его?

– Конечно. Испортил хуже некуда, – ответил Карл, утвердительно кивнув при этом, а потом вдруг озорно подмигнул.

Жасмин почему-то покраснела. Действительно покраснела.

– О Боже! Теперь он станет по-настоящему неуправляем!

Росс посмотрел на Пейдж: та, удивленно подняв брови, следила за ходом диалога Жасмин и Карла. Перехватив взгляд Росса, она вопрошающе округлила глаза.

Росс пожал плечами. Он всегда считал Карла человеком уступчивым, заботливым, желавшим, чтобы Жасмин не испытывала материальных или каких-либо других трудностей. Кроме того, его также отличало врожденное благородство. Неудивительно, что неожиданное требование жены немедленно развестись привело его в ужас и сильно уязвило. Немного разбираясь в женщинах, Росс тем не менее счел этот каприз большим везением для Карла. Теперь тот мог быстро и безболезненно разорвать мучительные брачные узы с такой вздорной женщиной, как Жасмин.

– Знаешь, что он отмочил позавчера? – с лукавой улыбкой спросил Карл, наклоняясь вперед, ближе к Жасмин, она охотно улыбнулась в ответ и тоже подалась вперед.

– Что же?

– Ты ведь знаешь, что у миссис Таттл со зрением становится все хуже?

– Ну, конечно.

– Когда она собирала мои вещи, то скорее всего по ошибке положила в кучу моих носовых платков одну из твоих голубеньких косынок.

– Ту, что прошита золотистыми нитями? – уточнила Жасмин.

– Совершенно верно.

– А я все думала, куда подевалась моя косынка! Почему же ты не отослал ее мне обратно?

Карл слегка покраснел. История принимала еще более интересный оборот, если не сказать – тревожный.

– Можешь назвать меня сентиментальным чудаком, дорогая, но от нее все еще исходит удивительный аромат твоих духов – тех самых, которыми ты всегда пользуешься. И я подумал, что не слишком обижу тебя, если сохраню на память о тебе хотя бы одну скромную вещицу.

Теперь покраснела Жасмин – густо, до самого декольте.

– Конечно, я не обижусь, – ответила она. – У меня же много косынок.

«Могу представить себе, – подумал Росс. – У нее, наверное, под косынки отведен целый шкаф». Услышав эти слова, Карл просиял.

– Спасибо, дорогая. Слушай же дальше. Утром, когда я одевался, я забыл закрыть шкаф с одеждой.

– О Господи! Ты всегда забываешь это делать!

– Знаю. Водится за мной такой грешок.

– Собственно, за него я тебя никогда не ругала.

– Помню. Ты всегда великодушно прощала его мне. Так вот, Дуддл забрался в шкаф и, как ты думаешь, что он сделал?

– Утащил мою косынку?! – воскликнула Жасмин.

– Совершенно верно. Он схватил ее с такой поспешностью и жадностью, как будто это сахарная косточка. Утащил ее в свою постель и до сих пор никому не позволяет ее у него забрать. Он даже спит с твоей косынкой.

– Правда?

– Богом клянусь! Мне кажется, что он просто жутко по тебе скучает.

Улыбка Жасмин была такой светлой и радостной, что могло показаться, будто в комнате неожиданно зажглась огромная люстра. У Росса от удивления едва не отвисла челюсть, но он вовремя взял себя в руки. Он видел Жасмин разгневанной и обиженной, едва не лопающейся от высокомерия, но никогда еще он не видел ее счастливой.

– О, как я по нему скучаю! – воскликнула она. Пейдж и Росс снова обменялись взглядами. На этот раз они оба недоуменно пожали плечами. Пейдж нажала кнопку телефона.

– Бетти? Почему ты еще не привела к нам Дуддла?

Через мгновение дверь распахнулась, и в комнату вошла Бетти, ведя на поводке белого пуделя. На собаке красовался ошейник, украшенный горным хрусталем.

– Дуддл! Мой малыш! – Жасмин вскочила со своего ме-

ста и бросилась к собаке, которая тут же принялась весело подпрыгивать, радуясь встрече с любимой хозяйкой.

Россу снова пришлось пересмотреть свое отношение к супруге своего клиента. Она действительно искренне любит своего пса и, видимо, сражалась за своего любимца не просто из одного только желания насолить мужу.

Карл расплылся в улыбке до ушей, встал и подошел к Жасмин. Вместе с ней он принялся гладить и всячески тормошить Дуддла. Их руки, скользившие по спине животного, нечаянно соприкоснулись, и они оба замерли, а затем пристально посмотрели друг на друга. После чего одновременно выпрямились, совершенно забыв о Дудdle и не сводя друг с друга глаз.

– Дорогая, – внезапно охрипшим голосом произнес Карл. – Не окажешь ли ты мне честь отправиться вместе со мной куда-нибудь на ленч?

Ресницы Жасмин затрепетали, как бабочки.

– Ну хорошо. Я думаю, это замечательная идея. – Карл повернулся к Россу.

– Я свяжусь с вами, – сказал он и, повернувшись к Пейдж, добавил: – Спасибо тебе за все, милая!

– Подождите! – поспешно обратился к нему Росс. – Вы же не подписали эти бумаги.

Карл сделал небрежный жест.

– Мы займемся ими позже.

В следующее мгновение Карл, Жасмин, Дуддл и Бетти вы-

шли из комнаты. Росс и Пейдж изумленно посмотрели им вслед.

– Что это с ними? – наконец обрела дар речи Пейдж.

Росса произошедшее слегка напугало. Правда, самую малость. Уму непостижимо, но не так уж и невероятно, принимая во внимание недавние события.

– Давай сегодня поужинаем вместе, а, Пейдж?

– Я не совсем уверена, что...

– Это очень важно. У меня возникли кое-какие соображения, и нам обязательно нужно их обсудить. Это будет сугубо деловой разговор. Клянусь тебе.

Пейдж какое-то время смотрела на него, после чего все-таки ответила:

– Согласна. Где и когда?

– Сугубо деловой разговор, ради которого ты пригласил меня к Антонио? – спросила Пейдж, когда метрдотель отошел от их столика и отправился выполнять заказ.

Росс пожал плечами.

– Здесь лучшая в Атланте кухня. Кроме того, мне хотелось бы, чтобы место для разговора было максимально уединенным.

Пейдж смерила его критическим взглядом, втайне надеясь, что не будет испытывать слишком большой радости от прихода в модный ресторан вместе с ним. Даже если это касается исключительно деловых, юридических вопросов. Хо-

тя, честно говоря, за последнюю пару дней она безумно соскучилась по Россу. Правда, по ночам она скучала по нему раз в десять сильнее.

В то же время ее не оставляла надежда, что в конце концов эта мучительная пустота исчезнет, потому что тоска уже начинает потихоньку сводить ее с ума.

Как и в первой половине дня, Росс был одет в костюм синевато-серого оттенка с темно-бордовым в серую полоску галстуком. Привыкнув видеть его главным образом в шортах и футболке, Пейдж совсем забыла, насколько «тяжеловесно» Росс выглядит в деловом костюме. Когда сегодня утром он вошел в ее офис, она едва не поперхнулась кофе, увидев его таким... серьезным. Вид у него был обходительный и элегантный – типичный преуспевающий адвокат. Но она-то знала, как он выглядит, так сказать, без запонок на манжетах.

– Почему ты на меня так пристально смотришь? – спросил Росс. – В чем дело?

– Ни в чем, – торопливо ответила Пейдж. Затем с шумом открыла переплетенное в кожу меню и сделала вид, будто усердно его изучает. Однако перед ее мысленным взором стояли улыбка Росса, его глаза, восхитительные ямочки на щеках.

– Что ты заказываешь?

– Салат «Цезарь» и лососину, – ответил тот, даже не взглянув в меню. Вместо этого он потянулся к карте вин, как и меню, элегантно переплетенной в кожу.

Пейдж после долгих раздумий остановила свой выбор на «Лангостино альфредо».

Когда к их столику подошел официант, Росс заказал бутылку вина, но Пейдж почти не обратила на это внимания, настолько она была погружена в свои фантазии. Вскоре им принесли вино, и Росс попросил подавать заказанные блюда. Когда официант снова ушел, он поднял бокал.

– За примирение Карла и Жасмин!

Бокал Пейдж замер на полпути к бокалу Росса.

– Ты в самом деле думаешь, что они не станут разводиться?

– Готов поспорить на все мои накопления! – сказал Росс и, чокнувшись с Пейдж, отпил глоток.

И тем самым привлек внимание Пейдж к своим губам. Она сделала добрый глоток вина, так и не распробовав его на вкус. Глаза ее сразу же увлажнились, и она часто-часто заморгала.

– Поосторожнее с вином, дорогая, – сказал Росс. – Если будешь продолжать в том же духе, то мне придется уносить тебя отсюда на руках! Хотя вообще-то я сделаю это с удовольствием.

Впрочем, Пейдж тоже была бы не против оказаться у него на руках. Она сделала еще один глоток, на сей раз совсем маленький.

– А почему ты так уверен насчет Карла и Жасмин?

– Потому что, подозреваю, мы с тобой стали источником

целой эпидемии.

Пейдж поперхнулась.

– Что-о-о?

– Знаю, это наверняка прозвучит как эпизод из «Сумеречной зоны», но не могу избавиться от ощущения, что по какой-то неизвестной причине нам поставили неправильный диагноз. Думаю, что медики что-то там напутали с нашими анализами. Скорее всего мы являемся разносчиками инфекции.

– О Боже! Ты это серьезно?

Поставив бокал на стол, Росс приступил к объяснению:

– Сегодня в восемь утра ко мне пришли мистер и миссис Лафлин. Подобно многим другим супружеским парам, делами которых я занимаюсь, эти супруги зашли в выяснении отношений настолько далеко, что готовы были в любую минуту поубивать друг друга. Час спустя они покинули мой офис не вполне уверенные в том, зачем они вообще решили развестись.

– Это случайность. Случайное стечение обстоятельств.

– Дальше. Мистер и миссис Смит.

– Ну и денек у тебя был, – сочувственно откликнулась Пейдж.

– Затем Жасмин и Карл. Ты сама при этом присутствовала. С самого начала встречи в воздухе висела прямо-таки осязаемая враждебность. Но к тому времени, когда они решили отправиться на ленч, атмосфера сменилась на чув-

ственно-похотливую. Не удивлюсь, если они, не доехав и до конца квартала, начали раздеваться прямо на заднем сиденье автомобиля.

Пейдж молча протянула Россу свой бокал, чтобы тот наполнил его снова. Отпила почти треть, после чего вытерла губы салфеткой и положила ее себе на колени.

– Этого не может быть. Или все-таки может?

– Сегодня я принял еще двух клиентов, собиравшихся разводиться. Еще одну супружескую пару. Когда супруги Уэмбли пришли в мой офис, я соединил их руки и спросил: «Вы уверены, что вам обязательно нужно развестись?» Сначала они были непреклонны, и я начал обсуждать с ними подробности развода. Когда мы закончили обсуждение, они уже практически умоляли друг друга забрать себе все из их общего имущества. Мне кажется, что завтра они рано утром позвонят мне и попросят порвать все документы, которые сегодня сами же подписали.

Пейдж удивленно посмотрела на своего собеседника.

– Я просто не могу поверить... Но как мы можем заражать их?

– Мы к ним прикасались.

– Что?

– Ты ведь обняла Жасмин, верно?

– Ну конечно. Она же моя двоюродная сестра.

– А я поздоровался с Карлом за руку. – Пейдж торопливо осушила свой бокал.

– Похоже, что я все-таки прав. Как ты считаешь? Нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что все это действительно так.

– Но как это так... просто прикоснувшись к ним? Сам помнишь, что нам сказала в больнице доктор Тернер – действие вируса проявляется не сразу, а только спустя какое-то время.

– А сколько времени прошло после того, как ты в больнице проснулась и начала... э-э-э... испытывать возбуждение?

Пейдж захотелось немедленно встать и щелкнуть по носу своего самоуверенного сотрапезника. Но она понимала также и то, что отрицать очевидные факты будет нечестно. Тем не менее она – просто из приличия – драматически закатила глаза, после чего все-таки призналась:

– Почти сразу же. Но не забывай, что в больничной пижаме у тебя был чертовски соблазнительный вид.

Росс улыбнулся, снова коварно открыв взору не менее соблазнительные ямочки на щеках.

– А у тебя самой, дорогая? – В следующее мгновение улыбка исчезла с его лица. – Так что задумайся над этим. Ни с кем из моих клиентов, которые общались со мной по телефону, ничего подобного не произошло. Никакого чуда с ними не случилось. Только с теми, кто приходил в мой офис.

Пейдж на миг задумалась о своем прошедшем рабочем дне, но единственная деловая встреча была у нее только с Карлом и Жасмин, так что дополнить картину произошедшего ей было нечем, кроме...

– О Господи!

– Что такое?

– Бетти.

– Что с ней?

– А посыльный? Из службы доставки посылок?

– Что? Пейдж, дорогая, мне кажется, тебе не следует так налегать на вино!

– Нет! Я трезва, как стеклышко! Прежде чем ты появилась у меня в офисе, мы с Бетти уточняли распорядок моего рабочего дня. Поскольку ее стол оказался пуст, посыльный зашел прямо в мой кабинет. Он протянул нам посылку, и мы одновременно потянулись за ней. Наши руки – всех троих – соприкоснулись.

– Ну и? – спросил Росс, подавшись вперед.

– Бетти проводила его прямо до двери. Я была занята и не придавала этому особого значения. Но когда мне захотелось кофе и я вышла из кабинета, посыльный все еще стоял в приемной, а Бетти, увидев меня, покраснела. Этот человек и моя секретарша – давние враги и регулярно обмениваются оскорблениями. Так что сначала я было подумала, что у них произошла очередная стычка. Но когда он увидел меня, то вдруг заторопился. Последнее, что я услышала, были его слова, адресованные Бетти: «Значит, в восемь часов, договорились?»»

– О Господи!

Наконец официант принес салат, но никто из них не

прикоснулся к еде. Несколько мгновений они зачарованно смотрели друг на друга. Затем откуда-то из-за спины Росса Пейдж услышала незнакомый женский голос, в котором слышалось неприкрытое раздражение.

– Это совершенно в твоём духе!

– Пожалуйста, говори потише! – ответил мужской голос.

– С какой это стати я должна шептать! Пусть весь мир знает, какой ты негодяй!

– Ссора в раю? – спросил Росс, слегка кивнув в сторону ссорящейся парочки.

– Похоже на то, – ответила Пейдж. Сделав глоток вина, она постаралась не прислушиваться к разгоравшейся неподалеку ссоре. Это было не слишком приятно, потому что незнакомая ей женщина была готова вот-вот разрыдаться. Насколько Пейдж поняла из обрывков разговора, женщина обвиняла своего спутника во всех смертных грехах и во всех несчастьях, происходящих на земле, включая засуху, голод, пожары и цены на бензин.

– Хочешь, проведем опыт? – предложил Росс.

– Что ты сказал?

– А вот посмотри, – сказал он, затем положил салфетку на стол и встал. – Мне нужно на минутку отлучиться, моя дорогая. Я скоро вернусь.

Перегнувшись через стол, он коротко поцеловал ее, практически клюнул в щеку, однако это мимолетное прикосновение его губ мгновенно воспламенило Пейдж. Чтобы скрыть

возбуждение, она поспешила поднести к губам бокал с вином и сделала глоток. Росс выпрямился и направился к передней части ресторана. Дойдя до кабинки, в которой сидела ссорящаяся парочка, он кивнул Пейдж, затем слегка замедлил шаг, словно приглядываясь, и внезапно остановился.

– О, какой у вас замечательный браслет! – произнес он, обращаясь к женщине.

Пейдж не могла увидеть ее реакции, поскольку Росс заговаривал ее, но услышала, как та довольно хихикнула и ответила:

– Благодарю вас. Он мне и самой очень нравится! – Росс слегка нагнул голову.

– Могу я спросить, где вы его купили?

Он показал Пейдж из-за спины поднятый вверх большой палец и заговорил шепотом, который, наверное, услышали даже в Саванне:

– Совсем скоро будет наш юбилей, и я все ломаю голову над тем, что же ей подарить.

Пейдж ничуть не сомневалась, что ей следовало бы прямо сейчас прийти в неопишемую ярость из-за его бессовестной лжи, но по какой-то непонятной причине она не нашла в себе сил. Не говоря уже о том, что это была довольно-таки милая фантазия. Интересно, как это будет – справлять вместе с таким красивым мужчиной, как он, юбилей супружеской жизни и дни рождения? Будет ли он заботливо и вдумчиво выбирать для нее подарки?

Задумавшись, Пейдж едва не поперхнулась вином. Должно быть, она немного переусердствовала со спиртным.

Росс представился женщине и ее спутнику. Затем произнес несколько восхищенных слов, пожелал им приятно провести вечер в ресторане и не менее приятного аппетита и направился прочь из зала.

Пейдж с радостью отметила про себя, что у него хватило здравомыслия не оставить этим людям свою визитную карточку на тот случай, если ссорящейся парочке понадобятся его услуги.

Она попыталась подслушать разговор этой незнакомой пары, но те понизили голоса настолько, что ей не удалось больше разобрать ни слова.

Росс вернулся через несколько минут, улыбнувшись на ходу своим новым знакомым. Стоило ей увидеть Росса, как пульс ее заметно участился. Пейдж сделала попытку немного успокоиться, но поняла, что это сражение она проиграла. Поэтому предпочла расслабиться и в свое удовольствие наблюдать за его чертовски соблазнительной походкой. Росс был сексуален, как грех. Страстный, манящий грех.

Он подмигнул ей, после чего грациозно уселся на свое место.

– Ну что, какой вынесен вердикт? – поинтересовалась Пейдж.

– По крайней мере они перестали браниться.

– Это не доказательство.

– Не доказательство, ты права.

Пейдж сделала новый глоток. Не сошел ли Росс с ума?

А может, они оба потеряли рассудок? Глубоко погружившись в раздумья, она заметила, что незнакомая пара подошла к ним, только когда те уже стояли возле их столика.

– Нам просто захотелось поблагодарить вас, – сказала женщина, прикоснувшись к рукаву Росса.

– Отлично, – ответил тот. – Но за что?

Женщина подняла вверх руку, демонстрируя украшавший ее запястье браслет. Что за безвкусица, подумала Пейдж, ей еще никогда не доводилось видеть ничего более вульгарного и грубого. Неужели Россу и впрямь могло прийти в голову преподнести такой браслет?! Но затем она вспомнила, что Росс ничего не собирается ей покупать, потому что, собственно говоря, для этого нет никакого повода и ни о каком юбилее не может быть и речи. Пейдж даже встряхнула головой. Если, конечно, они еще не начали вести подсчет дней, совместно проведенных в больничной палате.

Женщина опустила руку.

– Вы напомнили мне, как и когда Джордж купил его мне в подарок. Это был самый романтический отпуск в нашей жизни!

– Я рад, – ответил Росс, и, похоже, вполне искренне, что было довольно необычно для адвоката, чье материальное благополучие зависело от скоростных поездов, на всех парах летящих в Страну Расставаний Навсегда.

– Еще раз спасибо вам, – добавил муж незнакомки, после чего увел жену прочь, жестом собственника обняв ее за талию.

Когда они ушли, Пейдж сказала:

– Мы вызываем эпидемию!

– Как бы смешно это ни прозвучало, но ты, видимо, права.

– Что же нам делать? – Пейдж разлила вино по бокалам, окончательно опустошив бутылку.

Росс забрал ее и поднял вверх, давая понять официанту, что они хотят сделать повторный заказ.

– Во-первых, не надо паниковать.

– Не паниковать?! – пискнула она. – Да из-за нас с тобой в Атланте может начаться настоящий хаос!

– Но мы же не чуму какую-нибудь и не моровую язву распространяем! Подумаешь, вирус любви. Бывают вещи и страшнее!

– Да ты задумайся о последствиях!

– Когда конфликтующие супружеские пары побегут не разводиться, а заниматься любовью, адвокатский бизнес лопнет, как мыльный пузырь! – с задумчивой улыбкой произнес Росс.

– Они могут даже не дотерпеть до дома, – размышляла вслух Пейдж, задумавшись о том, что можно ведь заняться любовью прямо «У Антонио», а длинные, до пола скатерти скроют нетерпеливые парочки от любопытных взглядов.

Росс пожал плечами.

– Атланта может стать самым счастливым городом на земле. Даже Парижу вряд ли удастся соперничать с нами...

Пейдж почувствовала, что у нее приятно кружится голова.

– А ты окажешься без работы, – хихикнула она.

– Это точно, – горестно согласился Росс. Улыбка исчезла с его лица.

Пейдж нежно погладила его по руке.

– Ну, успокойся! Я уверена, что ты умеешь делать и кое-что еще. Мне кажется, что из тебя мог бы получиться превосходный спортивный комментатор.

На его лице снова появилась улыбка.

– Ты на самом деле так считаешь?

– Конечно. Ты помнишь, что мы с тобой так и не поиграли в поло?

– Верно, не успели. Но ты только скажи, и я с радостью продемонстрирую тебе мой молоток.

– Ну зачем же вот так, с ходу – сказала она, не обращая внимания на ускорившееся сердцебиение. Почему-то она, как ни силилась, не могла вспомнить, почему она еще совсем недавно решила, что им не следует встречаться.

– Извини, – сказал он, но по его улыбке было понятно, что он и не думал извиняться. – Может, самым лучшим вариантом будет создание службы знакомств?

Пейдж снова хихикнула.

– В тебе пробуждается дух предпринимательства!

– Я бы назвал ее оперативной службой знакомств. В качестве девиза можно было бы предложить: «Мы прикроем ваши тылы!»

– Реклама должна быть правдивой, – возразила Пейдж, но поспешила прикусить язык. Может, лучше не напоминать ему, что он не сумел прикрыть се тыл?

– Не напоминай мне об этом! – отозвался Росс, трагически подмигнув ей.

Неплохая мысль! Нужно как-то отойти от этой скользкой темы. Одарив Росса ослепительной улыбкой, Пейдж сказала:

– Ты бы мог придумать кое-какие стимулы.

– Какие еще стимулы?

– Ну, я не знаю. Например, пятидесятипроцентную скидку за составление брачного контракта. Как тебе это предложение?

В ответ Росс громко и заразительно рассмеялся.

– Замечательная мысль! Теперь я по крайней мере знаю, что у меня кое-что остается в запасе, этакie пути отступления.

К их столику подошел официант с огромным подносом. Подав заказанные блюда, он откупорил вторую бутылку.

– Вам принести что-нибудь еще? – спросил он.

– Нет, благодарю вас, – ответил Росс. – У нас все есть, ваша кухня превосходна.

Пейдж, прищурившись, посмотрела на свою тарелку, чтобы понять, может ли и она похвалить здешнюю кухню.

– Пахнет великолепно! – прокомментировала она неожиданно для самой себя.

– Так больше ничего не желаете?

– Нет-нет. Благодарю вас, больше ничего не нужно, – отозвался Росс.

– Приятного аппетита!

Пейдж усомнилась, сумеет ли она действительно насладиться благоуханным блюдом, потому что никак не могла припомнить, как следует пользоваться вилкой. Собравшись с духом, она отважно предприняла попытку справиться с ускользающим из рук предметом.

Не успела она поднести вилку ко рту, как заметила за оконным стеклом человека, ужасно похожего на ее брата. Он направлялся ко входу в ресторан под руку с какой-то женщиной. Узнать, кто это, ей не удалось, потому что Ник загромождал свою спутницу.

Положив вилку на стол, Пейдж взмахом руки поманила к столику обслуживавшего их официанта.

– Вы знаете Ника Харта?

– Конечно, мадам. Он всегда дает щедрые чаевые.

– Вы не могли бы пойти посмотреть, не он ли сейчас собирается войти сюда? Если это он, то скажите ему, что я здесь, ладно?

– Конечно, мадам! – ответил официант с несколько встревоженным видом. Почему, Пейдж сразу не поняла.

На помощь ей поспешил Росс:

– Скажите, что здесь его сестра.

Официант едва не рухнул на пол – было видно, что у него гора с плеч свалилась.

– О да, в таком случае, конечно!

Пейдж, нахмурившись, посмотрела на Росса.

– Не понимаю, в чем тут дело?

– Очевидно, он подумал, что ты подружка Ника Харта, и поэтому не хотел стать виновником скандала.

– Верно, с Ником такое вполне может случиться!

Кабинка, в которой они сидели, была рассчитана только на двоих, так что предложить Нику и его спутнице присоединиться к ним они бы не смогли. Это было весьма кстати, поскольку Пейдж и Росс были заняты обсуждением важной проблемы, известной им одним, а именно, как спасти мир от неминуемой гибели.

– Ешь, дорогая, – сказал Росс и заботливо вложил вилку ей в руку. – Нужно хорошенько поесть, если не хочешь, чтобы вино сыграло с тобой злую шутку!

Пейдж с готовностью вонзила вилку в лангуста, аппетитно лежавшего на тарелке в окружении дымящихся спагетти. Объедение. Объедение? Именно так и не иначе. Какое хорошее слово. Немного детское, правда, но хорошее. Лучше не скажешь.

Пейдж вытерла салфеткой рот, затем подняла взгляд от стола. И чуть не свалилась со стула, увидев, что к ним приближается ее брат, держа под руку... доктора Рейчел Тернер!

Ту самую Рейчел Тернер, которая по идее должна бы презирать Ника за то, что когда-то давным-давно он с ней сделал.

– Ты просто не поверишь! – драматическим шепотом произнесла Пейдж, обращаясь к Россу.

– Что?

Она кивнула в сторону приближающейся парочки.

– Смотри, кто идет.

Росс обернулся, затем посмотрел Пейдж в глаза.

– Боже! Неужели это правда?

– Выходит, что да.

– Они смотрятся довольно... мило, верно?

– Точно. Господи, что же мы натворили?

К их столику в следующее мгновение подошли Ник и доктор Тернер. У обоих был блаженно-счастливый вид.

– Привет, сестренка! Привет, Беннет! Рад видеть вас обоих!

Росс встал и пожал Нику руку. На его спутницу он смотрел так, будто у той неожиданно выросли рога.

– Как поживаете, доктор?

Рейчел улыбнулась:

– Прекрасно. Называйте меня теперь просто Рейчел, хорошо?

– Мы прикоснулись к вам, – неожиданно вырвалось у Пейдж.

– Что вы сказали, простите? – удивилась Рейчел. Росс укоризненно посмотрел на Пейдж, но та не заметила его предо-

стерегающего взгляда.

– В наш последний день в больнице. Мы прикоснулись к вам.

Ник присмотрелся к сестре повнимательнее.

– Да ты пьяна!

– Пока еще нет, но собираюсь хорошенько напиться.

– Что ты такое сделал с ней? – сверкнув глазами на Росса, рявкнул Ник.

– Ничего! – воскликнула Пейдж, пытаясь не допустить ссоры. Ник и Росс были примерно одинакового роста и телосложения, так что, если сейчас вспыхнет драка, дело примет серьезный оборот. – Он ничего со мной не делал, Ник! Это мы с вами кое-что сделали, – добавила она после короткой паузы.

– Что же такого вы сделали с нами? – удивился Ник.

– Пейдж, мне кажется, тебе не стоит... – начал Росс.

– Мы заразили вас!

– Сейчас я повторю то, что я понял из ваших объяснений, – произнес Ник два часа спустя, сидя рядом с Рейчел на диване в гостиной Пейдж. – Вы думаете, что вы заразили нас вирусной инфекцией, которой были сами заражены.

– Я почти уверена, – сказала Пейдж, глотая таблетку аспирина и запивая ее глотком кофе. Она уже немного пришла в себя и решила, что аспирин – лучшее средство борьбы с алкогольным опьянением.

– Пейдж, это просто невозможно, – вступила в разговор

Рейчел. – Анализы показали, что никто из вас обоих не был инфицирован. Совсем. Вы не можете быть переносчиками вируса.

– А по-моему, в лаборатории что-то напутали с анализами, – возразил Росс. – Может, там у вас оборудование неисправное или реактивы некачественные. Поверьте, происходят действительно серьезные вещи.

– Какие же?

– Ну, вот взять, например, вас двоих, – ответила Пейдж. – Могу чем угодно поклясться, что вы до этого презирали моего брата. А теперь посмотришь на вас обоих – ну словно ангелочки в раю. И все потому, что вы заразились от нас.

Рейчел покраснела и даже открыла рот, чтобы возразить, но не смогла произнести ни слова. Ник поспешил ей на выручку:

– Во-первых, сестренка, Рейчел никогда не презирала меня. Скорее, сердита за мое глупое поведение во время учебы в колледже – давно, много лет назад. Но теперь все по-другому.

– А во-вторых и в-последних, – все-таки нашла в себе силы заговорить Рейчел, – мы выяснили наши отношения еще до того, как вы прикоснулись к нам.

– Нет, конечно, я вам верю, вы наконец выяснили отношения, вы пришли к пониманию, но... – произнесла Пейдж, наблюдая за тем, как палец брата выводит замысловатые узоры на обнаженном плече Рейчел. Доктор Тернер выглядела

просто сногшибательно в элегантном темно-голубом вечернем платье на тоненьких, в ниточку, бретельках. Этот наряд был ей гораздо больше к лицу, чем медицинский халат, хотя, по мнению Пейдж, эта женщина выглядела бы потрясающе даже в платье из мешковины.

– Хотя это тебя в принципе не касается, сестренка, но ладно, признаюсь, – заявил Ник, – мы все уладили еще до того, как тебя выпустили из больницы.

– Понятно, – ответила Пейдж и беспомощно посмотрела на Росса, которого услышанное явно ни в чем не убедило.

– Что еще такого странного происходит? – поинтересовалась Рейчел. На ее лице появилось выражение профессиональной заинтересованности. Из подружки Ника она вновь превратилась во врача, которому необходимо проследить ход заболевания.

Ее собеседники перечислили все случаи таинственного воссоединения супружеских пар, которые незадолго до этого были готовы развестись. Всякий раз это происходило после физического контакта с одним из них. Пейдж рассказала о Бетти, затем о Карле и Жасмин.

– В самом деле? – удивился Ник. – Они действительно помирились?

– По крайней мере пока, – ответил Росс. – Я не знаю, что с ними произойдет, когда вирус окончательно поразит их организм. – Он повернулся к Рейчел: – Сколько времени это

может продлиться?

– Как только проявятся первые симптомы заболевания, уже через пару дней. Инкубационный период у него очень короткий.

– Невероятно, – отозвался Росс. – Мне почему-то кажется, что ваши медики в лаборатории сильно ошибаются.

– Почему же?

– У нас с Пейдж болезнь продолжается уже шестнадцать дней. И никак не проходит.

– Неужели? – удивилась Рейчел. «Профессиональное» выражение лица куда-то исчезло, и Пейдж была готова поклясться, что Рейчел еле сдерживает улыбку.

– Да что там! – возмущенно выпалил Росс. – Обостряется с каждым днем!

Пейдж энергичным кивком подтвердила его слова.

– И как же это происходит? – поинтересовалась Рейчел, и Пейдж почувствовала, что готова расцеловать ее за этот вопрос. Она явно будет отличной невесткой!

Росс принялся взволнованно рассказывать по комнате. Он успел снять пиджак, и поэтому Пейдж чувствовала, как каждый раз, когда он поворачивается к ней спиной и перед ее взглядом оказываются его бедра и ягодицы, у нее становится сухо во рту. Затем он остановился перед Пейдж и указал на нее:

– Например, я не могу не думать о ней!

– Но ваш мозг не может подвергнуться воздействию ви-

руса, – заметила Рейчел.

Росс ослабил узел галстука.

– Ну, вы понимает, что я имею в виду.

Ник, набычившись, медленно поднялся на ноги, чтобы прикончить нахала на месте.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, сукин сын...

– Ник, прекрати! – крикнула Пейдж, вскакивая с дивана.

– Я уже взрослая, не забывай!

– Все равно ты моя младшая сестра! А этот парень хочет сказать, что ты...

– Сказать, что Пейдж ему очень нравится? – вмешалась в разговор Рейчел. Она тоже встала и нежно взяла Ника за руку. Нет, Пейдж действительно все больше и больше нравится эта женщина!

– Я подсел на нее, как наркоман подсаживается на иглу. И поэтому мне нужно противоядие! – сообщил Росс.

Что касается Пейдж, то она не знала, как ей реагировать на это заявление – то ли обрадоваться, то ли оскорбиться. Однако времени долго размышлять не было: нужно было что-то ответить Рейчел, которая спросила ее:

– Вы испытываете те же самые симптомы?

– Еще хуже, я не только подсела, меня непреодолимо тянет к нему! Он мне нравится!

– В самом деле? – спросил Росс, и выражение его лица моментально изменилось.

– Я не в восторге от этого, – ответила Пейдж, не желая,

чтобы Росс слишком много возомнил о себе. – Ты не мой тип мужчины, так что, думаю, все дело в том, что я заболела этой ужасной болезнью.

– Мне это совершенно не нравится! – заявил Ник, обретший наконец утраченную было способность говорить.

– А тебе нужно удалиться в ванную, – сказала Рейчел, легонько подталкивая Ника в нужном направлении.

– Нет, не пойду!

– Пойдешь! Либо ты сейчас же отправляешься в ванную, либо я отправляю тебя в магазин за тампонами или еще чем-нибудь в этом роде.

Лицо Ника побледнело с такой скоростью, с какой кусок льда тает на мостовой Атланты в жаркий летний день.

– Хорошо, я отправляюсь в ванную.

Как только за ним закрылась дверь, Рейчел повернулась к Россу и Пейдж:

– Так, теперь вам предстоит ответить на пару вопросов доктора Рейчел Тернер! Готовы?

Вопрос был задан таким безапелляционным тоном, что оба поспешили утвердительно кивнуть.

– Мое первоначальное мнение остается прежним: физически вы совершенно здоровы. Но, судя по тому, что вы только что мне рассказали, мне, видимо придется поверить в то, что сказанное вами в принципе вполне возможно с медицинской точки зрения. Завтра утром я первым делом свяжусь с моими коллегами из бактериологической лаборатории и рас-

скажу им обо всем. Попробуем еще раз повнимательнее изучить ваш случай.

– Я думаю, самое время этим заняться, – пробормотал Росс, проводя рукой по своим великолепным волосам. Немного протрезвев, Пейдж решила, что слово «великолепный» – слово правильное и вполне заслуженно может быть употреблено по отношению к некоторым характерным чертам Росса Беннета.

– А что же нам делать до тех пор, пока мы не получим ответ? – поинтересовалась Пейдж.

– Заняться любовью.

– Простите? Как вы сказали? – спросил Росс, будучи уверенным в том, что ослышался.

– Поймите меня правильно, это, конечно, не профессиональный совет, а чисто человеческий, – пояснила ему Рейчел. – Считайте, что я вовсе не врач. Мое предложение продиктовано здравым смыслом. Вы оба – совершенно здоровые взрослые люди, которым во что бы то ни стало хочется заняться любовью. Так чего же вы ждете?

– А это не усилит болезнетворное воздействие вируса, если мы все-таки инфицированы? – задала вопрос Пейдж.

– Нет. Не бойтесь.

– Нет, это совершенно неприемлемо! Это исключено! Я не могу влюбиться в змея!

– Эй, поосторожнее!

– А разве кто-то говорил о любви? Просто повышенная

сексуальная возбудимость, верно?

– А вы уверены в том, что вы врач? – спросил Росс. Рейчел невозмутимо пожала плечами.

– Я имею право высказать свое личное мнение. – Пейдж огромным усилием воли удерживала себя от того, чтобы прямо тут же не воспользоваться советом Рейчел. В конце концов, кто тут среди них доктор?

– А если не личное? Если профессиональное?

– Вы его уже сами высказали. Оба. Причем единогласно.

– Позвольте, позвольте, я вас правильно понял? – вмешался Росс. – Вы советуете нам заняться сексом?

– Верно.

– В интересах нашего здоровья и хорошего физического самочувствия. Да?

– Но разве вы сами не желаете этого?

– Этого, видимо, желает вирус.

Пейдж удивленно посмотрела на Росса. Уж не сошел ли он с ума? Или просто выпил больше положенного, а она не заметила?

– Ну что ж, тогда делайте то, чего желает вирус, – спокойно ответила Рейчел. – Зачем же сопротивляться?

– Потому что лечение может оказаться хуже самой болезни? – предположила Пейдж.

Услышав ее вопрос, Рейчел едва не рывкнула на эту дуреху.

– Послушайте! Делайте что хотите! – теряя остатки тер-

пения, воскликнула она. – Вы оба признались, что вам до смерти хочется секса. Так что либо продолжайте сопротивляться искушению, либо избавьтесь от него. Дело только за вами. Решайте. Но лично я считаю, что глупо сопротивляться вирусу. Нанесите ему, так сказать, решительный удар! Не дайте ему свести вас с ума!

– Ну, что ты им такое сказала? – спросил Ник, когда Рейчел поспешила увести его из дома сестры и они наконец оказались на улице.

– Дала им несколько медицинских советов.

– А они им последуют?

– Будет глупо с их стороны, если нет.

– Как ты думаешь, она хоть понимает, о чем говорит? – спросил Росс.

– Она же профессиональный медик. Причем классный специалист. Но все, что она нам посоветовала, – это, так сказать, только для наших ушей. Строго между нами троими.

– Мы с тобой оба адвокаты. Служители Фемиды. По-твоему, она рискнет дать нам плохой совет?

– Ты прав. – Пейдж отвела взгляд в сторону и принялась возить по столу кофейную чашку. – Так что она имела в виду, как ты думаешь?

Росс усмехнулся:

– Она имела в виду именно то, что сказала нам. Заняться

сексом.

– Чем?

– Сексом. Уж если играть, то до победного конца!

Глава 15

– Не знаю, Росс, правильно ли мы поступаем. Что бы там ни говорила Рейчел!

– Это почему же?

– Боюсь, что нами будут двигать совершенно не те мотивы, – вздохнула Пейдж.

– Интересно, что же это за «не те мотивы»?

Пейдж встала с дивана и, избегая его взгляда, обхватила себя за плечи.

– Я не так воспитана, чтобы ложиться в постель с первым встречным, пусть даже сексуально привлекательным мужчиной.

Росс остановился перед ней и медленно приподнял се подбородок. Его улыбка была все так же неотразима, а прикосновение подобно электрическому разряду. Вот он всего лишь коснулся пальцем ее подбородка, а ей уже кажется, что ее тело пронзают молнии.

– Ты же знаешь, что я не первый встречный. Хотя твои слова о сексуальной привлекательности слушать чертовски приятно.

– Ты не слишком зазнавайся!

– Как же тут не зазнаваться! Против правды не поспоришь!

Пейдж улыбнулась, все так же стараясь не смотреть ему в

глаза. Теперь она хорошо знала силу своего взгляда. Это действительно могучее оружие, способное пробуждать мужское желание. Пейдж чувствовала, что Росс хочет именно ее, но только ли ее одну? Или же сейчас он испытывает к ней влечение только под влиянием случайного, минутного порыва?

– Послушай, а у тебя уже были... свидания с другими женщинами с тех пор, как ты оказался дома?

Росс испуганно посмотрел на нее, затем рассмеялся:

– Пейдж, дорогая, мы с тобой выписались из больницы всего два дня назад. Хочешь верь, хочешь нет, но я не держу записную книжку с адресами женщин про запас. Нет у меня и гарема одалисок, ожидающих лишь одного моего кивка. Нет, не было у меня ни с кем свиданий, если не считать сегодняшней встречи с тобой. Более того. Я не собираюсь встречаться ни с кем, кроме тебя. И это невыносимое возбуждение я испытываю только из-за тебя.

Он коротко, едва ли не безразлично поцеловал ее, но и от этого легкого прикосновения его губ у нее едва не подкосились ноги, а голова поплыла, но теперь уже не под влиянием винных паров. Пейдж попыталась думать о чем-то постороннем, попробовала вспомнить несколько веских, убедительных доводов, призванных удержать их от этого последнего опрометчивого шага, однако серое вещество совершенно не подчинялось ей.

– Могу я тебя кое о чем спросить? – прошептал Росс. Его губы находились по-прежнему на уровне ее губ.

– Да.

– Ты испытывала в последние несколько дней какую-то непонятную пустоту? – спросил Росс, положив ладонь ей на нижнюю часть живота. – Вот здесь?

Это прикосновение пробудило ее от летаргии, вызванной мыслями о нем. Пейдж слегка отпрянула.

– Да! Именно здесь! Откуда тебе это известно?

– Я испытываю точно такое же.

– А что это? Ты знаешь?

– Это неудовлетворенность.

– Какая? От чего?

– От того, что мы с тобой не занимались любовью.

– Но мы же занимались... Разве нет?

– Нет. Мы доставляли друг другу удовольствие, но любовью не занимались.

– Так ты хочешь сказать... – она положила руку на его ладонь, которая все еще оставалась у нее на животе, – что это ощущение никуда не денется до тех пор, пока мы не займемся любовью?

– Я не могу утверждать это с уверенностью эксперта, но подозреваю, что мы столкнулись с неизбежностью довести дело до конца.

– Ты уверен, что это не уловка? Может, ты специально все придумал, чтобы заманить меня к себе в постель? – все же нашла в себе силы подозрительно осведомиться Пейдж, хотя его прикосновение по-прежнему сводило ее с ума.

– Да как ты только можешь думать об этом! – возмутился Росс.

Если он имитирует негодование, то делает это весьма искусно, решила она.

Рука Росса принялась скользить по ее животу, и при каждом ее движении Пейдж казалось, что он ласкает ее лоно изнутри. По всему ее телу разливалась приятная истома. Она еле сдержалась, чтобы не застонать от удовольствия.

– Я не заставлял тебя испытывать эту пустоту, Пейдж.

– Нет, наверное, это все из-за того, что мне ужасно хочется тебя, но я ведь фактически тебя не знаю.

Росс медленно покачал головой.

– Если бы дело обстояло именно так, то пустота должна быть вот здесь, – сказал он, прикоснувшись к ее груди там, где бьется сердце. – А здесь и здесь, – он прикоснулся затем к ее виску и снова к животу, – осталось бы неудовлетворенное желание.

В его словах был смысл.

– А одного раза хватит? – спросила Пейдж.

– Чтобы избавиться от муки, что терзает нас?

– Да.

– Нужно попробовать хотя бы раз, чтобы понять, как мы будем жить дальше. Тогда и решим.

– А что, если это окажется большой ошибкой?

Росс провел рукой по ее шелковистым волосам.

– Я совершу еще большую ошибку, если проживу жизнь,

так и не изведав, каково это, оказаться внутри тебя.

На эти его слова в ту же секунду отозвалась именно та часть ее тела, которую он и подразумевал.

– О Росс, – прошептала она, чувствуя, что уже готова на все.

– Тебе тоже хочется?

– Боже милосердный, да. Но мы же не любим друг друга.

Пейдж показалось, будто она заметила, как в его глазах промелькнула и стремительно исчезла обида.

– Мы нравимся друг другу. По крайней мере ты мне нравишься.

– Неужели?

– Очень. Очень нравишься. Более того, я тебя уважаю.

– В самом деле?

– Очень. Я говорю совершенно серьезно, Пейдж. Это будет кульминация тех ночей, что мы провели вместе. Нет, мне, конечно, известно, у тебя в твоём прошлом далеко не все безоблачно, но ты должна знать: я никогда не стану заниматься любовью с женщиной, которую не уважаю. И я не собираюсь никого заманивать в постель.

Она поверила ему. Не зная почему, но поверила. Он был прохиндей-адвокат, ну пусть и не совсем прохиндей, но все-таки... он был мужчиной. Неужели они не способны быть искренними? И что бы там ни говорила Рейчел, он все-таки инфицирован этим жутким вирусом, который заставляет его жаждать секса.

Впрочем, она тоже больна, и хочется ей того же, что и ему.

– О чем ты задумалась, Пейдж?

– Если это окажется величайшей ошибкой моей жизни, то сделай, пожалуйста, так, чтобы она осталась лучшей ошибкой моей жизни. Хорошо?

Он улыбнулся, взял в ладони ее лицо и поцеловал.

– Изо всех сил постараюсь.

Пейдж почувствовала, как гормоны с бешеной скоростью сотрясают ее тело. Настоящая гормональная буря! Сейчас она будет заниматься любовью с самым красивым и соблазнительным мужчиной за всю свою жизнь. И он хочет ее. Только ее.

Пейдж задумалась, где же это произойдет. Прямо здесь? В спальне? На обеденном столе? Какое бы решение он ни принял, она согласна на все. Пейдж лишь надеялась, что он не сделает ей больно, а, наоборот, приложит все силы к тому, чтобы доставить ей удовольствие.

Ей тут же пришла в голову ужасная мысль.

– О Боже! У меня же опять нет с собой противозачаточных средств!

– А ты не хранишь их дома? – спросил Росс, слегка нахмурившись.

– А с какой стати мне хранить их дома? У меня ни с кем не было близости со студенческих лет! – Произнеся это, Пейдж покраснела. – Ну, почти не было. – Росс нежно поцеловал ее.

– Боже, как чудно пахнет твоя кожа! – Погладив ее по ще-

ке, он добавил: – Успокойся! Все в порядке.

– О чем ты?

– Я кое-что захватил с собой.

– Что именно?

– То, о чем ты так беспокоилась.

– О Господи! Ты так был уверен, что пришел во всеоружии?

– Я был полон надежды и поэтому пришел во всеоружии.

Если на то пошло, то, думаю, тебе вряд ли захотелось бы тратить время на беготню в ближайший магазинчик.

Пейдж ужасно хотелось разозлиться на него за его предусмотрительность. Честное слово, хотелось. Она даже знала, что сказала бы и что сделала. Бесполезно. Бессмысленно, когда он смотрит на нее с такой тревогой во взгляде. Она схватила Росса за галстук и притянула к себе.

– Одобряю твой поступок! Готова поспорить, что ты был хорошим бойскаутом!

Тревога на лице Росса моментально сменилась улыбкой, способной зарядить энергией даже давно вышедшие из строя батарейки.

– Я с радостью сделаю все, чтобы заслужить еще одну твою похвалу!

– Попробуй заслужить, дорогой!

Он выбрал гостиную. По крайней мере он начал раздевать ее именно здесь. Он занимался этим неторопливо и делал

это самым изысканным, сладостно-мучительным образом.

Начал он с ее туфельек. Положив ее руки себе на плечи, Росс поднял сначала одну ее ногу, затем другую. Просовывая руку под колено, он неторопливо разул ее. Прежде чем поставить ее ногу на пол, он плавно проводил рукой по ее лодыжке вниз, затем снова вверх, до самого бедра. Прикосновения его пальцев, с шуршанием скользивших по ее обтянутым чулками ногам, вызвали у Пейдж дрожь.

– Росс!

– М-м-м... что?

– Это ведь... еще не победный бросок?

– Разве я не все рассказал тебе о бейсболе, дорогая? Даже если ты совершил победный бросок, тебе все равно необходимо пробежать все четыре базы!

– В самом деле? – еле выдохнула она, когда он освободил ее от жакета и тот, соскользнув с ее плеч, упал на пол.

– Ну конечно!

– Тогда я думаю, что тебе нужно отправляться к первой базе.

– Ну, тогда это получится игра в бейсбол в обнаженном виде!

– Неужели?

Росс промолчал и принялся расстегивать пуговицы ее блузки, делая это, как казалось Пейдж, мучительно медленно. Мучительно, потому что время от времени он слегка касался ее кожи.

– Вот так. Я ни за что не ударю по мячу, пока ты не останешься полностью обнаженной.

– О нет, Росс, не надо! – взмолилась Пейдж, когда тот коснулся ее талии. – Не забывай о том, что женщины очень любопытны, – добавила она и стала развязывать его галстук.

– Но теперь моя очередь взять в руки биты, – ответил Росс, пытаясь помешать ей.

– Не забывай, что этот бейсбольный матч необычный, без спортивных правил.

Росс с деланным сожалением вздохнул, трагически закатив глаза.

– А я-то думал, что ты все время будешь подчиняться мне. Затем он расстегнул манжеты рукавов ее блузки и, прежде чем Пейдж успела возразить, сцепил их у нее за спиной так, что она лишилась возможности сопротивляться.

Эта хитрость вызвала, конечно же, бурю негодования, которую Росс воспринял со снисходительной улыбкой. Затем он расстегнул на ней бюстгальтер – кстати, застежка была спереди, – но при этом даже не посмотрел на результат. Смахнув чашечки в стороны, он жадно приник губами к ее груди.

– Росс, – выдохнула она его имя. – Ты... пропустил... первую базу...

– Перестань смущаться, дорогая! Это ведь игра без правил. Я буду бегать от одной базы к другой в том порядке, в каком захочу!

Пейдж попыталась высвободить сцепленные манжетами руки, но, видимо, не слишком настойчиво. Превратившись за последние недели, по собственному мнению, едва ли не в нимфоманку, Пейдж испытала нечто вроде удовольствия от того, что она совершенно беззащитна перед его чувственным напором.

Прежде чем она успела понять, как ему удалось сладить с застежкой-молнией, Росс уже каким-то непонятным образом стащил с нее юбку.

– Боже! – прошептал он, глядя на ее нее.

– Что?

– Это... пояс для чулок?

Пейдж недоуменно посмотрела туда же.

– Что-то не так? – с трудом произнесла она.

– Нет, нет! Черт побери, ты такая соблазнительная! – Его пальцы скользнули по ее животу, затем спустились ниже и коснулись кружевного края чулок и нежной кожи бедра. – Такой потрясающей бейсбольной формы я еще ни разу не видел!

Затем его палец коснулся краешка трусиков и скользнул под него.

– Росс, я больше не могу так стоять! – воскликнула Пейдж, чувствуя, как у нее подгибаются колени.

– Сейчас я все исправлю, дорогая! – Расстегнув наконец манжеты, Росс высвободил ей руки, слегка нагнувшись и, не успев Пейдж понять, что он делает, подхватил ее на руки.

– Где у тебя спальня?

Пейдж слабо махнула рукой в сторону холла.

– Последняя дверь направо... или налево.

– Ты даже не помнишь, какая именно дверь?

– Сейчас я ничего не помню. Я вообще не понимаю, где я!

– Ты со мной, дорогая! Там, где тебе и нужно находиться!

Пейдж опустила голову ему на плечо, вдыхая теперь уже слабый аромат крема после бритья и неповторимый аромат его кожи. Прошло всего лишь два дня, а она уже отчаянно скучает по запаху его тела.

У нее возникло слабое подозрение, что, делая этот сомнительный шаг, она не преодолет болезнь, подобно тому, как одной таблеткой аспирин не избавиться от мигрени. Но разве есть смысл отрицать, что ей нестерпимо хочется физической близости с ним?

– Пейдж!

– М-м-м?

– Может, ты все-таки подскажешь мне нужное направление?

Не поднимая головы, Пейдж неопределенно махнула рукой. Сквозь застилавший ее зрение и слух туман она расслышала, как он распахнул дверь.

– Я тебе правильно подсказала? – тихо спросила она.

– Да, дорогая! Эта определенно твоя комната. Здесь даже пахнет тобой!

– А это хорошо или плохо?

– Хорошо, даже очень хорошо!

Он положил ее на постель и тут же накрыл ее своим большим телом.

– Я ждал этого всю жизнь!

Пейдж захотелось спросить, что он имеет в виду, потому что родился Росс точно не две недели назад. Но когда он сорвал с нее блузку и прижался губами к ее груди, все мысли отлетели прочь.

Терзаемая страстным желанием поскорее соприкоснуться с его обнаженным телом, Пейдж принялась лихорадочно расстегивать пуговицы его рубашки. Подняв голову, Росс улыбнулся:

– Терпение, дорогая!

– Не могу! Я ужасно хочу, чтобы ты разделся!

Росс усмехнулся, торопливо поцеловал ее и, перекатившись на бок, встал.

– Не хочешь во что-нибудь поиграть? Как ты относишься к боулингу? – спросил он, снимая рубашку.

– Не хочу никаких игр, – произнесла Пейдж, любуясь гладкой загорелой кожей его груди и мускулистым твердым животом. Росс вполне мог бы позировать для обложек дамских романов.

Она привстала и, избавившись от блузки и бюстгальтера, потянулась к поясу, к которому подвязками крепились чулки.

– Не надо! – остановил ее Росс, вытаскивая из кармана

брюк несколько пакетиков с презервативами.

Пейдж послушно остановилась, не сводя слаз с недавнего содержимого его кармана.

– Ты это серьезно?

– Совершенно серьезно. В чулочках ты сводишь меня с ума!

– Я не о том, – сказала Пейдж, показывая на внушительную кучку презервативов. – Я вот об этом!

– Я же бывший бойскаут, ты не забыла?

– Я просто подумала, что...

– На одну ночь хватит!

– Но ты же изменяешь правилам.

– Нет, – ответил Росс, сбрасывая ботинки и срывая с ног носки. – Если тебе одного раза покажется достаточно, мы сразу же прекратим, – добавил он, кидая на пол брюки.

А Пейдж с упоением разглядывала его нижнее белье от «Келвина Кляйна».

Росс уже находился в состоянии возбуждения. Причем весьма сильного, как она обнаружила только сейчас. Ей оставалось лишь надеяться, что она сумеет принять его вздыбленную могучую плоть.

Оставаясь в трусах, он лег рядом с ней.

– Этот огонь, что вы разожгли, милая леди, погаснет не скоро, – улыбнулся он, прикоснувшись к ее лицу.

Вот это мощь! Интересно, а что будет дальше? Окажется ли она сама на высоте? Пейдж снова откинулась на подушку.

– Поцелуй меня!

– Где?

– Везде.

Росс поспешил выполнить ее просьбу, начав с губ.

Пейдж полностью отдалась во власть чувств, нахлынувших на нее мощной волной. Обхватив его за шею, она впилась ногтями в его волосы, крепко и требовательно прижимая его к себе. Еще никогда в жизни она не испытывала от мужского поцелуя такого восхитительного блаженства. Ей казалось, будто каждая частичка ее тела обрела небывалую, обостренную чувствительность и страстно жаждет новых прикосновений.

Росс поднял голову, снова улыбнулся и стал покрывать поцелуями ее шею, опускаясь все ниже, прямо к ее груди. От прикосновения его губ у нее перехватило дыхание. Схватив руку Росса, она положила ее себе на грудь.

– Здесь! Поцелуй меня здесь!

Его губы скользнули по ее груди. Когда они сомкнулись поочередно вокруг сосков, из горла Пейдж вырвался крик наслаждения. Его пальцы осторожно поползли по ее животу и остановились у краешка трусиков. Затем они нырнули под шелковую поверхность и прикоснулись к ее пылающему лону.

Пейдж снова вскрикнула и в ответ на прикосновение его руки выгнула дугой спину.

– Ну, пожалуйста! – взмолилась она, теряя дыхание. Он отпустил ее грудь и заскользил губами все ниже по ее телу. Затем неожиданно остановился. Пейдж открыла глаза. Опустившись на колени, Росс еще шире раздвинул ей ноги. Затем оттянул краешек трусиков в паху. Пейдж, возможно, смутилась бы оттого, что он так бесцеремонно рассматривает ее, истекающую бесстыдным соком желанья, если бы не испытывала сладостное, головокружительное безумие от его прикосновений.

– Как ты прекрасна, Пейдж! – прошептал он и провел пальцем по ее обнаженной плоти, ускоряя с каждым разом ритм движений.

Когда его палец проник внутрь ее, Пейдж показалось, что все ее тело содрогнулось от наслаждения. Однако Росса это не остановило ни на мгновение.

– Ты так восхитительно отвечаешь на мои ласки! – произнес он.

– Но ты сам... – прошептала она, когда к ней наконец снова вернулось дыхание.

– О, у нас найдется время и для меня.

Он еще несколько минут бережно и нежно гладил ее тело, как будто пытаясь запомнить его. Пейдж тем временем постепенно вернулась с небес на землю и потянулась к Россу, горя желанием одарить его ответными ласками, но тот слегка отстранился.

– Не сейчас, малышка, – чуть охрипшим голосом произ-

нес он. – Я хочу целовать тебя всю.

– Боюсь, я больше просто не выдержу, – призналась Пейдж.

– А я уверен, что выдержишь.

Росс снова сел и, просунув Пейдж руку под левое колено, приподнял ее ногу. Поднимаясь все выше, он принялся покрывать поцелуями через шелк чулка сначала лодыжку, затем колено и бедро.

Пейдж вновь ощутила, как у нее между ног стремительно нарастает знакомое напряжение. Ее охватило страстное желание поскорее избавиться от этой сладостной муки.

– Давай, Росс, сейчас!

– Хорошо, дорогая, – ответил Росс и поцеловал ее *там*, прямо поверх лоскутка трусиков.

Пейдж едва не вскрикнула. Стиснув его плечи, она, не помня себя, вонзила в него ногти.

Росс снова оттянул трусики, и теперь между его губами и бутоном ее женской плоти уже не было никакого препятствия.

Все остальное Пейдж воспринимала как в тумане. Росс каким-то образом избавил себя от изделия фирмы «Келвин Кляйн», а ее от трусиков и пояса для чулок и должным образом расправил презерватив, несмотря на то что Пейдж хватала его за руки, умоляя взять ее поскорее.

Затем он принялся ласкать ее *тамкончиком* пениса. Пейдж показалось, что в следующее мгновение она сойдет с

ума от желания.

– Ты хочешь меня, малышка?

– Да! Пожалуйста, прошу тебя, скорее!

– Хочешь чувствовать меня внутри?

– Да!

– Очень хочешь?

Пейдж притянула к себе его голову, и они коснулись друг друга носами.

– Если ты не прекратишь добиваться заключительного слова, то тебе вряд ли понравится вердикт!

Росе рассмеялся и, поцеловав Пейдж, рывком проник в нее. У нее снова перехватило дыхание. Росс замер.

– Тебе больно?

– Больно самым приятным образом, – ответила Пейдж и, обхватив его ногами за талию, выгнула спину, чтобы он еще глубже проник в нее.

Росс блаженно зажмурил глаза.

– Ты чудо! С тобой так хорошо!

Отыскав медленный, глубокий ритм, он снова оживил ее, на этот раз изнутри.

Затем, по-прежнему не разжимая объятий, Росс перевернулся на спину.

– Теперь ты люби меня, малышка!

Пейдж оперлась руками на его грудь, не совсем уверенная., как все будет дальше. И вовсе не потому, что не знала, как заниматься любовью в таком положении. Она не была

столь наивна. Просто у нее не было личного опыта. Она никогда и ни с кем не делала ничего подобного.

От Росса это не укрылось.

– Просто делай так, чтобы тебе было приятно! – Пейдж сделала несколько неуверенных движений, и Росс тотчас застонал от удовольствия. Ей это понравилось. Она немного приподнялась и сделала движение, позволившее ей принять его в себя еще глубже.

Пейдж постепенно входила во вкус нового опыта. Причем не только потому, что сама получала удовольствие. Еще больше ее радовала мысль, что она дарит наслаждение ему.

Росс приподнял бедра и, чтобы еще глубже проникнуть в нее, раздвинул ее колени. Пейдж показалось, что сейчас она лишится чувств.

Пика наслаждения они достигли одновременно.

Росс нежно провел рукой по ее слегка влажной спине. Ему было приятно оттого, что Пейдж, лишившись сил, упала ему на грудь. Они, не размыкая тел, по-прежнему составляли единое, неразрывное целое. Россу хватило бы и малейшего намека на то, что она желает продолжения любовных игр. Он с готовностью выполнил бы ее желание и вновь занялся бы с ней любовью. А потом снова. Снова и снова.

Нет, он все-таки сильно ошибался на ее счет. Пейдж была так прекрасна и отзывчива на его ласки, так дьявольски горяча, что он подумал, что иной женщины в своей жизни он

больше не пожелает.

Что ж, все это прекрасно, но Россу не давала покоя мысль о том, что она вполне может не захотеть провести с ним еще одну ночь, не говоря уже о целых десятилетиях будущей совместной жизни.

Пейдж подняла голову и посмотрела на Росса. Тот почувствовал, что готов снова броситься в огонь любовного сражения. Ее взгляд по-прежнему горел огнем, хотя веки были тяжелы от усталости.

– Привет! – произнесла она.

– Привет, любимая!

– Это было восхитительно.

– Это ты была восхитительна.

Пейдж скрестила руки у него на груди и уперлась в них подбородком.

– Что ж, все получилось.

Именно этого Росс и опасался.

– Что получилось?

– Ну да. Я едва жива.

– Вообще-то это не было моей главной целью. – Пейдж рассмеялась и поцеловала его в грудь.

– Не означает ли это... что ты теперь хочешь меня оставить?

– Мне показалось, ты говорил о целой ночи.

Росс задумчиво провел рукой по ее волосам, вспоминая свои недавние слова.

– Я действительно хотел целую ночь. Но если ты практически еле жива...

– А ты... восстановил силы?

– Я быстро восстанавливаю силы, малышка.

– Тогда тебе нужно оставаться *там* целую ночь. – Росс был готов петь от радости.

– Если ты считаешь, что нужно, то я готов!

Глава 16

– Следует признаться самому себе – это не болезнь, – про-
бормотал Росс вслух на следующее утро. Он ударил кулаком
по столу, затем потер лоб. Да, кажется, он угодил в переплет.

Они с Пейдж занимались любовью всю ночь напролет. Без
остановки. И каждый следующий раз только сильнее распа-
лял и подстегивал их.

И все-таки это точно не болезнь. Во всяком случае, не та,
которую они могли подцепить по пути с места взрыва в боль-
ницу.

А вот Пейдж радостно заявила, что этим утром они оба
выздоровели. Заявила перед тем, как скрыться в душе. У
Росса ее слова вызвали раздражение, его так и подмывало
заявить ей об этом, как только она выйдет из ванной комна-
ты, но подходящих слов он так и не нашел.

Поэтому он покинул ее дом тайком, дав себе слово хоро-
шенько обдумать сложившуюся ситуацию, а потом он поста-
вит ее перед фактом, что между ними еще ничего не конче-
но – отнюдь не кончено.

Конечно, просто взять и поставить Пейдж перед фактом –
вариант далеко не идеальный. Будет лучше, если ему удаст-
ся убедить ее. Ситуация осложнялась еще и тем, что Росс
был не совсем уверен, что знает, как ему приступить к столь
важному делу.

На столе, прервав его размышления, зазвонил телефон.

– Я вас слушаю, миссис Уиппл!

– Принесли из химчистки ваш смокинг.

– Отлично! Благодарю вас!

Он совсем забыл о том, что в пятницу ему предстоит побывать на благотворительном вечере. Мероприятие было организовано обществом «Юридическая защита – детям». Росс состоял в нем в совете директоров. Он испытывал легкое чувство вины за предстоящую торжественную речь и за то, что ему придется выслушать порцию комплиментов, которые по праву следовало бы отнести на счет миссис Уиппл. Пока он находился в больнице, ей пришлось взять на себя ряд его дел и решение неотложных вопросов.

Вспомнив о больнице, Росс тотчас почувствовал тоску по тем двум неделям, что он провел вместе с Пейдж Харт в палате инфекционного отделения. Господи, да если постоянно думать об этом, нетрудно и с ума сойти!

Телефон зазвонил снова. Росс встряхнул головой. Если он не перестанет постоянно думать о Пейдж, ему ничего не удастся сегодня сделать.

– Да, миссис Уиппл!

– Вас хочет видеть Ник Харт. – Господи! Этого еще не хватало!

– Хорошо. Надеюсь, он пришел без оружия?

– Насколько я понимаю, да. Обыскать его?

– Думаю, в этом нет необходимости.

– Вообще-то я была бы не против.

– Миссис Уиппл! А если бы это услышал мистер Уиппл?

– А откуда бы он узнал? – Росс рассмеялся:

– Ладно, пусть заходит!

Затем он встал и поправил галстук – с таким видом, будто брат Пейдж сейчас ворвется в его кабинет с единственной целью – оставить от него, Росса, мокрое место. Или по крайней мере попытается это сделать.

Через пару секунд миссис Уиппл открыла дверь и жестом пригласила Ника Харта войти. Было совсем не похоже на то, что Ник Харт явился сюда, чтобы всеми мыслимыми и немыслимыми способами вступить за честь сестры. Что ж, это уже хороший признак, решил Росс, но если причина его прихода не связана с Пейдж, то тогда это совершеннейшая загадка.

– Благодарю вас за то, что согласились принять меня без предварительной записи, – произнес Ник, направляясь к столу и протягивая Россу руку.

Росс ответил ему рукопожатием и жестом пригласил садиться.

– Кофе? Колу?

– Нет, спасибо, ничего не надо.

– Чем могу быть полезен? – спросил Росс, вернувшись на свое место.

– Мне нужен совет юриста.

У Росса от удивления отвисла челюсть.

– То есть мой совет?

– Да.

– Но почему вы не обратились к Пейдж?

– Это не по ее части. Кроме того, мне не хотелось бы, чтобы это стало известно Пейдж или кому-либо из других моих родственников.

– У меня создалось впечатление, что вы не женаты.

– Да, верно.

– А доктор Тернер?

– Нет, она тоже не замужем. Во всяком случае, пока не замужем.

– Ну хорошо, – сказал Росс и придвинул поближе блокнот для рабочих записей и ручку. – Какого рода юридический совет вам нужен?

– Но только это строго между нами, хорошо?

– Будьте уверены. И когда же мы услышим свадебные колокола? – спросил Росс, не будучи вполне уверен, что дело касается составления брачного контракта. Росс относился к таким контрактам несколько скептически. По его мнению, они подразумевали, что будущая семейная пара уже заранее настраивалась на возможность неудачи в супружеской жизни.

– Не раньше, чем по этому поводу выскажется Памела Джонс, – угрюмо проворчал Ник.

– А кто такая Памела Джонс?

– Жена Фримена Джонса.

– Крупного медиамагната?

– Его самого. Я делал проект их нового дома.

– Так что такого происходит с женой Фримена Джонса? – спросил Росс. У него в глубине души шевельнулось неприятное чувство. Ему очень не хотелось бы услышать, что у Ника Харта роман с замужней женщиной. Пейдж наверняка жутко расстроится, если узнает об этом.

– Очевидно, многое. Говорят, ее супругу стало известно, что она изменяет ему с неким молодым мужчиной.

Росс предостерегающе поднял руку.

– Прежде чем вы продолжите свой рассказ, Ник, я хочу предупредить вас, что не занимаюсь делами, связанными с супружеской неверностью. Ничего не имею против вас лично, но это один из моих жизненных принципов.

Глаза Ника удивленно расширились.

– Вы считаете, что это я... но это не так!

У Росса словно камень с души свалился. Он едва сдержал улыбку, слегка удивившись, что признание Ника вызвало у него такое облегчение.

– Тогда я не вполне уверен, что вам нужен именно я.

– Дело в том, что она заверила мужа, будто неведомый поклонник – это я, их архитектор... Представления не имею, почему она решила назвать мое имя. Сегодня утром в мой офис подобно урагану ворвался мистер Джонс и потребовал объяснений. Он начал угрожать мне судом, выкрикивал какие-то фразы насчет «отчуждения залога». Мне потребова-

лось добрых десять минут, чтобы успокоить его и понять, в чем суть дела.

– Но почему она назвала ваше имя, хотя это вовсе не вы?

– Я задал себе тот же вопрос. Я в общем-то терпеть не могу эту сварливую особу.

– Если я вас правильно понял, се все-таки не поймали, так сказать, с поличным?

– Насколько я себе представляю, она призналась ему в измене после того, как он отказал ей в некоторой сумме денег на личные расходы.

– Не слишком большого ума девица, верно?

– Да уж, пожалуй, если хотите знать мое мнение.

– А какова, по-вашему, причина того, что своим любовником она назвала именно вас? – спросил Росс, хотя был совершенно уверен в том, что и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Ник Харт – мужчина привлекательный, даже с точки зрения другого мужчины. По мнению Росса, нашлось бы немало женщин, готовых выложить кругленькую сумму за то, чтобы провести с ним время. Ник произвел впечатление даже на миссис Унппл.

– Представления не имею! За исключением того, что мы проводили много времени вместе, обсуждая план нового дома и поправки к этому плану. Джонс фактически предоставил ей в этом отношении полную свободу действий, и его жена всю пользовалась открывшимися перед ней возможностями. Теперь мне многое стало ясно. Я передал Джонсу

примерную стоимость работ по переделкам первоначально-го проекта, и, поверьте мне, с тех пор, как она стала единолично распоряжаться строительством, эта сумма утроилась! Неудивительно, что между супругами вспыхнули разногласия.

– Вы готовы поклясться, что в словах Памелы Джонс нет ни капли правды?

– Клянусь!

– И не всплывут счета из мотеля? Не будет чеков на купленные вами драгоценности? Не появятся телефонные счета?

– Мы разговаривали с ней только по сотовому телефону. И это были исключительно деловые разговоры.

– Прекрасно, но зачем вам тогда понадобился совет адвоката?

– Потому что ее муж угрожает мне судом. Он требует компенсации за моральный ущерб! Более того, он угрожал мне – говорил, что не заплатит за дополнительные работы по переделке дома. Я вложил в этот проект слишком много своих денег и не могу позволить себе потерять их.

– Когда вы опровергли все его обвинения, он вам поверил?

– Нет.

– Тогда сделаем вот что. Во-первых, мы докажем, что вы никогда не оставались с женой Фримена Джонса наедине. Во-вторых, представим все необходимые бумаги, подтвер-

ждающие, что она лично санкционировала все работы по перееду дома. Ведь именно так и было, верно?

– Да, – кивнул Ник. – Когда она настаивала на дополнительных изменениях проекта, я всегда заставлял ее расписываться на документах.

– Муж уполномочил ее подписывать такие документы?

– Конечно. Фримену Джонсу очень хотелось во всем угоду своей «малышке Памеле». Он разрешил ей делать все, что только пожелает ее «маленькое сердечко»!

– Тогда у него нет, так сказать, никакой юридической почвы под ногами. Я думаю, особых проблем у нас не возникнет.

– А как мы заставим его пойти на попятную? Он же в два счета может смешать меня с грязью – ведь все газеты принадлежат ему!

– Прежде всего я заставлю его жену назвать места всех ваших гипотетических тайных свиданий, а также время, когда эти встречи происходили.

– Она может заявить, что мы встречались на строительной площадке или где-нибудь поблизости. Там мы действительно проводили много времени вместе.

– Вы там бывали одни?

– Нет... Слушайте, вспомнил! Строители могут подтвердить, что мы никогда не уединялись! Клянусь, мы не устраивали там тайных свиданий. Все происходило на виду.

– Правильно. Скажите, у вас есть какие-то родинки на теле? Что-то такое, о чем могла бы знать женщина, вступавшая

с вами, так сказать, в интимные отношения?

Ник задумался.

– Ни родимых пятен, ни бородавок у меня нет.

– А шрамы?

– Да! У меня остался на плече шрам после одной давней аварии, когда я ехал на мотоцикле.

– И он хорошо различим?

– Да. – Ник указал на свое левое плечо. – Вот здесь! Он примерно два дюйма длиной.

Росс сделал несколько записей в блокноте.

– Превосходно. А что касается принадлежащих старику Джонсу газет, то мы дадим ему недвусмысленно понять, что если он попытается очернить вас в прессе, то на него тоже могут подать в суд, не говоря уже об общественной огласке.

– Так что мы будем делать?

– Вам делать ничего не нужно. Я сам все сделаю.

– И что вы собираетесь предпринять?

– Я направлю мистеру Джонсу – или, если угодно, его адвокату – встречный иск. Если он будет настаивать на суде, то я заставлю его жену дать письменные показания под присягой. Когда она запутается во лжи, им придется отвечать по встречным искам, связанным с диффамацией, то есть необоснованным иском, неполучением дохода, нарушением контрактных обязательств и, может быть, кое-чего другого, что придет мне в голову. – Ник какое-то время помолчал.

– Вы, я вижу, дока в своем деле! – произнес он с восхи-

щением.

– Не хотел бы хвастаться, но кое-что в адвокатском деле я понимаю.

– А получится так, как вы говорите?

– Не вижу причин, которые могли бы нам помешать, но хочу сразу вам сказать, что, если она все-таки точно опишет ваш шрам, плохи будут наши дела.

– Не бойтесь, она ничего о шраме не знает.

– Тогда все в порядке, – сказал Росс и захлопнул блокнот.

– Спасибо вам.

– Не за что.

– Только прошу вас – ни слова Пейдж.

Росс мысленно усмехнулся: даже если бы он и захотел нарушить обязательства перед клиентом, ему понадобилась бы очень веская причина, чтобы встретиться с Пейдж. Сегодня утром ему показалось, что она вовсе не горит желанием увидеться с ним снова.

– Я не стану ничего рассказывать Пейдж. Но мне непонятно, почему вы не хотите, чтобы ей стало известно о вашей проблеме? Вы же не сделали ничего дурного.

– Я просто не хочу, чтобы это каким-то образом дошло до Рейчел.

– Но если вы ни в чем не виноваты, то все же – почему?

Ник поджал губы, помолчал, но затем ответил:

– Дело в том, что наши с ней отношения пока еще недостаточно прочны. Боюсь, как бы эта история не навредила

нам обоим.

Недостаточно прочны. Ему, Россу, это очень знакомо.

– Могу я спросить вас кое о чем, Харт?

– Вы и так выразили готовность выручить меня из беды.

Думаю, что можете рассчитывать на мою искренность.

– Я хотел спросить о Пейдж. Что там стряслось с ней во время учебы в колледже?

Ник нахмурился.

– Откуда вам известно, что с ней что-то стряслось в колледже?

– От нее самой.

– Она рассказала вам? Об этом... профессоре?

– Да.

– Господи. Хотя, знаете, это хороший признак. Она вряд ли стала бы рассказывать эту историю человеку, которому не доверяет.

Смущенно взглянув на собеседника, Росс нехотя признался:

– Вообще-то я подозреваю, что мне она рассказала об этом просто от скуки. Что было еще делать в больнице, как не обмениваться историями былых любовных приключений?

Заисключением той самой ночи.

– Что ж, наверное, так.

– Это оставило в ее душе незаживающую рану?

– Не знаю насчет раны, но она все еще остро переживает

случившееся.

– Мне тоже так кажется. И я не знаю, что с этим делать.

– Что вы имеете в виду?

Росс немного помедлил, но затем признался:

– Похоже, что ей не хочется задумываться о будущем. Вы понимаете, о чем я?

Настала очередь Ника удивиться.

– И у вас та же проблема?

– Не может быть! И у вас с Рейчел то же самое?

– Именно! И почему это женщины никогда не хотят принять верное решение?

Росс задумчиво покачал головой.

– Не знаю. Я хочу сказать, что только и делаю, что пытаюсь сделать Пейдж счастливой, но она даже не желает задуматься над тем, что же в ее жизни будет дальше.

– У меня та же история! Рейчел говорит, что не желает вдаваться в объяснения.

– Я точно знаю, что вы имеете в виду. И почему женщины отказываются найти общий язык с нами, мужчинами?

– Рейчел не хочет даже слышать о том, чтобы между нами возникли личные отношения.

– Иногда мне кажется, что я хорош для нее только в одном, – пожаловался Росс.

– Знакомая история, – кивнул Ник.

– У вас не возникало ощущения, что для них работа важнее, чем мы?

– Конечно. У Рейчел на уме только больница и ее больные.

– А Пейдж уверяет, что занята настолько, что у нее не остается времени даже подумать о личной жизни.

– Почему с женщинами так трудно? Я ведь вовсе не посягаю на рабочее время Рейчел!

– А вы вспомните – стоит хотя бы полусловом намекнуть, что, мол, как было бы здорово, если бы она принадлежала только тебе одному, как она готова расхохотаться тебе прямо в лицо! – грустно пошутил Росс.

– Рейчел бы наверняка икала от хохота! – согласился с ним Ник.

– Можете представить себе, что скажет Пейдж, если я заведу речь о женитьбе?!

Слова Росса застали Ника врасплох.

– Вы серьезно думаете о браке?

– Да как я могу сказать ей об этом! Если у меня даже не получается уговорить ее хотя бы просто встретиться со мной.

– Но мне казалось... что вы с ней... знаете... довольно близки, – запинаясь, произнес Ник.

– Верно. Это когда в ней начинают бушевать гормоны. Но чувства? Забудьте о них! Понимаете, мы провели с ней вчера очень бурную ночь. И вы думаете, она мне сегодня позвонила? Ошибаетесь!

– А Рейчел скорее всего «случайно» потеряла мой номер телефона. И это несмотря на то, что я написал его губной помадой на зеркале в ее ванной.

– Как романтично! – отозвался Росс.

– Готов поспорить на что угодно, но Рейчел так не думает.

Вы знаете, что я весь вчерашний день готовил для нее изысканное блюдо, способное угодить вкусам истинного знатока кулинарии? Разве она пришла вовремя? Нет же! Она задержалась в больнице, напрочь забыв о моем приглашении!

– Ох уж эти женщины! – с негодованием воскликнул Росс.

– Ох уж эти женщины! – эхом отозвался Ник.

– Бетти! – едва не сорвалась на крик Пейдж. – Я нигде не могу найти папку с документами тетушки Алисии!

Было утро пятницы, однако Пейдж нисколько не ощущала привычного облегчения при мысли о том, что рабочая неделя наконец подошла к концу и впереди два выходных дня.

Несколько секунд спустя на пороге кабинета появилась Бетти. Как всегда, вшитом на заказ умопомрачительном платье, которое, видимо, стоило не меньше месячного заработка Пейдж.

– Истинной леди, моя дорогая, повышать голос подобает лишь в тех случаях, когда она платит своим подчиненным непристойно большие суммы денег, как, например, это делается в Голливуде!

Пейдж тут же съежилась от стыда. Господи, если дело и дальше так пойдет, она станет самой визгливой адвокатшей в Атланте.

– Извини меня, Бетти. Но почему я не могу нигде отыс-

кать ее?

– Смею напомнить, дорогая, что ты попросила меня сделать копии нескольких папок с документами и отправить их с курьером в офис Росса Беннета. Если не ошибаюсь, они находятся в стопке с указателем «Исходящие».

– Конечно же!

– Принести их?

Пейдж провела ладонью по лбу.

– Нет, не надо. Все в порядке. Я сама.

Бетти опустилась в одно из кресел для посетителей.

– Отлично, тогда давай поговорим о тебе!

– Почему обо мне? – встревоженно спросила Пейдж.

– О том пришельце, который вселился в твое тело. – Вернувшись на свое место за столом, Пейдж села.

– Я могла бы сказать, что не понимаю, что ты имеешь в виду, но не хочу лгать.

– А вот это верно! Что с тобой, дорогая?

– Я... я не уверена.

– Попробую догадаться.

Догадаться, конечно, не сложно, но сама она вряд ли сможет признаться Бетти во всем, не испытывая мучительного смущения. Да и как объяснить, что ночь, проведенная с Россом, не связала их окончательно? Что после радостных воспоминаний об этой удивительной ночи, которым она с упоением предавалась все утро, к вечеру ей сделалось невыносимо грустно без него: она поняла, что скучает по нему. Про-

шло две ночи без Росса, и она безумно хочет увидиться с ним снова.

– Как следует поступить, если необходимо убедиться в том, что с точки зрения физического самочувствия с тобой все в порядке?

– Нужно обратиться к врачу.

– В том-то и проблема. Я уже была у врача. Она уверяет меня, что я абсолютно здорова.

– Если ты говоришь о докторе Тернер, Пейдж, то она лучший врач в больнице Святой Екатерины.

– Знаю. Но это не имеет никакого значения.

– А что же имеет значение?

Пейдж посмотрела на Бетти. Ее секретарша принадлежала к сливкам высшего общества Атланты, но все же при всей своей королевской стати была женщиной прагматичной и достаточно прямолинейной. При условии, конечно, что правила этикета все-таки соблюдались. Вот почему Пейдж все никак не могла решить, уместно ли ей обсуждать с Бетти проблемы своей сексуальной жизни.

– Возможно, дело в моей голове?

– А может, ты скажешь, при чем здесь твоя голова?

– Неужели это сила внушения?

Бетти решительно стукнула кулаком по столу.

– Давай-ка, девочка, рассказывай, что с тобой! Хватит все носить в себе!

– Мне кажется, я просто помешалась на сексе. Это стано-

вится настоящей манией!

Бетти довольно долго смотрела на нее, а затем расхохоталась:

– И это вся твоя проблема?

– Я вовсе не такая, – напомнила ей Пейдж. – То есть раньше я никогда такой не была. А теперь, похоже, все мои мысли – только о сексе.

– Какая ты счастливая!

– Нет-нет! – возразила Пейдж. – Это ужасно! Как же мне вернуться обратно к нормальной жизни, если я все время думаю об этом змее Россе Беннете?

– Видимо, он нужен тебе больше, чем ты сама готова себе в этом признаться.

– Быть не может!

– Почему же?

– Он самый настоящий змей! Он – адвокат, занимающийся разводами! Он... он...

– ...чертовски красивый мужчина, которого просто боготворит его секретарша!

– Еще бы она его не боготворила. Он ведь платит ей это деньги!

– Мэри Лу Уиппл нуждается в жалованье не больше, чем я. Она работает лишь из чувства преданности ему, а не для того, чтобы прокормить семью.

Пейдж удивленно уставилась на Бетти.

– Откуда тебе все это известно?

– Милочка, она же моя подруга! Мы, секретарши про-
жженных адвокатов, должны держаться вместе! – добавила
она с легкой улыбкой.

– И все же...

– Ты слышала об обществе «Юридическая защита – де-
тям»?

– Некоммерческая организация, оказывающая помощь
детям, которых избивают родители?

– Именно.

– Прекрасная организация, я слышала о ней самые лест-
ные отзывы, – прокомментировала Пейдж.

– Сегодня вечером они устраивают сбор пожертвований.

– Все это замечательно, но я не понимаю, какое отноше-
ние это имеет к теме нашего разговора.

– А ты угадай, кто там у них один из ее основателей и
постоянный член совета директоров!

– Ну уж никак не Росс.

– Ошибаешься. Он самый.

Пейдж опустила голову. Как же ей теперь сопротивлять-
ся чувству симпатии к человеку, который занимается таким
благородным делом?

В следующее мгновение ей пришла на память одна деталь.
Когда они еще находились в больнице, доктор Тернер одна-
жды передала Россу какую-то папку с бумагами, на которой
стояли три загадочные буквы – ЮЗД. Юридическая защита
– детям. Он несколько дней подряд работал над документа-

ми из этой папки, и Пейдж решила, что эти буквы – инициалы какого-нибудь его клиента. Ей даже не пришло в голову спросить об этом у самого Росса.

Значит, Росс занимается благотворительностью, а ей не сказал. Отлично. Еще одна причина обидеться на него.

– Почему ты так упорно сопротивляешься? – ласково спросила Бетти. – Нельзя перечить судьбе. Отдайся воле волн, Пейдж! Плыви навстречу своему счастью!

Почему она сопротивляется? Хороший вопрос. В конце концов, даже если она неприязненно относится к адвокатам, занимающимся разводами, то Росс уже не раз доказывал ей, что он приятное исключение из общего правила. Он – этичный адвокат, занимающийся бракоразводными процессами. Добрый, щедрый человек. И черт побери, самый нежный и страстный любовник в мире. Хотя у нее не слишком богатый опыт в этом отношении, она может считать проведенные с Россом ночи подарком судьбы. Ведь именно он помог ей узнать, что такое настоящая чувственная любовь.

– А что, если он относится ко мне не так, как я к нему? Что, если он уже забыл меня?

– Есть только один способ проверить, так ли это. Встретиться с ним снова.

– Но я не могу! Я не знаю, что сказать ему!

– Может, просто сказать: «Привет, Росс! Сходим куда-нибудь вместе?»

– Так не пойдет. У меня ничего не получится.

– Тогда есть другой способ.

Пейдж точно знала, что в это мгновение в ее глазах вспыхнула надежда, но она даже не попыталась скрыть этого.

– Какой?

– Помнишь о сегодняшнем сборе пожертвований?

– Помню. Ну и что?

– У меня случайно имеется лишний пригласительный билет на это мероприятие. Мой... друг в последнюю минуту отказался пойти со мной. Пейдж удивленно посмотрела на Бетти.

– Друг?

– Только, пожалуйста, не смотри на меня так! – Бетти взмахнула рукой, и браслеты на ее запястье негромко звякнули. – В этом нет ничего предосудительного.

– А кто он?

– Ты его не знаешь, уверяю тебя!

– Это, случайно, не Харви из службы доставки посылок?

Бетти густо покраснела.

– С чего ты взяла, что мне может прийти в голову проводить время в обществе этого... занудного типа.

– Ты говоришь так, потому что он не хочет слушать твою болтовню?

– Я вовсе не занимаюсь пустой болтовней, Пейдж. В самом деле!

– Так кто же этот твой друг?

Бетти поспешила отвести взгляд в сторону.

– Да, это он. Харви.

– Но если он занудный тип, то почему ты... встречаешься с ним?

– Это не свидания, Пейдж, дорогая! – Заметив, что Пейдж удивленно посмотрела на нее, Бетти пожала плечами. – Может, я и не слишком молода, но вовсе не собираюсь ставить на себе крест!

Пейдж не хотелось слушать откровения собственной секретарши. Бетти, светская львица, и вдруг на тебе! Крутит тайный роман. И с кем? С курьером из службы доставки посылок! Пейдж почувствовала приближение жуткой, невыносимой мигрени.

– Однако хватит обо мне. Вернемся к твоим проблемам. Приходи сегодня на сбор пожертвований.

Пейдж изо всех сил боролась с искушением.

– Я не смогу.

– Это почему же?

– Он может подумать, что я преследую его! – выпалила Пейдж.

– Нет, ты ошибаешься. Это будет посещение мероприятия с достойной целью.

– Но...

– Я пойду с тобой. Все решат, что это я притащила тебя с собой.

– Даже не знаю.

– Послушай, что я тебе скажу. Твой Росс даже не догады-

вается, что на аукционе, между прочим, будет разыгрываться один интересный лот. Знаешь какой? Встреча, точнее, свидание с ним!

Услышанное повергло Пейдж в замешательство. Если она не пойдет с Бетти, то свидание с Россом достанется какой-нибудь другой женщине! Нет, этого она не допустит!

Она резко встала и потянулась за бумажником.

– Куда это ты? – поинтересовалась Бетти.

– В магазин. Мне нечего надеть. Нужно срочно что-нибудь купить! – отозвалась Пейдж.

– Мой автомобиль будет у твоего дома в восемь!

Глава 17

– Ты потрясающе выглядишь! – заявила Бетти ровно в восемь вечера, когда Пейдж села в ее машину.

– Что? Ты об этом старье? – сухо произнесла Пейдж. Она целых три часа рыскала сегодня по всей Атланте, пока не нашла подходящее платье. Оно было длинным, почти до щиколоток, из кремового шелка и дополнялось шарфом, переброшенным через левое плечо за спину.

Пейдж слегка завила волосы, оставив их золотистой волной ниспадать на плечи. Зачесывать их назад она не стала, оставив лицо открытым при помощи пары заколок. Пейдж подумала, что лучше не стоит признаваться, как тщательно она готовилась к этой встрече. Поэтому решила не посещать парикмахерскую и сделать прическу сама.

Кроме того, истина состояла в том, что ей не очень-то и хотелось идти на прием. Скорее, ей было даже страшно. Нет, просто очень страшно. Как поведет себя Росс? Проявит вежливость? Продемонстрирует холодность? Или, не дай Бог, безразличие?

А как ей вести себя по отношению к нему? Дружески? Показать ему, что она рада видеть его? А что, если она, страшно сказать, грохнется в обморок прямо у его ног?

Пейдж охотно приняла узкий высокий бокал шампанского, который протянула ей Бетти, но, вспомнив, как коварно

повлиял алкоголь на нее совсем недавно, сделала лишь один осторожный глоток и крепко зажала бокал обеими руками, главным образом для того, чтобы никто не заметил, как дрожат ее пальцы.

– Успокойся. Расслабься, – шепнула ей Бетти. – Сегодня ты будешь здесь самой красивой!

Пейдж искренне усомнилась в ее словах, но благодарно улыбнулась в ответ.

– Послушай, я говорила тебе, что в последнее время ты просто душка? – спросила она.

– Нет, – ответила Бетти. – В этом отношении ты проявляла вопиющее равнодушие к моей персоне.

– Прости меня! Мне, право, стыдно.

– Ты уже прощена! А теперь скажи-ка мне, какие это могут быть общие дела у Ника и Росса? Тебе что-то об этом известно?

Пейдж удивленно посмотрела на Бетти.

– Ник? Мой Ник?

– Он самый.

– Что ты имеешь в виду?

– Разве ты не слышала, что пару дней назад он приходил в офис к Россу?

– Нет.

– Понятно.

– А откуда это известно тебе?

– Недавно обедала с Мэри Лу Уиппл. Она сказала, что

ним приходил твой красавчик брат.

– Она рассказала тебе, в чем там дело?

– Разумеется, нет! Мы, конечно, любим немного посплетничать, как и все женщины, но, честное слово, Пейдж, деловых вопросов в наших разговорах мы не касаемся!

Деловые вопросы? Общие дела у Ника и Росса? Невероятно! Быть того не может! Если Ник решил жениться, он бы обязательно известил ее.

Неожиданно ей в голову пришла ужасная мысль.

– Миссис Уиппл не говорила о том, что они устроили скандал? Она не слышала, как они дрались или ломали мебель?

– Если даже она что-то видела или слышала, то ничего об этом мне не говорила.

Пейдж с ужасом представила себе, как увидит сегодня вечером Росса с синяком под глазом. Или того хуже. Она тогда убьет Ника, пусть только этот подлец попадется ей на глаза!

– Что-то мне это не нравится, – пробормотала Пейдж.

– А я уверена, что все будет в порядке, – заверила ее Бетти. – Ты захватила с собой чековую книжку? Ведь сегодня состоится аукцион!

Банкетный зал отеля «Мариотт» был переполнен и сиял блестками шикарных дамских платьев, огнями канделябров и радугой хрустальных бокалов с шампанским. Хотя в углах просторного помещения стояли диваны и кресла, боль-

шинство приглашенных расхаживали по всему залу, общаясь друг с другом. Между ними курсировали официанты с подносами, предлагая гостям бутербродики-канапе и прохладительные напитки. Струнный квартет исполнял классическую музыку, наполняя зал нежными, приятными для слуха мелодиями. В конце зала была устроена сцена, которая пока оставалась пустой и темной. Пейдж увидела несколько знакомых лиц, заметила пару-тройку знаменитостей, но в основном никого из присутствующих толком не знала. В зале собрались сливки высшего общества Атланты. Легко представить себе, сколько стоил входной билет!

Росса нигде не было видно, и Пейдж даже забеспокоилась, не произошла ли у него в самом деле стычка с Ником.

Бетти вцепилась в Пейдж, как маленькая девочка в любимую куклу, и таскала ее с собой от одной группы гостей к другой, представляя своим знакомым.

Пейдж изо всех сил старалась быть любезной со всеми и честно пыталась запомнить их имена, однако не могла удержаться от того, чтобы не выискивать в шумной толпе знакомую фигуру.

К сожалению, это было практически зевозможно, потому что одетые все как один в черные смокинги мужчины казались ей одинаковыми. Оставалось надеяться на ее собственный внутренний «радар», но, увы, Росса ей так и не удалось обнаружить.

И хотя физически он не присутствовал, но, к какой бы

группе гостей они с Бетти ни подходили, во всех разговорах обязательно фигурировало имя Росса. Сначала у Пейдж с трудом укладывались в голове такие эпитеты, как «известный филантроп», «молодой гений», «неутомимый защитник униженных и оскорбленных», – и все это в адрес известного человека. Тем не менее с каждой минутой она испытывала все большую гордость за Росса, который действительно был достоин всех этих высоких слов. Он был достоин даже большего. Много большего.

В одной из групп гостей оказался еще один адвокат, сотрудничавший с организацией «Юридическая защита – детям». От него Пейдж и остальные гости, стоявшие рядом с ней, узнали, что сегодня Росс получит награду, о чем сам он даже не подозревает. Адвокат также подтвердил многое из того, что рассказала Бетти. Один из лотов нынешнего аукциона – сам Росс Беннет. О чем он, кстати сказать, тоже не знает.

Пейдж подумала, что все эти люди в некотором роде приготовили бедняге Россу ловушку. Она окажет ему любезность, если придет на помощь. А ему, в свою очередь, следует по достоинству оценить ее самопожертвование.

Спустя час струнный квартет неожиданно смолк, и в зале вспыхнули все люстры, ярко осветив подиум. Разговоры стихли, и взоры всех присутствующих обратились в сторону импровизированной сцены, куда по ступенькам подня-

лась высокая мужская фигура.

– Неужели это сам мэр? – прошептала Пейдж на ухо Бетти.

– Да. Мэр собственной персоной, – ответила та. Происходящее подействовало на Пейдж воодушевляюще.

Под продолжительные аплодисменты публики мэр Пуллман поприветствовал участников благотворительного бала. Он был одним из немногих политиков, которому симпатизировали все – и неимущие, и представители среднего класса, и, судя по рукоплесканиям, даже самые богатые жители Атланты. Ему удавалось проводить хорошо продуманную, взвешенную политику, которая – хотя и по разным причинам – устраивала всех без исключения жителей города.

И вот теперь этот человек, едва ли не самый уважаемый политик в истории Атланты, стоит на подиуме и проникновенно рассказывает, почему он так восхищается Россом Беннетом.

Список благодеяний оказался долгим и впечатляющим. Хотя правильнее было бы назвать его монументальным. Пейдж провела в больнице в обществе Росса две недели, но разве он хоть раз обмолвился о том, что однажды спас жизни двух детей? По словам мэра, Росс уговорил их потерявшего рассудок отца, похитившего собственных детей, чтобы тот позволил ему поменяться с детьми местами и стать его заложником. Безумец удерживал Росса целые сутки, прежде чем, поддавшись на уговоры нашего героя, сдался властям.

Разве Росс упомянул хотя бы раз, что после долгой борьбы все-таки уломал городские власти и богатых филантропов и те раскошелились на два приюта – один для матерей, которых избивают мужья, и второй для детей, страдающих от побоев родителей?

Разве он хоть раз обмолвился о том, что в этих самых приютах он бесплатно дает несчастным женщинам юридические советы и консультации?

Разве он хоть раз завел разговор о стипендиях, выплачиваемых им нескольким так называемым трудновоспитуемым подросткам, которым больше неоткуда ждать финансовой помощи?

Ни разу.

Вместо этого он терпеливо сносил все нелестные эпитеты, которыми она щедро награждала его.

Пейдж была готова расплакаться. Да разве захочет такой человек, как Росс, иметь близкие отношения с занудой вроде нее? Да как вообще она может надеяться на то, что он удостоит ее своего внимания и захочет встречаться с ней?! Ведь он достоин большего!

С трудом проглотив подступивший к горлу комок, Пейдж снова принялась слушать мэра Пуллмана, который теперь уже обращался непосредственно к главному герою сегодняшнего благотворительного бала.

– Мы чрезвычайно рады тому обстоятельству, что сегодня вечером мистер Беннет смог оказаться вместе с нами,

несмотря на то что совсем недавно с ним произошло несчастье и он пострадал во время взрыва возле здания суда. А после этого ему еще пришлось провести в больнице пару невыносимых недель на карантине.

Невыносимых? Интересно, чье это мнение, Росса или мэра? Будет ужасно обидно, если Росс вспоминает эти дни как настоящую пытку, хотя вообще-то она не имеет права винить его.

– Позвольте мне без дальнейших церемоний поприветствовать мистера Росса Беннета!

На этот раз аплодисменты прозвучали подобно раскату грома. Пейдж продолжала высматривать его среди присутствующих, удивляясь, как она не сумела заметить его раньше. Ага, вот он! Росс стоял на нижней ступеньке лестницы, ведущей на подиум, пожимая руки и улыбаясь небольшой группе доброжелателей, в число которых затесалась и какая-то незнакомая ей роскошная блондинка, не желавшая отпускать его на сцену, не запечатлев на его щеке долгий поцелуй. А поцеловав, интимным жестом стерла с его лица след помады.

Сердце Пейдж болезненно сжалось. Неужели они договариваются о свидании?

Неожиданно она почувствовала себя душой. Идиоткой. Ощутила, как стремительно испарились все ее надежды на то, что он сохранит к ней прежнее отношение и интерес как к женщине. Пейдж показалось, что у нее вот-вот подогнут-

ся колени и она без чувств рухнет на пол. Или, может, уйти отсюда?

Последнее, конечно, было бы предпочтительнее.

– Бетти, я думаю, что мне нужно уйти, – прошептала она.

– Чепуха!

– Нет, действительно.

– Послушай, моя дорогая, будет просто невежливо демонстративно уходить, когда почетный гость выходит на сцену! Не забывай о приличиях!

В этот момент Пейдж было не до приличий. Но в то же время ей меньше всего хотелось навлекать на свою голову гнев такой общепризнанной светской львицы, как Бетти. Если та примется ее отчитывать, она сгорит со стыда.

К тому же вполне вероятно, что сейчас ей представляется возможность в последний раз увидеть Росса, не впад при этом в слезы или грубость.

Сейчас на него так легко смотреть. Ее не удивило, что Россу к лицу смокинг, даже больше чем к лицу. Он смотрится в нем сногшибательно.

Со всех сторон засверкали бесчисленные вспышки фотоаппаратов. Росс, уже стоявший на подиуме, поднял руку:

– Чем больше вы меня фотографируете, тем сильнее становится моя уверенность в том, что я заслужил ваше внимание!

Шутка пришлась по вкусу собравшимся и была встречена громким смехом.

– Ну а если говорить серьезно, – продолжил Росс, – я просто не представляю себе, что смогу хоть как-то отблагодарить всех вас за вашу щедрость и добросердечие. Прежде чем я успею до смерти надоесть вам, перечисляя, на что в будущем году пойдут ваши щедрые пожертвования, мне бы хотелось разъяснить одно случайное недопонимание. Из слов мэра Пуллмана у присутствующих могло возникнуть впечатление, что мое вынужденное пребывание в больнице Святой Екатерины было сродни пытке. И хотя я никому не желаю оказаться на моем месте, мой больничный опыт далек от мучительного и невыносимого. Персонал больницы оказался на высоте и заслуживает наивысших похвал, а, кроме того, я не мог мечтать о лучшем соседе по палате, с которым я разделил весь срок пребывания на карантине. Поверьте мне, все было не так уж плохо!

Бетти крепко сжала руку Пейдж.

– Слышала?

– Ты ему говорила, что я здесь?

– Нет.

Пейдж разрывалась между двумя противоречивыми чувствами: ей было приятно, что Росс упомянул о ней, и в то же время горько от мысли, что если он не изменил своего отношения к ней, то почему не пригласил на эту вечеринку?

Хотя с какой стати он должен был это делать? Она ведь никоим образом не дала ему понять, что желает снова увидеться с ним. Да, зато он точно не затратил много времени

на поиски другой женщины, которую взял с собой сегодня вечером.

И вот еще что. Почему она пропустила момент его появления в зале? В больнице, в ресторане, у нее дома она буквально кожей ощущала его присутствие при условии, что он находился где-то поблизости. Хотя вначале, когда он ей активно не нравился, ей было не по душе находиться рядом с ним под одной крышей. Следует, однако, признать, что после ночи, проведенной в одной с ним постели, Пейдж не только быстро привыкла к нему, но и стала желать его общества.

Но сейчас, похоже, все изменилось. Может быть, действительно эта их последняя ночь, которую они провели у нее, окончательно излечила их обоих?

Если дело в этом, то почему же она по-прежнему жаждет повторения того, что было между ними, страстно желает его, Росса? Может, причина в том, что, когда они возвратились к привычной жизни вне больничных стен, влечение перестало быть взаимным?

Думать об этом было крайне грустно и неприятно.

До слуха Пейдж вновь донесся гром аплодисментов. Она поняла, что, задумавшись, пропустила выступление Росса – он уже спускался по ступенькам вниз. На полпути его остановил мэр и заставил вернуться. На лице героя дня появилось выражение неподдельного изумления.

Теперь Пейдж не отрываясь слушала мэра. Тот вручил Россу памятный значок «Выдающийся гуманист года города

Атланты». Пейдж уже знала, что Росса ожидает награда, но не имела представления о том, какая именно.

Новая речь Росса по поводу вручения награды была немногословной. Он был настолько поражен случившимся, что на какое-то мгновение лишился дара речи. Что, в свою очередь, удивило Пейдж. Ведь в течение двух недель она не могла заставить его заткнуть фонтан красноречия. Даже тогда, когда ей хотелось не слов, а ласк, Росс болтал без умолку.

После этого мэр представил присутствующим даму, которой предстояло проводить сегодняшний аукцион. При этом он продолжал держать Росса за руку, не отпуская от себя ни на шаг.

Аукционистка объявила о начале торгов, попутно объяснив, что в реестр лотов не включен один очень важный лот.

– Поскольку почетный гость и главный герой нашего вечера – красивый неженатый мужчина, мы не могли удержаться от того, чтобы не включить в наши торги специальный лот, а именно, романтическое свидание с мистером Россом Беннетом!

Несмотря на то что Росс стоял в нескольких шагах от микрофона, его короткое изумленное «Что?» разнеслось по всему залу.

– Пошли! – Бетти потянула Пейдж за собой. – Нам нужно пробраться поближе!

– Мне кажется...

– Ты ошибаешься! – перебила ее Бетти.

– Бетти, прекрати! Я не могу!

– Нет, можешь!

Прежде чем Пейдж успела что-либо сообразить, она оказалась почти перед самым подиумом.

– Деньги пойдут на благое дело! – жизнерадостно объявила ведущая.

– Я искренне сомневаюсь в том, что... – начал Росс.

– Тысяча долларов! – выкрикнула какая-то женщина.

Аукционистка стала вглядываться в толпу.

– Мне кажется, что это неплохое начало, милые дамы! Одна тысяча долларов за вечер в ресторане с нашим красивым гуманистом года! Кто больше?

Бетти локтем толкнула Пейдж в бок, но, прежде чем та успела что-нибудь сказать, в торги вступила еще одна женщина.

Аппетиты присутствующих дам разгорались с каждым мгновением. Скоро Пейдж прекратила попытки запомнить всех желающих удостоиться свидания с Россом. И что самое интересное, среди претенденток явно не было ни одной незамужней женщины.

Вскоре цена лота поднялась до двух тысяч семисот долларов.

– Твое слово! – подтолкнула ее в бок Бетти.

– Это очень много!

– Я заплачу! Называй свою цену! – настаивала Бетти.

– Я не могу позволить, чтобы ты...

– Твое слово! Говори!

– Три тысячи долларов! – слабым голосом произнесла

Пейдж.

– Простите? – переспросила аукционистка, приставив ладонь к уху. – Я не расслышала.

Будь у Пейдж возможность раствориться в воздухе, она бы не преминула воспользоваться ею сию же секунду.

– Я сказала – три тысячи долларов! – повторила она.

Росс, с деланным вниманием рассматривавший циферблат часов, поднял взгляд. Прищурившись, он взгляделся в толпу перед подиумом, и лицо его расплылось в счастливой улыбке. Забрав молоточек у распорядительницы аукциона, он во всеуслышание объявил:

– Продано! Продано очаровательной блондинке в переднем ряду!

Удар молотка прозвучал на весь зал громко, как пистолетный выстрел.

– Привет!

– Привет!

– Ты прекрасно выглядишь! – совершенно искренне произнес Росс. Обнаружив в многолюдной толпе Пейдж, он не мог поверить своему счастью. Несмотря на приятное ощущение, вызванное неожиданной наградой, сегодняшний вечер уже начал было казаться ему напрасной тратой времени.

Поэтому он был чрезвычайно рад услышать нежный голосок Пейдж. Вернее сказать, его как громом поразило. Награда, аукцион, сбор пожертвований – какое все это имело значение, если Пейдж не могла разделить с ним его радость.

А еще его ужаснула мысль, что его, подобно предмету мебели, могли продать неизвестно кому. Однако подвести организаторов этого благотворительного бала, преследовавших добрые, гуманные цели, Росс тоже не мог, поэтому был вынужден терпеливо стоять на сцене, чувствуя себя при этом полным идиотом.

– Спасибо тебе, – негромко произнесла Пейдж.

– Я так рад, что ты пришла сюда, – сказал Росс и, подхватив с подноса проходившего мимо официанта два бокала с шампанским, протянул один из них Пейдж.

– Я думаю, мне лучше уйти. Я не хотела бы, чтобы ты чувствовал себя неловко.

– Что?

– Я имею в виду это твоё свидание.

– Мое свидание?

– Блондинка.

– Какая блондинка?

– Та, которая поцеловала тебя, прежде чем ты поднялся на подиум.

– Ах, вот ты о чем!

– Таких, как она, нелегко забыть.

– Полностью с тобой согласен. Особенно нелегко это сде-

лать моему бывшему однокурснику, поскольку она – его жена.

Росс почувствовал, как от довольной улыбки Пейдж у него сразу потеплело на душе.

– В самом деле?

– В самом деле.

– Прекрасно!

Облегчение, появившееся на ее лице, растрогало Росса еще больше.

– Ты ведь не ревнуешь, верно?

– Конечно, нет... Впрочем, может быть, самую чуточку.

Это признание стоило немало, и Росс решил, что оно достойно награды.

– Я скучал по тебе, – признался, в свою очередь, он.

– Я тоже, – выдавила из себя Пейдж. Росс взял ее за руку.

– Пойдем куда-нибудь, где не так шумно!

– А тебе не нужно...

– Нет, не нужно.

Росс повел ее за собой в небольшую комнату позади зала, которая, к счастью, оказалась пустой. Они присели на зеленый диванчик, и Росс какое-то время молча смотрел на Пейдж, упиваясь ее присутствием, близостью ее красоты, ароматом духов. И только потом спросил:

– Почему ты пришла, Пейдж?

Она же все это время делала вид, что с интересом наблю-

дает за игрой пузырьков шампанского в своем бокале.

– Меня уговорила Бетти. В последнее время ей было со мной нелегко, и я испугалась, что если не соглашусь составить ей сегодня компанию, то она просто хлопнет дверью и уйдет. А как мне без нее?

– Моей миссис Уиппл со мной тоже несладко. – Пейдж подняла на него взгляд, сама не зная, что именно хочет увидеть в его глазах.

– Росс!

– Что?

– Мне почему-то кажется, что, если мы прекратим встречаться, это вряд ли пойдет на пользу нам обоим.

– Да я и сам знаю, что это не поможет.

– Так что же нам делать?

– Может, попробуем что-нибудь придумать?

Пейдж рассмеялась, но быстро оборвала смех.

– Я недостойна тебя!

– Что ты сказала?

– Я слушала, стоя в этом зале, все те высокие слова, что здесь говорили о тебе, о том, сколько хорошего ты сделал для людей. Мне стало стыдно, что я была так незаслуженно груба с тобой, что плохо о тебе думала. Как несправедлива я была...

– Перестань. У тебя были на то свои причины.

– Нет, – ответила Пейдж, покачав головой. – Из-за того, что произошло со мной пятнадцать лет назад, я преврати-

лась в зануду, которая только и делает, что выносит всем безапелляционные суждения. Говоря юридическим языком, я вынесла тебе приговор, не имея ни малейших реальных свидетельств твоей вины, на том лишь основании, что мне известно, чем ты зарабатываешь себе на жизнь.

– Знаешь что? Будь я психоаналитиком, я бы сказал, что в тебе включился механизм самозащиты. Ты боялась проявить симпатию к человеку, который символизировал для тебя самые неприятные качества. Так что это все легко объяснимо.

– А тебе нужно быть таким рассудительным?

– Согласен, это один из моих главных недостатков. В детстве меня часто им укоряли. – Росс намотал на палец ее локон. – А тебе хотелось бы, чтобы я был негодяем?

– Вряд ли бы это пошло на пользу моему характеру! – рассмеялась Пейдж. – И все-таки почему ты меня с такой легкостью прощаешь?

Росс недоуменно пожал плечами.

– Дорогая, мне кажется, что если кто и должен кого-то простить, то это ты меня. Но если тебе от этого легче, то скажу тебе вот что: если будет нужно простить тебя, я сделаю это с радостью. – Он провел пальцем по нежной коже ее щеки. – Потому что ты – само совершенство!

Пейдж упрямо мотнула головой.

– Это слова выдающегося гуманиста года!

– Пейдж, посмотри на меня! – нежно произнес Росс, приподнимая ее подбородок. – Ты думаешь, это легко – прини-

мать участие в многочасовых заседаниях по несколько раз в год?

– Но ведь твоя жизнь и работа этим не ограничиваются?
– прошептала она.

Росс трагически вздохнул:

– Безусловно. Но, Пейдж, мне до тебя далеко. Это ты, а не я делаешь добро каждый день, помогая другим людям!

– Ты шутишь?

– Я абсолютно серьезен. Не забывай, я видел тебя в деле. Ты прекрасный адвокат. Ты защищаешь своих клиентов с таким рвением, что от этого становится даже немного страшно. Ты заботишься о своей семье, стоишь на страже ее интересов, видишь несправедливость и бросаешься против нее в бой каждый день. Мне даже трудно думать о том, как много ты делаешь для других людей.

Когда Пейдж снова посмотрела на него, Росс испугался, заметив в ее глазах слезы. Ее смех прозвучал как-то неестественно, механически.

– О да, куда уж всем до меня!

– Только не вздумай плакаться мне в жилетку! Поверь, я не кривил душой, я говорил все это совершенно искренне.

Пейдж заморгала, пытаясь прогнать слезы, и натянуто улыбнулась:

– Таешь от женских слез, да? Не выносишь их?

– Нет. Я вдоволь их насмотрелся. Они меня уже давно не трогают.

– Это точно.

– В самом деле! Вообще-то я смеюсь в лицо плачущим женщинам. Так что вытирайся-ка поскорее! Ты же не хочешь, чтобы я растратил остатки того скромного уважения, которое питаю к тебе в эту минуту?

Немного успокоившись, Пейдж наконец ответила:

– Нет. Зачем мне тешить твоё чертово самолюбие?

– Молодец. Ты все схватываешь на лету!

– Росс!

– Что?

– Поцелуй меня, или тебе будет хуже!

Пейдж удалось взять себя в руки, и, вырвавшись из сетей плотских желаний, она позволила Россу вернуться на аукцион. Ей пришлось надолго сделать остановку в дамской комнате, чтобы привести себя в порядок – припудрить носик, поправить причёску. Без чего никак было нельзя обойтись, потому что после страстного поцелуя, которым они обменялись с Россом, вид у нее был такой, будто ей довелось побывать в медвежьих объятиях.

– У тебя такой вид, будто ты побывала в объятиях медведя! – сообщила ей Бетти, как только они снова встретились.

– Или некоего чересчур любвеобильного гуманиста.

– Помоги мне! – отчаянно взмолилась Пейдж.

– Впрочем, дорогая, ты прекрасно выглядишь! – продолжала комментировать Бетти. – Признайся, тебе удалось вос-

становить ваши отношения?

– Кажется, да, – ответила Пейдж, отчаянно стараясь привести в порядок прическу. – По крайней мере Росс постарался.

– Так что, Мэри Лу права? Он действительно святой? Может ходить по воде?

– Пока не знаю, – ответила Пейдж, чувствуя, что не в силах сдержать блаженную улыбку. – Но он действительно очень хороший пловец!

– Умение хорошо плавать – вещь важная!

Оставив в покое прическу, Пейдж обернулась и импульсивно обняла Бетти.

– Спасибо тебе огромное!

– Господи Боже, малышка! Да за что?

– За то, что ты прекрасный друг! За то, что привела меня сюда и вовремя подтолкнула к правильным действиям!

– Ты преувеличиваешь, дорогая, но все равно, добрые слова всегда приятно слышать! Может, теперь ты все-таки увеличишь мне жалованье?

Пейдж сделала шаг назад и рассмеялась:

– Не раньше, чем ты начнешь обналичивать мои чеки!

Росс не получил от благотворительного бала того удовольствия, на которое вправе был рассчитывать. Во-первых, его привели в смущение все эти обрушившиеся на него дифирамбы, как если бы это он принес долгожданный мир на

Ближний Восток.

Во-вторых, Пейдж настояла на том, что останется в толпе гостей, тогда как ему очень хотелось, чтобы она была все время рядом с ним. Росс упорно старался не упускать ее из виду. А когда ему казалось, что кто-то из мужчин увивается вокруг нее, наливался такой злостью, что в конце концов заподозрил, не оскорбил ли он ненароком кого-нибудь из отцов города.

В своем невесомом полупрозрачном платье, почти не скрывавшем очертаний ее тела, Пейдж выглядела просто сказочно. Росс испытал крайнюю неловкость, когда в состоянии почти полной эрекции был вынужден расхаживать по залу, принимая поздравления и пожимая руки гостям сегодняшнего бала. В конце концов он даже пожалел о том, что Пейдж оказалась сегодня в банкетном зале отеля «Мариотт». Не будь ее здесь, он бы тихо и спокойно обработал почтенную публику, вынудив добрую дюжину гостей раскошелиться на щедрые пожертвования. Но если бы не Пейдж, его наверняка заарканила бы какая-нибудь красотка, выигравшая в аукционе право на романтическое свидание с гуманистом года. Тоже перспектива не из лучших.

Росса никогда не отличало постоянство в отношениях с женщинами. И дело не в том, что это сильно его тревожило, совсем наоборот. Такую черту, как верность, он глубоко уважал, даже стремился развить ее в себе самом, хотя до встречи с Пейдж не слишком задумывался о подобных ве-

цах. Вообще-то он всегда был сторонником преданности – что с точки зрения его профессии выглядело несколько комично, – но главным образом чисто теоретически. К себе самому он никогда не выдвигал такого требования.

Но вот в его жизни появилась Пейдж, и теперь для него главное – заставить ее понять, что их будущее полностью зависит от них обоих, от их верности и преданности друг другу.

Росс что-то невнятно промычал, что, как он надеялся, было призвано сойти за ответ на очередную порцию поздравлений, после чего принялся внимательно разглядывать собравшихся в поисках той, что стала для него дороже всех женщин на свете.

Когда же он наконец заметил Пейдж, то не слишком обрадовался увиденному – путь к выходу ей заблокировал Фримен Джонс. Стоя возле самых дверей, он что-то навязчиво ей втолковывал. Росс торопливо извинился перед какой-то женщиной, пытавшейся заговорить с ним, и поспешил к выходу.

Пейдж тоже заметила Росса – он пробирался к ней через весь зал – и невольно улыбнулась тому, как по пути он не переставал раскланиваться с гостями, щедро раздавая улыбки и рукопожатия. Продолжая выслушивать комплименты – скорее всего это были комплименты, – он продолжал обшаривать взглядом зал, разыскивая ее. В этом Пейдж ни ка-

пельки не сомневалась. Ей сделалось приятно оттого, что, несмотря на шквал похвал и комплиментов, обрушившихся на него сегодня, Росс ни на минуту не забывает о ней. Однако сейчас, заметив ее, Росс нахмурился, затем вежливо, но решительно избавился от своего собеседника и поспешил в ее, Пейдж, сторону. Что же случилось? Ведь она вовсе не заигрывает с этим немолодым, но вполне симпатичным джентльменом, что заговорил с ней.

– Вы когда-нибудь занимались модельным бизнесом?
– Поинтересовался у нее этот симпатичный немолодой джентльмен.

Не сводя взгляда с сердитого лица Росса, Пейдж ответила:

– Нет, никогда.

– Работали на телевидении?

– Тоже нет.

– Какая жалость! – прокомментировал джентльмен. – Скажите, как вы отнесетесь к возможности поучаствовать в конкурсном прослушивании? У нас как раз открывается вакансия.

Пейдж совершенно не понимала, о чем идет речь, но, поскольку ее собеседник говорил об этой вакансии так, будто был уверен, что ей известно, кто он такой, она решила, что не стоит уточнять.

– Боюсь, у меня нет соответствующих навыков, то есть способностей... – Пейдж запнулась, подумав, не будет ли оскорблением, если она добавит «сэр»? Решив не делать это-

го, она протянула старичку руку: – Пейдж Харт!

Тот ответил ей рукопожатием и нежно провел по внутренней стороне ее ладони большим пальцем. Если, конечно, ей это не показалось.

– Прелестное имя, и, главное, оно очень идет такому очаровательному созданию, как вы!

Понятно, милый старичок прямо на глазах превращается в похотливого, грязного старикашку. Неожиданно престарелый ловелас резко выпрямился.

– Вы сказали, ваша фамилия Харт?

– Да, – ответила Пейдж, тотчас насторожившись. Интересно, с кем из ее милых родственников он успел столкнуться.

– Вы имеете какое-нибудь отношение к Нику Харту, архитектору? – поинтересовался ее собеседник.

Возможно, все не так уж и плохо. Ник, пожалуй, самый миролюбивый представитель клана Хартов. Если, конечно, у этого немолодого джентльмена нет дочери одного с Ником возраста.

– Да, имею, – с улыбкой ответила она.

Вместо того чтобы улыбнуться в ответ, старик поджал губы.

– А вы знаете, насколько близко я подобрался к этому парню, чтобы набросить ему на шею петлю?

Так, у старика точно есть дочь.

– Ник? – только и произнесла Пейдж, удержавшись от дру-

гих вопросов. Ей, пожалуй, не слишком хотелось узнать об амурных проделках брата.

Ее собеседник приготовился еще что-то сказать, но в этот самый момент к ним приблизился Росс и хлопнул старого джентльмена по плечу несколько сильнее, чем, как показалось Пейдж, было необходимо. Впрочем, это было в равной степени и неблагоприятно, потому что даже от такого дружеского хлопка старичок едва устоял на ногах.

– О, кого я вижу, мистер Джонс! – сердечно приветствовал старого джентльмена Росс. – Я так рад, что вы смогли прийти сюда!

– Если не считать того, что вы практически шантажируете...

– Но это ведь уважительная причина, вам не кажется? – резко оборвал его Росс.

– Да, похоже, что так, – согласился мистер Джонс, тон которого почему-то сделался ворчливым. – Я вот сейчас рассказывал мисс Харт о том, что...

– ...что она самая красивая женщина в этом зале?

У Пейдж снова возникло неприятное чувство. Почему-то она заподозрила, что Росс по неизвестной ей причине пытается увести разговор в сторону и с этой целью напирал на ее тщеславие. Что, между прочим, черт возьми, ему вполне удастся.

– И это тоже, – сказал Джонс, после чего в очередной раз смерил Пейдж все тем же похотливым взглядом. Этот взгляд,

как успела заметить Пейдж, не ускользнул и от внимания Росса. Старый ловелас, сложив ладони наподобие объектива телекамеры, устремил взгляд прямо на грудь Пейдж.

– Она обладает прирожденной фото– и телегеничностью. Так и просится в объектив камеры!

– Видите ли, она несколько застенчива, – пояснил Росс. В его голосе угадывалась плохо сдерживаемая ярость. Затем, положив руки на плечи Пейдж, прижал ее к себе, выведя из фокуса воображаемой телекамеры Фримена Джонса.

Мистер Джонс опустил руки и неприязненно посмотрел на Росса.

– Мы также начали говорить о ее брате...

– Скорее всего это не слишком удачная тема для сегодняшнего вечера! – снова оборвал его Росс.

Мужчины обменялись долгими неприязненными взглядами. Затем мистер Джонс коротко кивнул и снова посмотрел на Пейдж.

– Если вы готовы простить меня...

– Вне всякого сомнения, – откликнулся Росс уже более жизнерадостно.

Мистер Джонс повернулся к ним спиной, но затем вновь обернулся к Пейдж и указал большим пальцем в сторону Росса:

– Благодарите этого парня, что он спас вашего братца от больших неприятностей.

У Пейдж от удивления отвисла челюсть, но прежде чем

она успела что-либо спросить, Фримен Джонс растворился в толпе.

– Что он хотел этим сказать? – повернулась она к Россу.

– А кто его знает! – ответил тот, пожимая плечами. Затем покрутил пальцем у виска. – Скорее всего этот милый старичок немного не в себе.

– А кто он такой?

– Ты что, действительно не знаешь?

– Не знаю. Но ты-то его точно знаешь, если шантажом заманил сюда!

– Шантажом? Заманил? Я? – Невинное выражение в глазах Росса сделало бы честь самому прожженному торговцу подержанными автомобилями. При этом он клятвенно прижал руку к сердцу. – Я в ужасе от того, что ты могла так обо мне подумать!

Пейдж решительно скрестила на груди руки и подозрительно прищурилась.

– Кто он такой и откуда он знает Ника? Отвечай!

– Это Фримен Джонс.

– Медиамагнат? Тот самый?!

– Да, это он собственной персоной.

– Откуда он знает Ника? И почему угрожал ему неприятностями?

– Я не знаю, как он познакомился с твоим братом. Наверное, Ник проектировал для него дом? – Росс еще крепче прижал ее к себе. – Слушай, может, хватит об этом? Где

обещанное мне романтическое свидание?

Пейдж с удовольствием вдохнула исходивший от Росса аромат одеколона, тотчас напрочь позабыв о том, что хотела устроить кавалеру взбучку.

– Ты что, пытаешься увести разговор в сторону?

– Скажем так – я пытаюсь направить его в более интересное и потенциально приятное русло. Так когда же состоится обещанное свидание?

Глядя в его затуманившиеся серые глаза, ощутив его губы в опасной близости от себя, Пейдж позволила Россу увлечь ее в этом заманчивом направлении.

– Когда ты хотел бы, чтобы наше свидание состоялось?

– Прямо сейчас! Это возможно?

– Ты хочешь, чтобы оно состоялось прямо здесь, в этом зале?

– Нет. Я бы предпочел отель. Что, если нам снять отдельный номер? Закажем туда обед. Что ты на это скажешь?

– В этом есть что-то развращенно-декадентское!

– Совершенно с тобой согласен!

– И что-то такое запретное, даже незаконное!

– Верно.

– Уж не хочешь ли ты обольстить меня?

– А как ты догадалась?

Пейдж почувствовала, как сердце отчаянно заколотилось у нее в груди.

– Похоже, что мне придется выполнить обещанное. Бог

свидетель, я всегда держу слово.

– Полагаю, что так, мадам! Очень хочу на это надеяться!

Глава 18

Ванна была наполнена водой, пузырьками пены, а также Пейдж и Россом. Вода и пузырьки, похоже, одержали верх. Пейдж и Росс находились на грани приятного обморока. Пейдж лежала, прижимаясь спиной к его груди. Росс обнимал ее и расслабленно шлепал на ее тело хлопья пены.

– Смотри, как тебе этот холмик? – хрипло пробормотал он.

– Недурной холмик. Всем холмикам холмик, – ответила Пейдж, посмотрев на свою грудь.

– У тебя нет воображения. Это настоящий горный пик!

– Конечно! Как это я не поняла с первого взгляда! – Росс рассмеялся и, раздвинув ее волосы, поцеловал Пейдж в шею.

– Я тебе уже успел признаться, что еще не насытился тобой?

Пейдж нагнула голову, чтобы дать ему больше места для поцелуев.

– Да-а-а? Ты думаешь, это работа вируса?

– Если даже и вируса, то пусть его действие тянется столь же бесконечно, как любой процесс по гражданскому делу!

Пейдж радостно улыбнулась шутке. В эти минуты она испытывала такое блаженство, что с трудом воспринимала происходящее. Даже если ей и казалось когда-то, что она влюблена в профессора Стенгала, все равно она не испытывала

с ним и доли того, что испытывала с Россом. Сейчас ей хотелось, чтобы это ощущение счастья никогда не кончалось. Чтобы они не уставали любить друг друга. Было в этом нечто волнующее и одновременно пугающее.

Уже наступила ночь, а они так и не удосужились заказать ужин. Впрочем, голода Пейдж не испытывала. Огромную усталость, да. Удовлетворение, да. Головокружительный восторг, несомненно. И еще она была уверена в том, что пройдет всего несколько минут и она будет готова, как в те ночи, проведенные в больнице, снова без усталости заниматься любовью.

– Пейдж! – негромко позвал ее Росс, рисуя пальцем на ее спине ведомые одному лишь ему узоры.

– М-м-да?

– Можно тебе кое-что сказать?

– Конечно!

– Я сейчас вот о чем думаю, – с сомнением в голосе начал он. – Может быть, мне перестать заниматься разводами?

Пейдж резко повернулась к нему, выплеснув за борт ванны немало воды.

– Что-о-о?!

Росс улыбнулся и убрал мокрую прядь волос с ее лица.

– Возможно, новое направление деятельности пойдет на пользу нам обоим. – Пейдж почувствовала, как ее сердце готово разорваться в груди.

– Да как ты только можешь такое говорить?! Ты же луч-

ший специалист по разводам во всей Вселенной!

Росс удивленно посмотрел на нее, затем рассмеялся:

– Дорогая, тебя иногда бывает очень трудно понять. А я-то думал, что ты обрадуешься моему решению!

Пейдж привстала на колени.

– Представь себе, нет!

Как можно о чем-то говорить в такой ситуации – невозможно сосредоточиться на теме разговора!

– О Боже, до чего ты прекрасна! – восхищенно выдохнул он, даже не стараясь скрыть жадного влюбленного взгляда.

Она приподняла его подбородок, и он был вынужден перевести глаза в потолок.

– Прекрати тарашиться на меня! Давай-ка лучше поговорим! Это важно.

Росс неохотно подчинился. Однако про себя отметил, что не следует позволять ей слишком часто командовать собой, особенно в такие мгновения.

– Ты на это не пойдешь, Росс!

– Почему же?

– То, чем ты занимаешься, – очень важное дело!

– А ты разве забыла, чем я занимаюсь? Я ведь занимаюсь разводами, развожу супружеские пары!

Пейдж недовольно нахмурилась.

– Но ведь ты делаешь это справедливо. Ты добиваешься того, чтобы побежденная сторона тоже получила свою законную долю. Ты же не берешься за дела каких-нибудь мошен-

ников. – Пейдж встряхнула головой. – Нет, тебе никак нельзя бросать это дело!

Сказать, что он был удивлен, было бы преувеличением. Росс просто не мог понять, что заставило ее столь радикально изменить свое отношение к его профессии. Конечно, приятно, что он понемногу становится ей небезразличен, но не слишком ли она раскомандовалась?

В осознании этого было что-то тревожное. Признать, что Пейдж обладает властью над ним, значило бы признаться самому себе в том, как много она для него значит. Это нечто большее, чем обычная физическая притягательность.

– Росс? Что такое?

– Что? – переспросил он.

– У тебя такой забавный вид.

– Я просто... просто задумался.

– Пожалуйста, обещай, что не будешь уходить со своей работы, – попросила Пейдж, обнимая его за плечи, что доставило Россу небывалое удовольствие. Если она и дальше будет продолжать в том же духе, то очень скоро Росс и впрямь по первому ее зову сделает все, что угодно – вплоть до хакири.

– Хорошо-хорошо. Обещаю тебе, что не перестану заниматься разводами. Однако я определенно собираюсь развивать и другое направление своей деятельности. Судя по тому, как сейчас идут дела, кривая разводов в Атланте скоро упадет до нулевой отметки.

Пейдж от удивления даже присела.

– Так ты по-прежнему пытаешься мирить рассорившихся супругов?

Росс кивнул и улыбнулся:

– Можешь смело вручить мне колчан со стрелами и называть Купидоном!

Глаза Пейдж затуманились.

– Вот это да!

– Что? Что-то не так?

Пейдж потянулась за полотенцем и быстро обмоталась им.

– Мне пора.

– Постой, постой! Куда ты? – спросил Росс. Вытащив пробку из ванны, он выпрямился. – Ответь мне, в чем дело?

Ее лицо находилось на уровне его груди. Ласково взяв его в руки, Росс осторожно приподнял ее голову и посмотрела ей в глаза.

– В чем дело, Пейдж? – спросил он. – Что случилось? – Она указала на спальню.

– Все это наваждение, верно? Это все проклятый вирус!

– Ни за что не поверю! Я соглашусь скорее с Рейчел. Все супружеские пары помирились случайно!

– А как же тогда Бетти и Харви?

– О чем ты?

– Это не важно, – ответила Пейдж. Росс попытался обнять ее, но она осторожно отстранилась. – Я думала... мне казалось... может быть...

– Что «может быть»? – Росс снова притянул ее к себе, и на этот раз она не стала сопротивляться и уткнулась носом ему в шею. – Скажи мне, что «может быть»? – повторил он, полагая, что, если она выговорится, им будет легче добиться взаимопонимания.

– Я думала... – начала Пейдж, но, неожиданно икнув, сделала глубокий вдох. – Я думала, что, может быть, я тебе нравлюсь.

– А разве ты в этом сомневалась? – воскликнул Росс и погладил ее по спине, испытывая невыразимое удовольствие от прикосновения к ее коже. – Послушай, Пейдж, как бы ни начались наши с тобой отношения, сейчас они на том этапе, когда обычная страсть, которую испытывают друг к другу здоровые молодые люди, уже позади.

– А на каком же они сейчас этапе?

– А на каком этапе тебе самой хотелось бы?

Пейдж откинула голову и внимательно посмотрела на Росса. Ее глаза по-прежнему влажно поблескивали, но теперь в них читалось нескрываемое лукавство.

– Ответ типичного адвоката! Разве мы приступили к серьезным переговорам?

– Похоже на то! Так что выкладывай все!

Озорная улыбка исчезла с ее лица.

– В том-то и дело. Я не знаю, что могу тебе предложить.

Даже если бы она тяжелым молотом ударила его в грудь, то боль, наверное, была бы не такой сильной, как ее слова.

– Господи, малышка, да как ты только можешь говорить такое? – Росс схватил Пейдж за плечи и сжал изо всех сил.
– Я счастлив уже оттого, что нахожусь рядом с тобой. Я весь горю. И не только в смысле секса. Ты радуешь не только мою плоть, но и душу! Я люблю тебя!

– Неужели?

– Очень люблю!

Пейдж тыльной стороной ладони вытерла нос.

– Хорошо, это именно то, что я хотела сказать тебе! А что есть у тебя?

Росс рассмеялся и крепко обнял ее.

– Я симпатичный?

– Как Брэд Питт, только какое мне до него дело!

– Преданный?

– Как пес.

Росс расплылся в улыбке.

– Умный?

– Гитлера тоже считали гением.

– А как насчет мужских достоинств? Они тоже считаются?

Пейдж в задумчивости перевела взгляд в соответствующем направлении.

– Не исключено... но...

– Нет, ты не увиливай!

– Думаю, ты не так уж плох!

Росс собрался с духом и задал самый главный вопрос:

– Итак, куда мы с тобой направимся?

– Завтракать? Я угадала? Во мне неожиданно проснулся зверский аппетит!

Росс не совсем понял ее. Может, она намеренно проявляет непонимание, избегая ответа на его вопрос, или действительно не понимает, что он имеет в виду не самое ближайшее будущее. Однако решил не форсировать события. В конце концов, он ведь тоже не готов дать ответ на все ее вопросы. Пейдж ему нравится, даже очень. Может, он действительно любит ее. Иначе почему он не в состоянии представить себе свою жизнь, в которой ее нет? И он вовсе не шутил, когда еще в больнице сказал ей, что в принципе он однолюб. Так оно и есть. Он действительно мечтает о том, что в один прекрасный день разделит жизнь с женщиной своей мечты.

Да, но Пейдж ли это? Сейчас, похоже, она абсолютно отвечает этому определению. Однако Росс прекрасно помнил, как бурно начался и как стремительно развивался их роман. Через его руки прошло слишком много разводов – в большинстве своем крайне некрасивых и мучительных для обеих сторон. Как правило, разводились те супружеские пары, которые вступили в брак, движимые такой же внезапной бурной страстью. Увы, как быстро они обнаруживали, что почти без остатка сожгли эмоциональное топливо, необходимое для поддержания ровного огня в очаге семейной жизни!

Когда-то давно Росс поклялся себе, что никогда не допустит, чтобы подобное произошло и с ним. Если он женится, то это будет на всю жизнь. Наверное, именно поэтому он и

оставался до сих пор холостяком.

Неожиданно для самого себя Росс с предельной ясностью осознал – он так любит Пейдж, что чувствует себя не вправе давать нереальные обещания в отношении их общего будущего.

По иронии судьбы она нравилась ему настолько, что он не хотел бы причинить ей боль. А если помнить о том, что когда-то в далеком прошлом произошло с ней, она гораздо более уязвима, чем любая другая женщина.

Боже, как она прекрасна! Как прекрасны ее мокрые светлые локоны, что сейчас прилипли к шее, ее длинные ресницы, окаймлявшие выразительные глаза, в которых – как он надеялся – светилось удовлетворение.

Губы Пейдж, обещавшие «долгие и страстные поцелуи», вызывали в нем желание надолго припасть к ним и без конца целовать их. Росс, однако, решил ограничиться поцелуем легким и коротким.

– Что ж, завтрак так завтрак!

– И куда ты только исчезла в пятницу вечером, причем так неожиданно? – воскликнула Бетти, как только Пейдж переступила порог рабочего кабинета.

– О, Бетти, дорогая, прости меня! Я совершенно забыла. Надеюсь, ты не стала разыскивать меня по всему залу?

– Может, я уже и не слишком молода, но пока еще не выжила из ума! Когда ты куда-то скрылась с этим своим кави-

лером, я, исходя из своего богатого жизненного опыта, поняла, что ты благополучно доберешься до дома.

Пейдж изо всех сил попыталась сохранить самообладание и не покраснеть. Действительно, до дома она добралась благополучно. Однако это произошло отнюдь не в пятницу вечером. И не в следующий, субботний, вечер. Если бы не встречи с клиентами, назначенные на сегодняшнее утро, она не добралась бы до дома и в воскресенье.

Самое забавное состояло в том, что все это время они с Россом предавались не только любовным утехам. Да, они много занимались любовью, но исключительно этим дело не ограничилось. Они без умолку болтали обо всем на свете. В тех случаях, когда их мнения расходились, они горячо спорили, порой даже на повышенных тонах, однако в конце концов уступали друг другу. Правда, по нескольким вопросам Пейдж удалось-таки переубедить Росса. Теперь он предстал перед ней в новом свете. Он сделался уступчивее и порою был готов признать свою неправоту или даже недостаточную компетентность.

Кроме этого, Пейдж заметила и кое-что еще: Росс не пытался увиливать от неприятных вопросов. Если она задавала ему вопрос, он отвечал на него, далеко не всегда стараясь показать себя в выгодном свете. Он научился признавать собственные ошибки и делал это всякий раз с известной долей самоиронии, что пришлось Пейдж по вкусу. От этого Росс показался ей еще привлекательнее, причем не только душев-

но.

– О Господи! Тебе, дорогая, впору отоспаться! – лова Бетти вырвали Пейдж из мира грез.

– Прости, Бетти! Ты что-то сказала?

– Насколько я понимаю, уик-энд прошел весьма успешно.

Верно?

– Да... было... неплохо.

– Надо думать! По твоему виду заметно, что ты осталась о-о-очень довольна!

– Бетти, могу я тебя кое о чем спросить? – заговорщицким шепотом поинтересовалась у секретарши Пейдж.

Бетти удивленно подняла идеальной формы брови.

– Конечно, дорогая!

– Как можно отличить?

– Что отличить?

– Ну... ты понимаешь... настоящее чувство?

– Отличить от чего?

– От ненастоящего. Как, по-твоему, можно отличить истинное чувство от обычной страсти?

– Видишь ли, дорогая, не стоит недооценивать страсть, – с улыбкой ответила Бетти, но тотчас же стала серьезной и задумалась, прикусив наманикюренный палец. – Тебе нравится находиться в его обществе, даже если ты... Если ты не испытываешь к нему в этот момент физического влечения?

– С ним очень хорошо, он такой умный. Только дело в том, что стоит мне оказаться с ним рядом, как мне... мне ужасно

хочется его. Всегда.

– Мне тоже знакомо это чувство, – невнятно пробормотала Бетти.

– О чем это ты?

– Э-э-э... видишь ли, Пейдж, сама не знаю, с чего это вдруг мне стал так нравиться этот Харви. Чувство симпатии к нему возникло неожиданно, как гром среди ясного неба. Я знаю его уже долгие годы и вообще-то до недавних пор терпеть его не могла. Он вечно дразнил меня «Бетти Голубых Кровей». Как будто в этом есть что-то зазорное! Уж его-то джентльменом никак не назовешь. С моим покойным Джозефом у него нет ничего общего. А тут, неожиданно-негаданно, – Бетти сделала слабый жест, – бац, и все!

Пейдж внезапно похолодела. Вот, оказывается, чего она боится больше всего. А что, если у них с Россом это всего лишь случайное взаимное влечение? Что, если они в один прекрасный день проснутся утром и поймут, что ничего, кроме секса, их не связывает?

Разве можно быть уверенным в искренности и глубине их чувств? Хотя Рейчел и уверяла, что никакого заболевания у них нет, но уж очень много странного творится вокруг в последнее время.

– Ну, понимаешь... – неуверенно начала, прочистив горло, Пейдж и посмотрела на часы. – Послушай, скоро здесь будет тетушка Делия. Ты не принесешь мне папку с ее делом? – попросила она, проплывая мимо стола Бетти.

– Делия отменила сегодняшнюю встречу, – сообщила секретарша.

Пейдж резко обернулась:

– Неужели? А что случилось? Неужели она все-таки решила заплатить штрафы за парковку машины?

– Нет. Она нашла себе другого адвоката.

– Что-о-о?! Кого же?

– Она не сказала. Лишь добавила, что его очень расхваливала Алисия. А также что он писанный красавчик.

– Тетушка Алисия? Но ведь она... – Бетти кивнула.

– Твоя кузина Дженнифер тоже отменила встречу. И дядюшка Зак.

Пейдж обошла вокруг стола и положила, нет, пожалуй, швырнула портфель.

– Выходит, вся моя семья бросила меня?

– А я-то думала, это тебя обрадует. Ты же всегда плачешься, что твои родственники отнимают у тебя слишком много времени.

– Нет, конечно, ты права, верно, – пробормотала Пейдж, подумав, что до сих пор так и было. Она уже давно привыкла, что ей вечно приходится заниматься бесконечной чередой юридических проблем родственников. – Но ведь Росс как адвокат занимается исключительно разводами.

– Что ж, возможно, он расширяет сферу своей деятельности.

Недавний разговор с Россом все больше приобретал до-

вольно-таки неприглядный вид. Он ведь честно предупредил ее, что ему надоело заниматься одними разводами. Но зачем переманивать ее клиентуру?

Неужели его предложение помочь ей, которое он сделал еще в больнице, было продиктовано иными, нежели обычная любезность, соображениями? Как знать, вдруг его юридическая практика оказалась в столь плачевном состоянии, что он был готов ухватиться за любую возможность немного поправить свои финансовые дела? В конце концов, надо ведь как-то компенсировать те деньги, которые он так щедро отдает на благотворительные нужды!

Нет, вот в это-то она ни за что не поверит. Росс ведь прекрасно знает, что с родственников она берет за консультации чисто символические суммы. Правда, сами они об этом не подозревают, потому что Пейдж, высылая им счета, не расширяет виды оказываемых им юридических услуг.

И все же, после того как она имела возможность лично убедиться в его доброй воле, готовности бескорыстно помогать людям и других высоких моральных качествах, разве она имеет право плохо о нем думать?

После того как Пейдж с первого взгляда невзлюбила его, она уже не раз раскаивалась в поспешности своих суждений и решила впредь не повторять подобных ошибок.

Однако сама она давно уже привыкла к своим многочисленным родственникам, неизменно требовавшим внимания к своим нескончаемым проблемам. Росс, возможно, к этому

не готов. Хотя он и позавидовал ей в том, что у нее столько родных, он просто не представляет себе, что значит иметь дело с ними постоянно, изо дня в день, порой даже по малоприятным поводам.

Стоит Россу, что называется, на собственной шкуре убедиться, что представляет собой клан Хартов во всей своей эксцентричной доблести, как знать, может, это заставит его пересмотреть свое решение и он не станет оказывать им юридические услуги. Иначе говоря, с воплями бросится наутек от всех них. Или все-таки сбежит от нее?

После последнего уик-энда Пейдж не хотелось даже задумываться об этом. Что, если между ней и Россом все действительно серьезно? А если это настоящая любовь, а вовсе не мимолетное увлечение? Может, будет лучше, если они расстанутся, не успев ранить чувства друг друга? Точнее, чувства ее, Пейдж.

Совсем недавно она сделала для себя открытие, что Росс, помимо своей невероятной любвеобильности, в избытке обладает положительными качествами. А вот о ней ему известно лишь то – несмотря на все его заверения в обратном, – что Пейдж излишне поспешна в своих суждениях.

Так за что ему любить ее? Она же в отличие от него, что называется, втрескалась по уши. И ей будет больно, если в один прекрасный день она, очнувшись от наваждения, поймет, что до сих пор их связывала одна только страсть.

Посмотрев на Бетти, Пейдж заметила, что лицо секретар-

ши приняло несколько озабоченное выражение.

– Значит, утро у меня сегодня практически свободно? – спросила она довольно резким тоном.

– До одиннадцати никаких встреч у тебя нет, – подтвердила Бетти.

– Прекрасно. – Пейдж выпрямилась и направилась к двери.

– Куда ты?

– На встречу с этим змеем!

В приемной офиса Росса Беннета было тесно от представителей клана Хартов. Когда туда стремительно ворвалась Пейдж, их там было не менее десятка. Все как один неторопливо перелистывали журналы.

Оглядевшись по сторонам, Пейдж решительно потребовала внимания.

– Тетушка Китти, дядюшка Джон, Дженнифер, дядюшка Зак, Тед! Я не ошиблась, это Тед? – не предвещающим ничего доброго тоном осведомилась она. – Что вы все здесь делаете, хотела бы я знать?

Ответ кузена прозвучал весьма неожиданно:

– Это касается только меня и моего адвоката!

– Но до недавнего времени ябыла твоим адвокатом!

Сказав это, Пейдж поспешно отвернулась. Она почувствовала, что уши ее сделались рубиново-красными, как, наверное, и лицо.

– Конечно-конечно, понимаю, этим делом должен заниматься адвокат-мужчина.

– Он ведь помочился в общественном месте! – напомнила тетушка Китти.

– Понятно.

Немолодая женщина, сидевшая за секретарским столом, натянуто улыбнулась Пейдж:

– Надеюсь, ваша фамилия не Харт, верно? Я не ошиблась?

– Смею вас огорчить, вы ошиблись. Моя фамилия Харт. И я следующая на очереди к мистеру Беннету. А вы, должно быть, миссис Уиппл. Секретарша Росса с нескрываемым облегчением вздохнула.

– Да! Верно! Надеюсь, вы пришли не за консультацией?

– Возможно, и за консультацией, – ответила Пейдж. – У меня возник вопрос – как развести супружеские пары покинувших меня родственников.

– Послушай, Пейдж!..

– Ты должна понять, Пейдж!..

– Мы решили избавить тебя от лишних забот!

– Алисия нам сказала, что...

Дверь, ведущая в кабинет Росса, распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Ник. Заметив Пейдж, он поспешил принять самый серьезный вид.

– Что ты здесь делаешь, Пейдж?

– Могу задать тебе точно такой же вопрос: что *ты* здесь делаешь? – холодно переспросила она.

Переговорное устройство на столе миссис Уиппл зажужжало, и в комнате раздался голос Росса:

– Прошу следующего!

Пейдж едва ли не набросилась на брата, заглядывая через его плечо на бедную миссис Уиппл.

– Я следующая! Вместе с Ником!

– Но...

– Мы ненадолго! Может, вам еще захочется отменить встречи с мистером Беннетом! – успела бросить она остальным родственникам, прежде чем затолкала Ника назад в кабинет Росса.

– Но!.. – разом воскликнули те одновременно.

– Разберетесь с ним потом, как только я освобожусь, – произнесла Пейдж. – Но сначала я разделаюсь с ним!

Затем она вошла внутрь и рывком захлопнула за собой дверь. И, указав на кресло, властно приказала:

– Садись, Ник!

– Привет, Пейдж! Рад тебя видеть! – поздоровался с ней Росс.

– А с тобой, – прорычала она, – я разделаюсь за пару минут!

Подойдя к Нику, она опустилась в кресло рядом с ним.

– Сейчас ты мне расскажешь, почему ты пришел сюда, вместо того чтобы посоветоваться со мной по поводу того дерьма, в которое ты скорее всего вляпался!

– Я вляпался? – переспросил Ник с самым невинным ви-

дом, на какой только был способен. – Видишь ли...

– Давай! Выкладывай!

– Да ничего особенного не произошло, – ответил Ник, поправляя воротничок рубашки. – Кроме того, дело уже улажено.

Пейдж насмешливо фыркнула и повернулась к Россу:

– Так что же он натворил?

Росс страдальчески сморщил лицо.

– Мой клиент... – тем не менее, пожав плечами, начал он.

– Чушь! Никакой он не клиент! Он – мой брат! Даже если он уголовный преступник, я должна об этом знать! Хотя бы для того, чтобы записать в свой блокнот адрес его тюрьмы!

– Да никакой я не преступник! Что за ерунда! – возмущенно завопил Ник.

– Так зачем тебе понадобился он?

– Это мужское дело! – ответил Ник.

– В адвокатских конторах мужские дела всегда приобретают скверный оборот! – усмехнулась Пейдж.

Ник вскочил и тут же снова опустился в кресло.

– Ну хорошо, я скажу! Меня обвинили... в одном проступке.

– Каком таком проступке?

– Сексуального характера, – выдавил из себя Ник. Пейдж добрых пять секунд пристально смотрела на брата, затем расхохоталась:

– Извини, но подобного рода проступки ты регулярно со-

вершаешь начиная с шестнадцати лет! И все-таки что же с тобой случилось?

– Я невиновен!

– Ну, в таком случае я – Махатма Ганди.

– Но это правда!

Дверь кабинета распахнулась, и в комнату, вся полыхая гневом, ворвалась Рейчел.

– Негодяй! – выкрикнула она.

За ее спиной стояла миссис Уиппл.

– Я не хотела пускать ее! – попыталась оправдаться секретарша.

– И правильно делали, миссис Уиппл, – сказал Росс. – Что ж, заходите, доктор! Присоединяйтесь к нашей компании.

Рейчел вошла. Из ее глаз буквально сыпались искры, и вся сила ее гнева была направлена на Ника. Пейдж даже забеспокоилась за жизнь брата.

– Сегодня утром я обнаружила на своем столе дыню. Ты можешь сказать, что это значит?

– Могу, – неохотно признался Ник.

– На ней ножом было вырезано: «Выходи за меня замуж».

– Ты умеешь читать. Это хорошо.

– Вы сделали предложение, использовав дыню? – поинтересовался Росс.

Ник оставил его вопрос без ответа и повернулся к Рейчел.

– Но ты же любишь дыни, – напомнил он ей.

– Люблю их на завтрак, но при решении жизненно важных

вопросов предпочитаю обходиться без них.

Хотя Пейдж и не любила вмешиваться в чужие разговоры, однако на этот раз удержаться не смогла:

– Послушайте, Рейчел!

– Да?

– Видите ли, Ник – неисправимый романтик, и ничего с ним не поделаешь. Не хотите отвечать ему – напишите ваш ответ на той же дыне!

Рейчел на какой-то миг задумалась, затем посмотрела на Ника, и выражение ее лица с пугающей быстротой изменилось.

– Я подумаю над этим, – задумчиво произнесла докторша.

– Отлично! – отозвалась Пейдж, радостно хлопнув в ладоши. – Мне кажется, вы готовы дать ему положительный ответ!

Продолжая на ходу препираться, Ник и Рейчел вышли из кабинета.

– Они любят друг друга, – заметил Росс.

– Искренне любят? – спросила Пейдж.

– Почему ты сомневаешься?

– Это же мы заразили их. Мы ведь и сами стали жертвой вируса.

– Ты все еще считаешь, что нашими чувствами управляет одна лишь животная страсть? – спросил Росс, посмотрев на нее в упор.

Пейдж сделала глубокий вдох.

– Ну, по крайней мерс с моей стороны это вовсе не так. Я уверена... это не только... страсть. Ты – красивый мужчина, в этом нет никаких сомнений. Ты очень хороший любовник. Но я не поверю, что меня в тебе интересуе только это, потому что в таком случае я считала бы себя наивной маленькой пустышкой. Но я не такая, я не так воспитана. Мне в жизни нужно совсем другое!

– Подожди!.. – попытался прервать ее Росс.

– Я ни в чем тебя не обвиняю. Ты ведь знаешь, что у меня есть братья.

– Но я не...

– Поэтому я немного знаю, что такое мужчины, и, до тех пор пока ты честен, я готова разговаривать с тобой. Я высоко ценю честность в людях.

– Ну хорошо...

– Кстати, о честности, – резко оборвала его Пейдж. – Я вынуждена тебе кое-что сказать. Чтобы ты знал, что все это я тебе говорю совершенно искренне. Переманивая от меня всех моих родственников и занимаясь их делами, ты начинаешь действовать мне на нервы. – Росс встал и обогнул стол.

– Давай все обсудим по порядку. Во-первых, спасибо тебе за высокую оценку моей сексуальной привлекательности. То же самое я могу сказать и о тебе. Ты чертовски красивая женщина. И то обстоятельство, что ты мне нравишься и мне чрезвычайно приятно твое общество, еще не делает из меня похотливого типа с низменными желаниями.

– Согласна.

– Во-вторых, я не просил...

– Ро-о-о-с!

Они оба одновременно оглянулись, устремив взгляды на дверь. В комнату ворвалась Жасмин. За ее плечом стояла миссис Уиппл. Вид у секретарши был такой, что, если в кабинет Росса попытается проникнуть очередной представитель семейства Хартов, она его убьет. Прихлопнет на месте, как муху.

– Что, и Жасмин изменила мне с тобой?

– Понятия не имею!

– Тогда почему она здесь?

– Жасмин, я попрошу вас на некоторое время оставить нас, – довольно решительно потребовал Росс. – Я займусь вами через минуту.

Он снова повернулся к Пейдж, и от его сердитого взгляда она едва не лишилась чувств.

– Пейдж, ты должна прямо сейчас для себя решить – будем мы и дальше встречаться с тобой или нет! Потому что, если ты скажешь «нет», мне надо будет свыкнуться с этой мыслью!

– Мыслью о чем?

– Перестать думать о тебе!

– Ты хочешь сказать – о том, чтобы заниматься со мной сексом!

Росс нахмурился.

– Позволь мне задать тебе один вопрос. Неужели ты такой поверхностный, мелочный человек, что сама веришь в то, что говоришь?

Пейдж взорвалась, как Везувий.

– Да как ты только!.. Впрочем, может быть. Не знаю. – Она проглотила застрявший в горле комок, после чего неожиданно сорвалась на крик: – Неужели ты не понимаешь? Что, если мы с тобой совершим огромную ошибку? Я до смерти боюсь ошибиться снова!

– А я боюсь ошибиться в первый раз! Но если мы позволим страху взять верх над нашими чувствами, то мы никогда...

– Пе-е-ейдж! – Голос Жасмин прозвучал как сирена пожарной машины. – Карл здесь! Скажи ему, чтобы он ушел!

Смахнув наверхнувшиеся на глаза слезы, Пейдж посмотрела на дверь.

– А я подумала, что вы пришли вместе. Разве не так?

– Если бы! Это было только однажды. Карл просто невыносим!

Пейдж и Росс обменялись понимающими взглядами. Жасмин и Карла вирус скорее всего поразил не так сильно, как их самих.

– Уходите, Жасмин! – Росс так рывкнул на посетительницу, что Пейдж даже стало не по себе.

– Подожди меня в приемной, Жасмин, – сказала Пейдж и тут же повернулась к Россу: – Как ты посмел привести их

обоих?

– Я понятия не имел, что они придут! Я уж не говорю об остальных твоих родственниках! А зачем ты ко мне пришла?

– Не знаю. Наверное, мне хотелось узнать, как ты ко мне относишься. Я просто теряюсь в догадках!

– В самом деле?

– Конечно. Мне кажется, что я все-таки люблю тебя. По крайней мере мне так кажется.

– И ты пришла, чтобы сказать мне об этом?

– Я думала, что тебе следует об этом знать. С моей стороны было бы невежливо держать тебя в неведении.

– Прекрасно.

– Что прекрасно? Тебе что, больше нечего сказать?

– Я схожу сума по тебе, – сказал Росс. – Я только о тебе и думаю. Что ты на это скажешь?

Слышать это было, конечно, очень приятно, однако Пейдж все никак не удавалось услышать от Росса слово «любовь».

– А как же мы узнаем это точно, Росс? Откуда мы узнаем, что это не вирус играет нашими гормонами?

– Никак не узнаем. Но нам все-таки очень хорошо вместе. Почему бы не радоваться хотя бы этому?

Пейдж приблизилась к нему и цепко взялась за лацканы пиджака.

– Я не так воспитана, мистер, чтобы заниматься пошлым времяпрепровождением! Я хочу знать, что тебе нужны не од-

ни лишь постельные отношения со мной!

От кожи Росса исходил чертовски соблазнительный, пьянящий аромат, и Пейдж притянула его еще ближе к себе.

– Я хочу, чтобы ты понял меня правильно! Страсть – это прекрасно. Мне это тоже понемногу начинает нравиться. Но страсть не та основа, на которой строятся серьезные отношения между мужчиной и женщиной.

Росс ограничился покашливанием, что само по себе могло служить ответом. Но каким?

– Мне кажется, что нам с тобой больше нечего сказать друг другу! – сказала Пейдж, оставив в покое его пиджак.

– Постой, ты не права! Пейдж, дорогая, мы провели с тобой замечательные, счастливые часы! Почему ты так торопишься забыть об этом? Просто потому, что у нас с тобой нет возможности заглянуть в собственное будущее?

Пейдж покачала головой.

– Дело даже не в нашем будущем. Не оно меня беспокоит. Судьба свела нас вместе случайно. Пойми, этой встречи ведь могло и не быть.

– Тем не менее это произошло, и нам с тобой было хорошо. Не надо сдаваться, не надо уступать судьбе! Не надо. Прошу тебя.

– Понимаешь, Росс, в моей жизни как-то раз уже случилось нечто подобное. Я позволила заманить себя в интимные отношения с мужчиной. Только с его стороны эти отношения оказались неискренними. Я сделала большую ошибку,

доверившись ему. И ты знаешь, что из этого вышло. Мне бы очень не хотелось пережить это заново.

Теперь настала очередь рассердиться Россу.

– Но я ведь не имею ничего общего с этим чертовым профессором!

– Верно. Я это знаю. – Пейдж едва сдерживала слезы, однако ей не хотелось бы расплакаться, когда в соседней комнате толпилась целая куча родственников. – Я просто не хочу повторить прошлую ошибку.

– Я – не ошибка. И мы с тобой – тоже не ошибка.

В этот миг он показался ей невероятно красивым, хотя все еще продолжал хмуриться. Пейдж захотелось отыскать в Россе пусть даже крохотный недостаток, чтобы ухватиться за него как за спасительную соломинку, чтобы ей было над чем размышлять все последующие дни, когда она останется одна. А может, и не дни даже, а недели или долгие месяцы, когда она в одиночестве будет тосковать по нему.

На какое-то мгновение Пейдж охватило сомнение. А что, если ей по-прежнему будет больно видеться с ним? Впрочем, видеться с ним – само по себе не проблема. Следует честно признаться себе самой, что Ёйа жаждет видеть его. И чем дольше она его видит, тем сильнее чувствует, что никак не может на него насмотреться. Еще одного разочарования в любви ей просто не вынести. Как не переживет она и расставания с Россом. Так что же ей делать – запретить себе любить его? Нет, если ее и ожидает горькое разочарование,

то надо хотя бы сейчас доставить себе удовольствие! Почему бы не рискнуть?

– Ладно, не будем ничего говорить о расставании, – кивнула наконец она. – Давай, прежде чем разорвутся наши сердца, лучше займемся любовью!

Росс от удивления даже открыл рот.

– Ты серьезно? – недоверчиво спросил он, не в силах сдержать сияющую мальчишескую улыбку.

– Конечно. Хочу пользоваться тобой, пока мне это не надоест.

– Надоест? – возмутился Росс.

– Даю месяц испытательного срока.

– Ты думаешь, что за месяц я успею тебе надоест?

Пейдж заставила себя удержаться от слез. У нее чесались кулаки отлупить этого поганца, чтобы он все-таки влюбился в нее.

– Месяц – это очень великодушно с моей стороны!

Пейдж сдержала свое слово и подарила ему месяц. И какой это был месяц! Каждую свободную минутку они проводили вместе – смотрели фильмы, яростно сражались во все мыслимые настольные игры, готовили самые фантастические блюда, консультировали бесчисленных Хартов по самым разным юридическим вопросам и без конца занимались сексом, сексом и только сексом.

Однако – как она и обещала – в один прекрасный день

Пейдж выбросила Росса из своей жизни, словно это был не человек, а червивое яблоко.

Росс еще долго в беспокойных снах переживал ужас того дня. Накануне она обставила его в «Счастливом случае» – хотя у Росса было подозрение, что Пейдж смошенничала в ходе игры, – после чего ночью едва не свела его с ума, занимаясь с ним любовью с такой дикой страстью, какой он раньше в ней не замечал.

После чего встала, оделась и ушла из его жизни, бросив на ходу: «Все в этой жизни когда-то кончается! Хорошего понемножку».

И после этого куда-то исчезла. По крайней мере связаться с ней обычными способами ему не удалось. Она не отвечала на телефонные звонки, не открывала, когда Росс звонил ей в дверь, оставляла без внимания послания по электронной почте и, что было хуже всего, по-прежнему отправляла всех своих родственников консультироваться с ним по правовым вопросам. Господи, если ему придется взяться за дело хотя бы еще одного Харта, он наверняка угодит прямым в сумасшедший дом.

Пейдж Харт одержала над ним верх. В принципе Росс понимал почему. Она хотела убедиться, что произошедшее между ними не было обыкновенным развлечением, затяжным постельным романом, порожденным опасным вирусом.

Честно говоря, в этот злосчастный вирус Росс не верил. Теперь уже не верил. Если он и заболел, то заболел этой вос-

хитительной женщиной по имени Пейдж Харт. Это она, подобно вирусу, проникла в его плоть и кровь, и, похоже, надолго.

Росс был готов поспорить на что угодно, что подобная аналогия вряд ли пришлась бы Пейдж по душе.

Рука Росса сама потянулась к телефону и набрала хорошо знакомый номер.

– Бетти? Это Росс.

– Послушайте, мистер Беннет, мой отец имел привычку говорить, что нет ничего хуже кваканья лягушек в брачный период.

– Я бы предпочел, насколько это возможно, не понять вашего намека.

– Мой отец, конечно же, был человеком простым. А мой муж в таком случае сказал бы следующее: «Пора вываливать то, что накопилось».

– На сей раз у меня абсолютно беспроектный план.

– Вроде вашего вчерашнего букета цветов? Она выставила их в туалет, сказав, что там им самое место – будет чем освежить воздух.

У Росса болезненно дернулось веко.

– Этот план сработает! Но мне нужна ваша помощь.

– Расскажите-ка мне, в чем состоит ваш план, голубчик, и я подумаю, чем смогу вам помочь.

– А мне показалось, что Жасмин полностью перешла к

Россу, – произнесла Пейдж, бросив взгляд на ежедневник, лежавший на столе Бетти.

– Она хочет еще раз проконсультироваться с тобой, – откликнулась ее секретарша.

– А мы не можем направить ее к кому-нибудь другому, например, к Кливленду?

Бетти резко бросила на стол ручку.

– На прошлой неделе ты жаловалась, что Росс занимается твоими родственниками. Сейчас ты жалуешься на то, что твоя родственница просит у тебя помощи!

Пейдж принялась массировать виски, слегка морщась от головной боли.

– Я знаю, что не права. Извини меня, Бетти. Я сама не своя в последнее время.

– Понимаю. Да кому уж понять тебя, как не мне! Что же все-таки с тобой происходит, Пейдж?

Пейдж еле сдержала улыбку – настолько стремительно было превращение Бетти из светской львицы высших кругов Атланты в простушку южанку. Однако все прочее вряд ли могло вызвать у нее улыбку или хотя бы подобие хорошего настроения. Прошло уже три недели после расставания с Россом. Три недели, которые превратились для нее в настоящее мучение.

Пейдж была уверена, что месяц активного секса либо утолит их гормональную жажду, либо по крайней мере надоест им обоим до смерти, либо – что было бы лучше всего – заста-

вит их понять, что они судьбой предназначены друг для друга на долгие годы. Однако ничего подобного не произошло. Вместо этого Пейдж приняла самое трудное в своей жизни решение. Уйти от него. Уйти из его жизни.

Но ничего хорошего из этого не вышло.

Пейдж вовсе не собиралась сдаваться. Скорее всего Росс просто не готов к более серьезным отношениям, если ему достаточно ни к чему не обязывающих постельных забав. И хотя она сама была не прочь заниматься с ним любовью хоть целую вечность, этого было мало.

Пейдж и так продлила испытательный срок на месяц и в результате получила целых тридцать дней безудержного теллячьего восторга и счастья. Что ж, следует признать, она совсем потеряла голову. А вот этого делать как раз и не надо. Что будет, если она продлит испытательный срок еще на месяц? Месяц счастья без каких-либо гарантий, что в один прекрасный день все кончится.

Впрочем, так будет лучше. Пейдж наконец поняла, в чем она ошиблась. Главное, не возлагать особых надежд на будущее. Когда-то давно она на что-то надеялась, о чем-то мечтала и совершила глупость. И хотя из былых ошибок она все-таки извлекла урок, но...

– Пе-е-ейдж!

Пейдж улыбнулась, услышав знакомый голос, скорее от облегчения, что ее мучительные мысли сейчас переключат-

ся на что-то новое, а вовсе не от радости по поводу новой встречи с Жасмин.

– Привет, сестричка! Проходи в кабинет!

– Пейдж, Карл настаивает, чтобы Дуддл оставался у нас в совместной собственности! – ныла Жасмин, направляясь в кабинет двоюродной сестры. – Он предлагает двойную опеку над ним!

– А я-то думала, что вы уже проработали все эти детали с мистером Беннетом!

– Да, верно, мы все обсудили, но затем Карл неожиданно изменил свое решение.

– И Росс ему позволил? – спросила Пейдж, возмущившись по крайней мере двумя вещами. Ее двоюродную сестру обвели вокруг пальца, и Росса за это следовало бы хорошенько вздуть. Немного подумав, Пейдж поняла, что второе соображение не слишком логично вытекает из первого, но зрелище было бы чрезвычайно увлекательным.

– Росс посчитал это справедливым, – пояснила Жасмин.

– Давай тогда... – начала было Пейдж, но не успела закончить фразу, потому что дверь распахнулась и в кабинет в сопровождении Карла Пейтона вошел Росс.

Жасмин возмущенно пискнула, а Пейдж при виде красавца негодяя, который ее ни капельки не любит, едва не упала в обморок.

Негодяй выглядел весьма соблазнительно и свежо. Пейдж так и подмывало запулить в него чем-нибудь поувесистее,

например двухфунтовой гирей.

– Чего вы хотите? – поинтересовалась Пейдж не слишком дружелюбным тоном.

– Мы хотим устроить совместную встречу.

– Тогда запишитесь у секретаря!

– Они записаны, – вступила в разговор Бетти. – Неужели я забыла тебе сказать, что на твоей сегодняшней встрече с Жасмин просили присутствовать мистер Пейтон и мистер Беннет?

Не теряя времени даром, Росс ухватил Пейдж за запястье и вместе с Карлом и Жасмин потащил ее в ее же собственный офис.

Он не стал тратить время на объяснения и сразу перешел к делу:

– Давайте все возьмемся за руки.

– Что-что? – спросили в унисон три голоса.

– Что слышали. Позвольте мне прикоснуться ко всем троим.

– Простите, что вы сказали? – поинтересовался Карл.

Пейдж, Жасмин и Карл замерли на месте от удивления, и Росс пожал руки всем троим. Кроме того, он заставил их всех обменяться рукопожатиями друг с другом. И даже легонько, словно ненароком, прикоснулся к щеке Пейдж.

– Вот вы двое, – сказал он, обращаясь к Карлу и Жасмин. – С вами все сработало.

– Что сработало? – удивилась Жасмин.

– Вы воссоединились.

– Воссоединились? – удивился на этот раз уже Карл. – Через это мы уже прошли. И хотя я обожаю эту малышку, но звук свадебных колоколов почему-то наводит на меня тоску.

– Карл просто душка, – добавила Жасмин. – Но мы с ним не созданы для брака. Однако я не против, чтобы мы оставались друзьями. Слышишь, дорогой?

– А мне хотелось бы навещать Дуддла, дорогая! Ты ведь не возражаешь?

– Ну, иногда ты можешь приходить, чтобы повидаться с ним. Но больше никаких косточек! Слышишь?

– Как насчет того, чтобы иногда вместе сходить в ресторанчик?

– Ну хорошо! Не возражаю.

Пейдж посмотрела Россу в глаза. Все то же самое, все повторяется снова, говорил ее взгляд.

Нет, что-то здесь не так. Он рассчитывал на одно, а получалось совсем другое.

– Что вы скажете на то, если я предложу вам встретиться еще раз и все детально обсудить? – с отчаянием в голосе спросил Росс, суеверно скрестив на удачу пальцы за спиной.

– Я хочу, чтобы мы оставались друзьями, – повторила Жасмин, впервые вызвав у Росса желание искренне обнять ее.

– И я тоже, моя куколка, – заявил Карл. Россу захотелось обнять и его тоже, однако не столь энергично, как его жену.

– Прекрасно. У нас все получится, – сообщил супругам Росс и без особых церемоний выпроводил их за порог.

– Что все это значит? – поинтересовалась Пейдж, отойдя от Росса, как будто из опасения, что он сейчас набросится на нее. Что было весьма благоразумно с ее стороны, поскольку он действительно был готов к нападению.

– Обрати внимание на то, что Карл и Жасмин не заразились от нас, несмотря на то что вступили с нами в контакт.

– Может быть, мы уже не способны инфицировать окружающих?

– Меня ты инфицируешь с прежней силой.

Пейдж презрительно фыркнула, но ее губки невольно растянулись в улыбке.

– Ты извращенец!

– Знаю. И ты любишь этого извращенца во мне.

– Мне в тебе это нравится!

– Пусть будет так. Но ты уж точно в восторге оттого, что я без ума от тебя!

– И это мне тоже нравится в тебе! – Росс указал на дверь.

– Ты видишь? Мы так и не заразили Карла и Жасмин! Это было лишь совпадение. Я занимался разводами так часто, что давно уже потерял им счет. Никто из моих клиентов не умолял меня примирить его с противоположной стороной после одного лишь моего легкого прикосновения. Так что дело не в вирусе, Пейдж. Наше стремление быть вместе, – с этими словам Росс взмахнул рукой, – вполне естественно, и

если ты попытаешься это отрицать, я подам на тебя в суд!

– За что же?

– За отказ от любви.

– И все-таки это страсть! – возразила Пейдж, просто из желания немного потянуть время и немного помучить Росса. Он вполне заслуживал это наказание, уж слишком долго анализировал он свои чувства, но главным образом потому, что только она, женщина, имела право решать, что с ней действительно происходит.

– Черт возьми, Пейдж! – Росс стукнул кулаком по столу, затем, успокаиваясь, провел рукой по волосам. – Я знаю, что слишком долго колебался, прежде чем принять решение. Но лишь потому, что хотел убедиться наверняка. Я уже говорил тебе, что если за что-то берусь, то делаю это раз и навсегда.

– И что же ты делаешь?

– Влюбляюсь. И женюсь.

– Неужели? Ты? Женишься?

– Совершенно верно, – ответил Росс, упрямо выставив вперед подбородок. – Раз и навсегда. Навеки. Я за свои слова ручаюсь. Так что не надо никаких разговоров про то, как ты устала от меня. Когда мы поженимся, ты это поймешь. Так что тебе от меня никуда не деться. Даю тебе пару секунд подумать, действительно ли тебе этого хочется. Да или нет? Отвечай!

– Это не самое романтическое предложение из тех, что мне доводилось слышать! Вернее, быть свидетельницей.

Ее слова остановили Росса.

– А тебе доводилось быть свидетельницей других, гораздо лучших предложений руки и сердца?

– Признание в любви к Рейчел, которое Ник оставил на дыне.

Росс усмехнулся:

– Вообще-то это не слишком оригинально, так мог бы поступить любой! А много ли ты видела мужчин, которые были готовы долго, самыми разными ухищрениями доказывать свою любовь? Доказывать, что это естественное, искреннее чувство, не имеющее ничего общего с вирусом?

– Ты говоришь о любви? – переспросила Пейдж, радуясь тому, что ее сердце все еще не выскочило из груди прямо в его руки. Хотя, по правде говоря, ее сердце уже давно у него в руках – почти с того самого мгновения, как они оказались вместе в больничной палате. К счастью для нее, Росс оказался достаточно толстокожим и не заметил этого.

– Если ты не любишь меня, то скажи прямо сейчас! – потребовал он.

– Я безумно хочу тебя! – ответила Пейдж, придвигаясь к нему поближе.

– Желание – это прекрасно. Но мне нужно другое, более глубокое чувство.

– Я тобой восхищаюсь! – ответила она, схватив его за галстук.

– Это тоже замечательно. Мне нравится, что ты восхища-

ешься мной. В самом деле. Но мне нужно, чтобы...

Обмотав галстук вокруг запястья, она подтянула Росса вплотную к себе.

– Твое знание спорта впечатляет!

– Я рад, что это доставляет тебе удовольствие, но для меня гораздо важнее твоя любовь...

– Вам штрафной, Беннет!

Росс не мог понять, сколько времени он любуется ее бездонными зелеными глазами – секунды или часы, – и чувствовал, что может смотреть в них вечно.

– А у меня есть шансы получить дополнительные очки?

Эпилог

– Ты самый настоящий змей!

– А ты – жуткая зануда!

Пейдж, конечно же, оспорила бы это утверждение, если бы он не был так чертовски прав. Она перешагнула через выстроенный Россом кукольный домик и подкралась к строителю.

– Твоему клиенту не видать пса как собственных ушей! – Росс подхватил дочку на руки и сморщил нос.

– Одной моей клиентке необходимо срочно заменить пленку.

Пейдж улыбнулась и поцеловала малышку Тейлор в лобик.

– Моя двоюродная сестра будет рада узнать, что ты профессионально ведешь переговоры, Росс!

Пейдж проводила мужа до комнаты Тейлор и постояла рядом, пока он менял малышке подгузник. От нежности к ним обоим у нее даже навернулись на глаза слезы.

– Может мой клиент оставить за собой хотя бы лыжный домик в Тахо? – спросил Росс, ловко припудривая тальком розовую попку Тейлор.

– Он может оставить за собой все, кроме собаки, – ответила Пейдж. – Ей нужен только пес.

Росс вздохнул и взял дочку на руки.

– Ты только не говори маме, малышка, – шепнул он на ушко младенцу, – но она настоящая зануда!

Тейлор, как будто поняв слова отца, заулыбалась.

– Эй, о чем это вы там? – подозрительно осведомилась Пейдж.

– Господи, от нее просто так не отделаешься.

– Как от того вируса? – невинно поинтересовалась Пейдж.

Росс кивнул.

– Похоже, мне никуда не деться от твоей мамы, малышка.

– Росс поцеловал Тейлор и улыбнулся Пейдж. – Какой же я все-таки счастливчик!